И. П. СМИРНОВ

ОПАЛЁННЫЕ ВОЙНОЙ. ОТЦЫ И ДЕТИ

г. Пушкин
2010

Если изначально было слово на Земле,
Этим словом было слово «ВОИН»!

Владимир Высоцкий

СОДЕРЖАНИЕ

К читателю 4
Крещённый огнём 7
Ветеран о прошлом и настоящем 27
Заслуженный военный лётчик СССР 45
Сын артиллериста, отец артиллериста 60
Ровесник Октября 80
Кавалер Ордена Славы. Заслуженный врач РСФСР 95
Старшина артиллерист 109
Ополченец 124
От сына полка до генерала 141
Ему покровительствовали египетские фараоны 166
Рождённый побеждать 186
Судьба офицера 202
Его помнят во Вьетнаме и на Кубе 215
Он охранял небо Дамаска 234
Листая страницы памяти 246
Ленсо Виноградов 256
Человек долга 273
Миротворец 287
Подвиг связиста 298
Афганская война глазами солдата 305
Послесловие 317

К читателю

Ежегодно 9-го мая прогрессивные люди всей Земли отмечают, может быть, самое значительное событие XX века — Победу над «коричневой чумой» — немецким фашизмом — во второй мировой войне. По сути, — Победу Советского народа над объединёнными бесноватым немецким фюрером Адольфом Гитлером идеей установления нового мирового порядка, народами почти всей Европы! Основная идея гитлеровского мирового порядка заключалась в делении всего населения Земли на две расы: расу господ и расу рабов! Расой господ во главе с самим Гитлером предполагалось сделать немцев, все же остальные народы мира по замыслу превращались в расу рабов, обслуживающих «избранную» нацию.

Идея далеко не новая. В истории человечества не раз появлялись и исчезали потенциальные властители мира и, соответственно, «избранные народы». Ибо ещё древние знали, что самой сильной человеческой страстью после себялюбия является властолюбие!

Сегодня мир переживает очередную попытку установления нового мирового порядка. Теперь он называется глобализацией по-американски! Вновь предполагается объединённый мир, лишённый наций, их самобытных религий и традиций, поделить на те же две расы. К сожалению, недавний урок Гитлера не воспринят новыми фюрерами!

Многие в Европе и мире уже забыли, что от участи рабов в 1945 году их спасла Советская Армия! Недавно ОБСЕ принял резолюцию, призывающую народы считать Сталина — иначе говоря, СССР, Россию — таким же агрессором, как и Гитлера, фашистскую Германию! А день подписания пакта Молотова — Риббентропа — считать днём скорби по жертвам гитлеризма и сталинизма! Не подумали европейцы, что было бы с ними, если бы Сталин дал указание Советской Армии остановиться на своей государственной границе! Ведь в таком случае и холокост оказался бы реально завершённым, и подобные резолюции принимать было бы некому! Такова «людская благодарность», за те жертвы, которые понёс Советский народ во имя избавления Европы от страшной уча-

сти! Эти господа в очередной раз пытаются очернить нашу историю, отнять у нас самое светлое — Победу в Великой Отечественной войне, лишить наш народ памяти о героических страницах его истории, этой основы гордости своей страной, а, следовательно, и патриотизма. Всем, кому дорога Россия необходимо всеми возможными средствами защищать наше прошлое, нашу историю!

Другим важным результатом майской Победы 1945 года явился распад мировой колониальной системы. Закончилось золотое время романо-германских стран, когда они безнаказанно сотни лет обогащались за счёт народов своих колоний. Если в 1945 году в колониальных странах проживало 675 миллионов человек, то к 1981 году их осталось всего семь! Причём большинство освободившихся от колониальной зависимости стран, имея перед собой пример СССР, стремились реализовать социалистическую или близкую к ней модель суверенного государства. Естественно, романо-германский Запад всеми силами препятствовал этому.

Несмотря на союзничество в войне, Запад продолжал люто ненавидеть социализм, нашедший воплощение на шестой части Земли и стремящийся к распространению по всему миру. Это угрожало правящим элитам утратой всех их привилегий. Война двух мировых несовместимых политических систем, по сути, 9-го мая 1945 года не закончилась, она обрела другую форму. Достаточно только вспомнить не разоружённые по приказу Черчилля немецкие дивизии в Норвегии, его Фултоновскую речь, объявившую о начале холодной войны против СССР, и речь директора ЦРУ США А. Даллеса 1946 года о методах её ведения. Началась новая волна гонки вооружений. Запад использовал все силы, чтобы остановить распространение по миру самого справедливого общественного строя, служащего абсолютному большинству населения страны. Естественно, Советское правительство по мере сил, порой в ущерб росту благосостояния своего народа, старалось помогать подняться росткам социализма, установлению справедливых общественных отношений между людьми во всех уголках планеты. В наших учебных заведениях обучались представители многих стран мира, вставших на путь создания справедливого общества. Наши специали-

сты помогали бывшим колониальным странам в налаживании экономики. Там, где возникали или грозили возникнуть конфликтные ситуации, работали наши военные советники. Кстати говоря, в этих странах всегда присутствовали и представители Запада, преследовавшие противоположные цели! В отдельных случаях по просьбе правительств бывших колоний туда направлялись и наши войска. Так, например, в начале 50-х годов наша авиация вела боевые действия в Корее, в 60-х — 70-х годах наши воинские части ПВО охраняли небо Вьетнама, в 1969–1971 годах наша дивизия зенитно-ракетных войск отражала агрессию израильской авиации в Египте, в 1979–1989 годах ограниченный контингент наших войск был в Афганистане.

В целом, в боевых действиях в самых различных уголках земного шара в 50-х — 90-х годах прошлого века в разном качестве в боевых действиях приняло участие значительное число военнослужащих Советской Армии. Их называли воинами-интернационалистами. К исполнению своих функций они были подготовлены всей предшествующей жизнью: семьёй, школой, молодёжными организациями, военными училищами и Академиями. Все они за рубежом защищали интересы нашего государства, наше мировоззрение, наше понимание справедливости. Эти люди рисковали собой, проявляли мужество, героизм, верность воинскому и интернациональному долгу, и заслужили того, чтобы народы не забывали об их подвиге!

Абсолютное большинство воинов-интернационалистов в период службы за границей Родины проявили самые высокие моральные качества и могут служить хорошим примером для воспитания у нынешней молодёжи чувства долга, ответственности, патриотизма, товарищеской взаимопомощи — качеств необходимых настоящему воину защитнику Отечества.

Следует особо подчеркнуть, что воины-интернационалисты, как и их отцы и деды во время Великой Отечественной войны, были именно защитниками, а не агрессорами. Они защищали интересы большинства населения тех стран, где проходили службу! Некоторым из них, отцам и детям, нашим землякам — пушкинцам, и посвящены предлагаемые читателю очерки.

КРЁЩЕННЫЙ ОГНЁМ

Случай свёл меня с гвардии полковником в отставке Демидовым Петром Михайловичем в канун 60-летия полного снятия ленинградской блокады. Передо мной сидел высокий, подтянутый, седой, сероглазый, с острым проницательным взглядом и чувством юмора человек, очень бодрый, выглядевший много младше своего календарного возраста.

Петр Михайлович участник Великой Отечественной войны с её первого до последнего дня, кавалер шести **боевых** орденов (в том числе ордена Александра Невского!) и восьми медалей, начавший войну под Ленинградом и закончивший её в Берлине. Естественно, разговор сразу зашёл о том героическом времени, о наиболее памятных ему эпизодах, и, в частности, об обороне нашего города. У моего собеседника оказалась прекрасная память. Он в деталях помнил многие события шестидесятилетней давности.

— Если можно, — попросил я, — вспомните, пожалуйста, подробности своего первого соприкосновения с противником, своего первого боя. Ведь из-за новизны впечатлений он, наверное, наиболее ярко запечатлелся в Вашей памяти.

— Конечно, — согласился Пётр Михайлович, — я и сегодня, закрыв глаза, могу, как в кино, просмотреть подробности того далёкого дня. Впечатление он оставил неизгладимое! Да и последние дни в Берлине тоже!

Немного помедлив, видимо, мысленно упорядочив события, он начал свой рассказ.

«Начало войны застало меня в Лужских военных лагерях, куда после окончания первого курса Ленинградского артиллерийского училища, нас вывезли для практического освоения материальной части орудий и реальных артиллерийских стрельб. Сразу после получения известия о начале боевых действий, командование вернуло нас на зимние квартиры, в казармы училища. Всем нам — недоучившимся целый год курсантам — было присвоено офицерское звание, и мы были направлены в специальный лагер-ь под Москвой. Здесь формировалась 286-я стрелковая дивизия, в 854-м артиллерийском полку которой я и начал службу в должности старшего офицера батареи. Уже в августе 1941-го года укомплектованная и вооружённая дивизия была переброшена под Ленинград. К этому времени фашисты вели бои по завершению окружения города. Наша дивизия должна была встать на пути немецких войск, двигавшихся вдоль Невы в сторону Ладоги. Мы выгрузились в районе станции Назия и по сильно разрушенной вражеской авиацией полевой дороге, в вечерних сумерках, походной колонной двинулись навстречу врагу. Впереди виднелось зарево пожара, доносился гул канонады. Повеяло смертью и неизвестностью, тревожно забилось сердце: что-то ждёт нас там, впереди? Мы приближались к линии фронта.

Наконец, колонна остановилась, и комбат приказал мне выбрать место орудиям для стрельбы с закрытых позиций, а сам поехал вперёд, чтобы организовать наблюдательный

пункт (НП) для управления огнём батареи. На дороге остались четыре 76-миллиметровые пушки нашей батареи, каждую из которых обслуживало семь человек боевого расчёта и шесть лошадей тяги. Пушки прицеплены к передкам с боекомплектом снарядов. Вокруг — болотистый, трудно проходимый лес. Пройдя для рекогносцировки вместе с командирами взводов немного вперёд по дороге, обнаружил возвышающуюся над болотом поляну диаметром метров в триста. Дорога, пересекая эту поляну, углублялась в лес в сторону противника. На опушке поляны, посоветовавшись, и решили установить орудия. Лошадей отвели в тыл. Весь остаток ночи артиллеристы рыли окопы для орудий и ровики для укрытия личного состава. Никто не отдохнул ни минуты. К рассвету пушки закатили в окопы и замаскировали. С нашей огневой позиции отлично просматривался противоположный конец поляны. Связисты с наблюдательного пункта протянули телефонную связь, и комбат передал исходные данные для стрельбы по запланированным целям, которые командиры взводов записали мелом на щитах орудий.

Утро выдалось тихое, ясное. Из болота слева и справа медленно поднимался туман. Он тут же рассеивался в лучах восходящего солнца. Казалось, ничто не предвещало грозных событий.

Я доложил командиру о готовности к боевой работе и только собрался немного отдохнуть, как поступила команда: «Батарея по местам, неподвижный заградительный огонь (НЗО), ориентир один, четыре снаряда беглый, огонь!» Подаю команду: «Батарея к бою! НЗО, ориентир один, четыре снаряда беглый, о готовности доложить!» После докладов командиров взводов о готовности подаю следующую команду: «Залпом огонь!» Затем по команде с НП мы обстреляли и другие запланированные цели.

Отличным оружием была наша пушка: лёгкая, низко сидящая, подвижная, с полуавтоматическим затвором; она быстро и точно наводилась в цель, хорошо маскировалась в складках местности, имела большую скорострельность

и начальную скорость полёта снаряда. Пушка была очень хороша для стрельбы с закрытых огневых позиций, а также прямой наводкой по танкам, ДОТам и другим неподвижным целям. Снаряд у неё был унитарный, фугасного и осколочного действия. Эффект от её стрельбы был весьма существенный!

Между тем фашисты наступали, и комбат приказывает мне одно орудие отправить к нему на НП для стрельбы прямой наводкой по идущим на прорыв танкам. С нехорошим предчувствием посылал я туда лучшее в батарее первое орудие. Больше его расчёта я не видел. Как стало известно позднее, он с хода вступил в бой, уничтожил два танка и весь погиб под гусеницами третьего.

Канонада всё приближалась. Уже были видны разрывы вражеских снарядов в районе нашего НП. Оборвалась телефонная связь с ним. С соседней батареи прибежал связной и передал приказание моего комбата, с которым она ещё имела связь, встретить двигающиеся на нас, прорвавшиеся через нашу линию обороны, немецкие танки. Вскоре на дороге показались отходящие в тыл хозяйственные повозки, кухни, санитарные двуколки с ранеными, а затем и наша пехота. К середине дня дорога опустела. Я собрал командиров взводов и, указав им на отдельно растущую пушистую ёлочку, сказал, что огонь будем вести по моей команде всеми орудиями, когда танки, выходящие из лесу, поравняются с ней. Перейдя поляну, я убедился, что двигаться они могут только по дороге: справа и слева от неё было непроходимое болото.

Постепенно артиллерийская стрельба впереди затихла. Потянулись тягостные минуты тревожного ожидания. Батарейцы замерли у своих орудий. Через какое-то время мы услышали вначале еле различимый шум танковых двигателей. Он становился всё громче и громче: танки шли на нас. Я подал команду: «Батарея, приготовиться к стрельбе прямой наводкой, взрыватель фугасный, зарядить!» Выполнив команду, люди затаились. И вот на дороге, среди зелени листвы появилось тёмное пятно, медленно увеличива-

ясь, оно приближалось к ориентиру, постепенно обретая форму броневика. Это была вражеская разведка. Выйдя из леса, броневик остановился, и открыл огонь из башенного пулемёта. Батарея ничем не обнаруживала себя. Ничего не заподозрив, броневик двинулся вперёд. Я поднял правую руку и тихо скомандовал: «Внимание! — а когда он достиг ёлочки, — громко крикнул: «Огонь!» Выбросив длинные языки пламени, орудия послали снаряды в цель. Стрельба с дистанции триста метров, для пушек считается — в упор! Броневик подпрыгнул, развернулся поперёк дороги и загорелся. К небу потянулся чёрный масляный шлейф дыма. Через несколько минут появился танк и стал справа обходить горящий броневик. Как только он достиг ориентира, я скомандовал: «Огонь!» Батарея дружно ахнула и замолчала. Танк загорелся. На дороге образовалась пробка из двух горящих машин. Явственно послышались голоса: фашисты совещались.

Потом под прикрытием дыма открыли огонь из танкового орудия по нашей позиции. Мы укрылись в ровиках. Немцы били не прицельно, и большинство снарядов рвались где-то в лесу, за расположением батареи. Но вот один рванул поблизости. Я выглянул из ровика и увидел, что снаряд попал во второе орудие, изуродовал колесо, отчего орудие накренилось. Расчёт не подавал признаков жизни. Стрелявший по нашей позиции танк демаскировал себя, и я засёк его местонахождение. Оставшимся двум пушкам приказал открыть беглый огонь, и через несколько минут в лесу появился третий костёр.

Наступило затишье. Огонь батареи остудил наступательный пыл немцев. Воспользовавшись передышкой, я подошёл к разбитому орудию и увидел, что для стрельбы оно больше непригодно, а из состава расчёта четверо убито и трое ранено. Снаряды и снарядные ящики взрывом разбросало по большой площади. Высыпавшийся из снарядов порох хрустел под ногами. И во всём этом хаосе самым непонятным был синий всепожирающий огонь. Горели бронированный щит и станины орудия, расплавленный

металл стекал на землю сине-белыми огненными каплями. Земля на позиции кишела мелкими очагами огня.

Фашистский танк остановлен

Значительно позже мы узнали, что немцы применяли снаряды, начинённые термитом. При взрыве снаряда он загорался, и разбрызгивался вокруг, поджигая и поражая всё на своём пути.

Прошло немного времени, и фашисты опять зашевелились. Присмотревшись, мы обнаружили очередной танк. Пытаясь обойти «пробку», он застрял в болоте и начал буксовать. Мотор ревел, и в том месте, где он застрял, раскачивались верхушки деревьев. Целясь ниже этих верхушек, орудия по моей команде открыли беглый огонь, в результате которого и эта вражеская машина запылала. А чтобы немцы не могли вести спасательные работы, мы выпустили по ним десяток шрапнелей!

Стало необыкновенно тихо. Тишину нарушало только лёгкое потрескивание горящих танков. Солнце нещадно пекло, очень хотелось пить, но воды не было. Да и не до этого было. Враг находился буквально рядом. Что он задумал предпринять? Видимо, не подошла ещё его пехота. Иначе она бы по лесу незаметно обошла батарею и легко уничтожила нас в ближнем бою!

Вдруг в небе послышался нарастающий шум, и появился небольшой самолётик. Позже я узнал, что это был немец-

кий разведчик и корректировщик артиллерийского огня «Хейнкель — 126», которого солдаты прозвали «костылём» или «кривой ногой». Определив наши координаты, он вызвал огонь своих батарей на нашу позицию. Зашипели, засвистели и роем полетели через наши головы снаряды, вначале не причиняя нам никакого вреда. Стрельба на некоторое время прекратилась, «костыль» скорректировал огонь, и снова полетели снаряды, но теперь уже они стали попадать в цель. Земля заходила ходуном, со стен ровика, в котором я лежал, посыпался песок, тело помимо моей воли с силой прижалось ко дну, в голове была одна мысль: попадёт очередной снаряд в мой ровик или нет?!

После артналёта опять наступила тишина. Но эта чёртова «стрекоза» продолжала кружиться над нами. Видимо, корректировщик уточнял наши координаты. Было ясно, что передышка временная. Надо что-то предпринимать. Нельзя допустить, чтобы беспомощную в этой ситуации батарею фашисты полностью уничтожили. Голову пронзила мысль: ведь у меня есть минут десять до следующего обстрела, пока «костыль» разбирается и вводит коррективы. Приказа отступать не было. На свой страх и риск, принимаю решение вывести батарею из-под обстрела. Выскочил из ровика и командую: «Передки на батарею! Орудиям отбой!»

Всё на позиции сразу пришло в движение. Солдаты руками выкатили пушки из окопов, прискакали ездовые, прицепили орудия к передкам, быстро погрузили на станины убитых и раненых. На позицию снова обрушился шквал огня, но батарейцы уже удалялись в тыл. Остатки батареи были спасены и готовы к новому бою.

Отъехав километра полтора, остановились отдышаться. На батарею было страшно смотреть: из четырёх осталось только два орудия, половина людей убита или ранена, каждую пушку тянут не шесть, а только четыре лошади, многие из которых ранены; солдаты усталые и грязные, кто как может, висят на передках и станинах. Посчитав потери, тронулись дальше.

Через какое-то время колонна выехала из леса и остановилась. Я огляделся. Впереди метрах в пятистах протекала река, через которую был перекинут деревянный мост, за ней виднелось второе поле глубиной километра полтора, далее темнел густой лес. Следом за нами из леса стали выходить наши лёгкие танки и пехота. Появилось ощущение неразберихи. Оценив обстановку, я решил переправиться через речку и на опушке дальнего леса оборудовать новую огневую позицию. Под обстрелом батареи оказывались бы оба поля, и её прикрывала река, преодолеть которую под огнём батареи не так просто.

Неожиданно, среди отступавших появился наш командир батареи. Я кратко доложил о прошедшем бое и о принятом решении по организации новой позиции. Он согласился с ним, но реализовать мы его не успели. Из леса показались немецкие танки. Комбат приказал мне командовать одним орудием, сам же стал командовать другим. Завязался беспорядочный, плохо управляемый бой. Было трудно понять: где свои, где немцы. Всё перемешалось, закружилось. Выстрелы в упор из танковых орудий, лязг гусениц, треск пулемётов, автоматов и автоматических пушек, рёв моторов и взрывы снарядов. Подаю команду: «Орудие, к бою! Заряжай!» Стоя рядом, выбираю цель. Вижу два танка, направляющиеся в нашу сторону. Указываю наводчику на ближний и приказываю открыть огонь. После нашего выстрела танк замер. Кричу наводчику: «По второму танку, быстрее, огонь!» И тут произошёл очень редкий, просто фантастический случай. Вижу: танк остановился, и его орудие медленно поворачивается в нашу сторону. Холодок побежал по спине. Наша пушка и танковая выстрелили одновременно. Стреляли почти в упор, расстояние между нами было не более ста метров. Фашистский снаряд разорвался по центру орудия, и это спасло расчёт. Осколки попали в стальной щит, ствол и колёса. К счастью, и снаряд был не крупного калибра. Взрывом меня бросило на землю. Подняв голову, увидел, что орудие разбито, люди лежат на земле и озираются, а танк стоит объятый пламенем.

Понимаю, что здесь нам без пушки делать больше нечего и командую всем живым отходить к реке. Нас осталось пятеро. Поднялись и побежали. Рядом непрерывно свистели пули. Пробежав метров сто, упал на землю. Приподнялся и повернул голову, чтобы посмотреть на поле боя и своих солдат. Мои волосы стали подниматься дыбом: ко мне медленно слева направо приближалась цепочка светлячков — жёлто-белых трассирующих пуль. Я оцепенел, и расширенными от ужаса глазами смотрел на эту неумолимо приближающуюся смерть.

В книгах часто пишут, что в таких случаях перед глазами человека проносится вся его жизнь, лица родных и близких. Думаю, что это красивая фантазия авторов. Лично у меня не было никаких мыслей. Страх сковал всё моё существо! Буквально в двух метрах от меня «огненная змея» потухла. Вероятно, пулемётчик решил, что все мы убиты. Скажу Вам: очень неприятная штука быть мишенью!

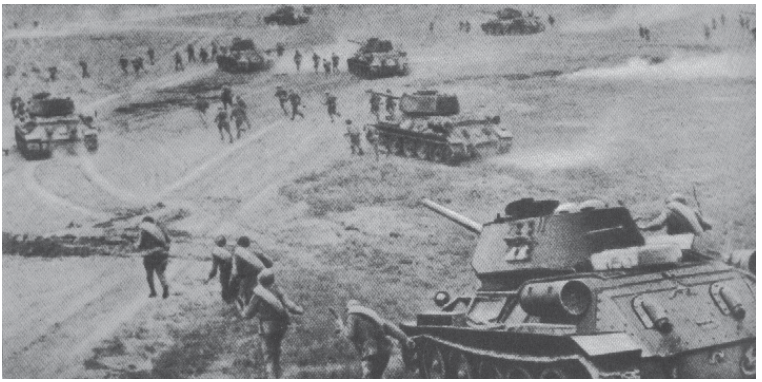
До спасительной речки оставалось метров семьдесят. Я, как на крыльях пролетел это расстояние, упал и кубарем скатился под обрыв, к воде. Мои батарейцы последовали за мной. Здесь было «мёртвое пространство». Снаряды и пули пролетали над нами. Немного придя в себя, по кромке берега двинулись в тыл. Солнце нещадно палило. Было душно и жарко. Только теперь я расстегнул крючки и пуговицы шинели, расслабил ремень и выбросил противогаз. Из речки напился воды, ополоснул лицо, намочил голову: стало легче.

Бой не стихал. Гремели разрывы, слышалась стрельба из всех видов стрелкового оружия. Через пару километров встретили каких-то командиров, которые собирали выходивших из боя бойцов, строили их в цепь и направляли вместе с подходившим резервом в сторону противника. Я тоже со своими четырьмя солдатами встал в стрелковую цепь. Мы вошли в лес. Все закричали «Ура!» и побежали. Кругом свистели пули и раздавались цокающие шлепки при их попадании в стволы деревьев. Создавалось впечатление, что враг где-то рядом, что мы окружены, хотя нем-

цев видно не было. Кто-то сказал, что командира дивизии ранило, и я видел, как его на плащ-палатке понесли в тыл. Лес сильно ограничивал видимость, наша цепь распалась и превратилась в отдельные звенья. Стрельба начала стихать. Ни немцев, ни своих видно не было. Ввиду полной неясности обстановки, я приказал своим солдатам, держась вместе, повернуть назад.

Прошли километров пять, стрельба совсем стихла. Остановились в лесу, у дороги. Присели, отдышались, посмотрели друг на друга. Вид у нас был не геройский: заляпанное грязью, рваное обмундирование; серые, усталые, осунувшиеся лица, бегающие в поисках опасности глаза. Всем нам с трудом верилось, что удалось выбраться живыми их этой огненной купели. Отдохнув, пошли искать свою часть. В густом лесу было полно наших войск. Отыскали штаб дивизиона, а возле него и кухню. Стало веселее: теперь мы не одни! Нашёлся и наш командир батареи. Я вздохнул с облегчением: теперь все заботы о батарее он возьмёт на себя. На следующий день возле кухни собрали всех, кто остался жив. Оказалось, что более половины личного состава батареи погибло или ранено, пушки разбиты. Здесь, в тихом лесу, оставшиеся в строю после первого в жизни жестокого боя солдаты, медленно приходили в себя, ещё никак не веря, что выжили в этой кровавой схватке.

Долгой оказалась война, жестокой и кровавой. Много всего пришлось мне повидать за эти четыре года. За эти годы я успел «вырасти», переквалифицироваться, стал командиром дивизиона «катюш». Обо всём и не расскажешь! Но вот окончание её тоже останется в моей памяти до конца. Уж слишком радостным было это событие. Потому и запомнились мне эти последние дни во всех подробностях.

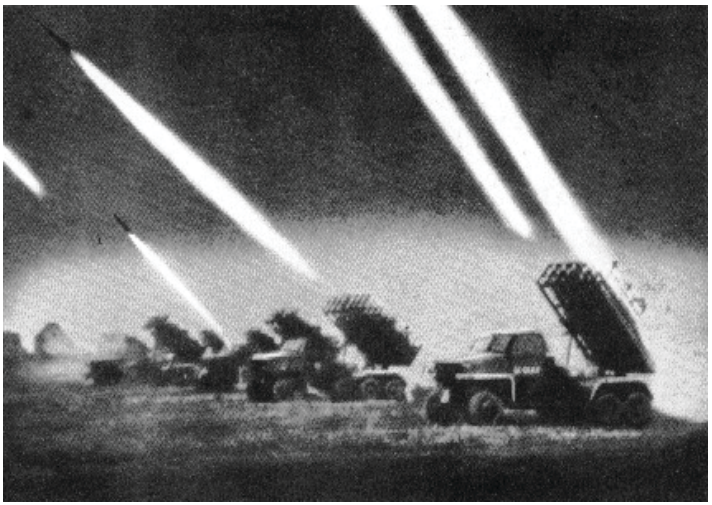


Вперёд! На Берлин!

В начале Берлинской операции наш полк был придан для поддержки боевых действий Первой армии Войска Польского, которая имела приказ сосредоточиться на плацдарме 47 советской армии на западном берегу реки Одры в районе местечка Хойны и, наступая на запад, обойти Берлин с севера, выйти к Эльбе, где и встреться с войсками союзников. В ночь с 15 на 16 апреля наш дивизион скрытно занял боевой порядок, окопался и изготовился к стрельбе по заданным целям. В пять часов утра 16 апреля от выстрелов многих тысяч орудий, миномётов и «Катюш» вся местность ярко осветилась, всё кругом закрутилось, завертелось, раздался оглушительный грохот выстрелов, рвущихся снарядов и мин. Началась решающая битва Великой Отечественной. Весь мир, затаив дыхание, следил за её ходом. После мощной тридцатиминутной артиллерийской и авиационной подготовки польская пехота и танки пошли в атаку. Оборона фашистов была быстро прорвана, и войска устремились в глубину. За сутки прошли около пятнадцати километров, захватив город Врицен. Никогда противник не дрался так яростно. Он цеплялся за каждый рубеж. Отступая, взрывал мосты, минировал дороги, оставлял засады смертников, вооружённых фаустпатронами, или прикованных к пулемётам и отстреливающихся

пока не убьют. Личный состав дивизиона без сна и отдыха поддерживал огнём польскую пехоту.

Вспоминается курьёзный эпизод. Продвижение дивизии остановилось в километре от сильно укреплённого опорного пункта. Польская пехота залегла. Поднять её в атаку в самом конце войны было не просто. Командир дивизии приказал дивизиону дать залп по деревне. Подготовив данные, командую: «Огонь!» С воем с пусковых установок вырываются ракеты и летят над нашими головами в сторону противника. Слышатся разрывы. В деревне забушевал огонь, чёрные клубы дыма устремились к облакам. Со стороны противника прекратилась всякая стрельба. И вдруг цепи польской пехоты молча поднялись из окопов и дружно двинулись …в тыл. Пробежав с полкилометра и не видя преследования, пехота остановилась, развернулась и медленно, осторожно двинулась обратно к своим окопам. Не встречая никакого сопротивления немцев, легко овладела их опорным пунктом. Видимо, это была психологическая реакция на близкие разрывы наших реактивных снарядов. Пленные немцы рассказывали в тот день, что были буквально потрясены физически и морально мощью залпа «катюш» и не были в состоянии оказывать какого-либо сопротивления. «На нас обрушились разом сотни снарядов, поднявшие гигантские столбы огня, чёрные клубы дыма укрыли всё вокруг, дымящаяся развороченная земля задрожала, заходила ходуном и, казалось, вот-вот треснет, расколется и поглотит всех нас, строения и техника мгновенно вспыхнули кострами, не успевшие укрыться солдаты в секунды стали обгорелыми трупами».



Залп дивизиона «Катюш»

К 20 апреля Первая Польская армия вышла к северной окраине Берлина и завязала уличные бои.

Слева от поляков наступала центральная группа войск фронта, нанося главный удар по центру Берлина. Там шли особо тяжёлые бои. Всё кругом горело, в кирпичной пыли рушились здания, к небу тянулись длинные языки пламени, артиллерийская канонада то затихала на время, то возобновлялась с большей силой. Гитлеровское командование бросало в бой всё новые и новые силы; всё, что могло собрать: тыловиков, легкораненых, детей и стариков — фольксштурмовиков. Но наши войска неудержимо продвигались к заветной цели.

Двадцать второго апреля наша дивизия захватила Ораниенбург. Недалеко от боевых порядков дивизиона находились длинные деревянные бараки, окружённые несколькими рядами колючей проволоки с пулемётными вышками по углам. Это был фашистский концлагерь Заксенхаузен, где содержались люди из всех стран Европы. На освобождённых узников было страшно смотреть. На двухъярусных койках лежали живые трупы, кое-как укрытые лохмотьями, худые и до предела измождённые, с ввалившимися гла-

зами, с выжженными на костлявых руках номерами, они мало походили на людей! Они плакали и смеялись от радости и на многих языках благодарили своих освободителей. Концлагерь был, по сути, фабрикой смерти. Истощённых и больных людей заставляли работать по пятнадцать часов в сутки, били палками, травили собаками, вешали и расстреливали. День и ночь в лагере работал конвейер смерти — газовые камеры и крематорий. Здесь было убито около ста тысяч человек! Продвигаясь в глубь Германии, мы наблюдали волнующую картину массового передвижения освобождённых Советской Армией из немецкого рабства представителей всех народов Европы домой, на Родину. Впечатление было такое: будто вся Европа вдруг поднялась и разом куда-то пошла и поехала. Оборванные, исхудалые, но радостные и улыбающиеся люди двигались пешком, с узлами, колясками и тележками, верхом на лошадях, на велосипедах и почти все с национальными флажками. Эти люди получили свободу благодаря мужеству и самопожертвованию русского солдата!

Наступление наших войск шло успешно, несмотря на отчаянное сопротивление противника. Близкая катастрофа Германии уже ни у кого не вызывала сомнений. Все понимали, что со дня на день следует ожидать окончания войны. От одной этой мысли захватывало дух. Такое состояние испытывал каждый фронтовик. Однако фашистское командование, не считаясь с потерями, старалось затянуть время, надеясь договориться с западными державами, найти общий язык с братьями по классу. Кстати сказать, союзники наступали, почти не встречая сопротивления. Так, например, крупный город Ганновер был взят ими без боя всего…одной ротой американцев! Ещё анекдотичнее история падения города Манхейма, который сдался американцам по телефону! Немцы очень опасались нашего возмездия за свои кровавые преступления на территории СССР!

Между тем пришло сообщение, что 30 апреля в 15 часов 30 минут Гитлер покончил с собой, а в 21 час 50 минут пал Рейхстаг и на его куполе разведчики Егоров и Канта-

рия водрузили Знамя Победы. В ночь на первое мая начальник гитлеровского генштаба генерал Крепс попросил перемирия. В ответ ему была предложена безоговорочная капитуляция до 10 часов утра первого мая. Кребс покончил с собой. В 10 часов 40 минут боевые действия возобновились. За десять минут до последнего штурма над Берлином прошли советские штурмовики, сопровождаемые истребителями. Штурмовики несли красные полотнища с надписями: «Победа!», «Да здравствует 1 мая!», «Слава советским воинам!» И грянул последний бой. Около двух часов ночи второго мая 1945 года командовавший обороной Берлина генерал Вейдлинг по радио объявил, что он прекращает сопротивление и сдаётся в плен. Берлин пал!

Знамя Победы над поверженным Берлином

За берлинскую операцию я был награждён полководческим орденом Александра Невского.

Война ещё продолжалась, но наш полк выполнил свою задачу по огневой поддержке Войска Польского и передислоцировался в леса севернее Берлина. Совершая марш, мы видели разрушенные и сожжённые города и сёла, взорванные мосты, вытоптанные поля, искалеченные сады. Везде — тлен, пыль и руины. Теперь немцы не по киножурналам,

а на собственном опыте узнали, что такое война! Германия произвела на меня, никогда ранее не бывавшего за границей, неоднозначное впечатление. Вся она построена из серого камня и имеет какой-то арестантский цвет, наводящий грусть и уныние. Дома с остроконечными крышами, крытые черепицей и железом, стоят как могучие средневековые солдаты-кнехты в латах, тесно прижавшись друг к другу, и напоминают близнецов. Все деревни и посёлки очень похожи друг на друга — на одно лицо. И дома, и комнаты в них, и приусадебные постройки, и мебель, и сады, и дороги — всё стандартное, одинаковое, скучное. В богатых домах всё электрифицировано, применяется много машин и механизмов, облегчающих труд. Мебель тяжёлая, крепкая, с резными украшениями. В подвалах хранится множество разносолов. Всюду чёткий немецкий порядок и аккуратность. Во многих домах мы видели наши советские вещи с фабричными клеймами и надписями на русском языке: мебель, картины, зеркала, ковры, даже детские игрушки. Грабёж у немцев был поставлен на широкую ногу! Несмотря на бросающуюся в глаза добротность, богатство немецких домов, они не радуют русскую душу. Всё не по-нашему: нет русского простора, всё освоено, сжато, прилизано. Даже лес не тот: сосны, посаженные человеком, стоят ровными рядами, как солдаты в строю, какие-то тощие, как спички. На земле ни палочки, ни травинки, весь подлесок вырублен. Лугов мало, трава и цветы кажутся искусственными, не живыми. Скучно!

Где-то 4-го или 5-го Мая поехали «на экскурсию» в Берлин, куда каждый из нас мечтал попасть в течение долгих четырёх лет. Картина, которую мы увидели, потрясла даже бывалых фронтовиков: многие здания полностью разрушены, улицы завалены битым кирпичом, хламом, подбитыми танками, машинами, орудиями, перекрыты баррикадами. Дома напоминали скелеты. Жители встречались редко. У Рейхстага увидели бесконечное плещущееся человеческое море. Здесь были солдаты и офицеры нашей, американской, английской, французской, польской армий.

Бросилось в глаза, что американцы (и солдаты и офицеры) уже делали свой бизнес, торговали всем, что только можно продать (американец и на войне остаётся, прежде всего, торгашом! Нашли же наши нынешние правители России — на кого равняться!) Увешенные товаром, они шныряли в толкучке и НАВЯЗЧИВО предлагали: фотоаппараты, одежду, продукты, произведения искусства, автомобили, оружие. При желании у них можно было купить и танк! (Стоит ли удивляться, что нынешние российские военные торгуют оружием с противником?! «С кем поведёшься, от того и наберёшься!») Одновременно шёл оживлённый обмен сувенирами. Помнится, я купил у здоровенного американского сержанта фотоаппарат «Лейку». Она и сегодня напоминает мне те дни. Как и все, в тот день я расписался на стене Рейхстага.

Между тем время приближало нас к долгожданному Дню Победы. Ночью девятого мая наш полк, стоявший в лесу на отдыхе, разбудила отчаянная стрельба. Решили, что какая-то блуждающая группа недобитых фашистов напала на советскую воинскую часть. Командир полка выслал разведку, а дивизионам приказал занять круговую оборону. Подозрительно, что стрельба то затихала, то разгоралась вновь, не приближаясь к нам. Наконец, мы увидели возвращающихся разведчиков. Они стояли в кузове полуторки, махали пилотками, оружием и что-то кричали. Первые слова, которые дошли до нас были: «Победа! Победа! Война окончена!» Оказывается, разведчики на шоссе встретили колонну польской войсковой части, радисты которой первыми приняли по радио весть о Победе. Она мгновенно разнеслась по машинам, и поляки принялись палить в воздух из всех видов оружия.

Началось что-то невероятное: солдаты и офицеры обнимались, целовались, кричали «Ура», бросали вверх пилотки, каски, плясали и плакали от радости. При виде беснующихся товарищей по оружию, неописуемая радость охватила всё моё существо. Я попытался построить дивизион и поздравить личный состав с Победой, но никто ничего

не хотел слушать. Махнув рукой, я вытащил свой пистолет и с удовольствием разрядил всю обойму в немецкое небо.

Когда, наконец, в лесу, где располагался наш полк, наступила относительная тишина, мы услышали отчаянную стрельбу из всех видов оружия, которая неслась отовсюду. Было такое впечатление, что стреляли кругом и абсолютно все, у кого было какое-либо оружие! К этому волнующему незабываемому моменту мы шли долгие четыре года. Несмотря на невероятные трудности, всё выдержали, выстояли и освободили свою Родину от фашистской нечисти, взяли Берлин и поставили Германию на колени! Эти волнующие и счастливейшие минуты я запомнил на всю жизнь!

Итак, закончилась Победой Советского Союза самая кровопролитная, самая тяжёлая и самая жестокая война в мировой истории, унёсшая 50 миллионов человеческих жизней, в том числе 20 миллионов Советских Людей. Война длилась1418 дней и ночей. Каждый день мы теряли 14104 человека, каждый час погибало 588 наших соотечественников, каждую минуты — 10 граждан и каждые шесть секунд уносили одну человеческую жизнь!

Хорошо помню торжественный обед по случаю нашей Победы. Утром 9 Мая командир полка полковник Пуховкин собрал командиров дивизионов и начальников служб и объявил, что все офицеры полка приглашаются на торжественный обед. Он попросил дивизионы и тылы полка выделить из своих трофейных резервов спиртное и всё, что может служить закуской. В ближайшие населённые пункты были направлены команды заготовителей за посудой, мебелью, скатертями. Тут же в лесу были сооружены длинные столы и скамьи. Их накрыли скатертями, расставили разнокалиберную посуду. Здесь были старинные хрустальные кубки и простые стаканы, тарелки из дорогих сервизов и солдатские миски, солдатские алюминиевые и серебряные ложки. Повара из трофейных продуктов приготовили отличную закуску. Хуже было со спиртным. Нашлась только бочка с неочищенным спиртом-сырцом и несколько бочек со слабеньким красным вином.

Всю войну, на радость своим ординарцам, я не выпил ни разу даже положенных наркомовских ста грамм. Не нравилось мне хмельное состояние. Товарищей же принимал всегда хлебосольно, с водкой. Много раз слышал один и тот же вопрос: «Почему сам не выпьешь?» Отшучиваясь, я отвечал: «Даю слово, что когда окончится война — всё наверстаю!» И вот «час расплаты» настал. Выполняя своё обещание, в первый раз в жизни я решил набраться до положения риз в честь окончания войны и того, что остался жив. Не представляя себе, как я могу вести себя в таком состоянии, предусмотрительно приставил к своей персоне «охрану». Ординарцу и шофёру приказал неотступно следить за собой и немедленно принять меры, если буду совершать что-либо непотребное. В награду обещал им разрешить гулять позже несколько дней.

В тот праздничный день погода стояла прекрасная, ярко светило солнце, как бы радуясь Победе вместе с нами. У нас в лесу была приятная прохлада. Деревья успели покрыться нежной листвой и сквозь неё пробивались косые солнечные лучи. Пахло свежей зеленью и весенней оживающей землёй. Не было слышно только птичьего пения: война распугала лесных певцов. Где-то в полдень сотня возбуждённых, здоровых, молодых и радостных офицеров полка, настроенных достойно отметить Победу, расселась за столы в лесном «ресторане». Командиры дивизионов сели в центре рядом с командиром полка. Полковник Пуховкин произнёс речь, закончив её тостом: «За окончание войны и за нашу Победу!» Дружно выпили и захрустели огурчиками. По неопытности я налил себе полстакана спирта и дополнил его красным вином. Получилась адская смесь. Когда я с трудом залпом выпил эту мерзость, то почувствовал, как по горлу и желудку прошёл огненный смерч. Что-то сильно ударило в голову и стало тяжело дышать. Начал усиленно закусывать. Подходили боевые друзья, и каждый напоминал о моём обещании выпить и с ним в День Победы. Кто-то предложил всем сфотографироваться на память. Все встали из-за стола и куда-то пошли, я

тоже попытался встать, но стоять было трудно — сильно кружилась голова. Ноги мои подкашивались, в глазах появились цветные круги, деревья закружились всё быстрее и быстрее, и я потерял сознание.

Очнулся лежащим в «своём доме» — будке, устроенной в кузове полуторки. Когда пришёл окончательно в себя, позвал ординарца. Голова раскалывалась, ноги дрожали. Умылся. Шофёр принёс полстакана водки и уговорил выпить. Стало легче. Он же рассказал, как я с криком «Ура» пытался вчера увлечь всех пирующих в атаку. Мои добрые «охранники» всё поняли и доставили меня «домой». Так для меня окончилась Великая Отечественная война. В те дни мне исполнилось двадцать три года. Кстати, атаки мне снились ещё многие годы, и после окончания войны!»

Пётр Михайлович умолк. По его отрешённости было видно, что он сейчас живёт в тех далёких 1941–1945 годах. Мне не хотелось его тревожить, и я тоже молчал. Наконец, он поднял глаза и вернулся к действительности.

А ведь я, как мог, описал свою военную историю. Хотелось поделиться подробностями боевых действий, в которых участвовал, и своими впечатлениями от войны с молодыми! Обращался в разные инстанции с просьбой опубликовать мои воспоминания, но везде получал один ответ: «нет денег!» Наверное, я не могу быть достаточно настойчивым. Или, как сейчас говорят — не деловой!

Я слушал его и думал: «В уважающем себя государстве благодарные потомки просто обязаны золотом записать имена подобных героев на скрижалях истории. Они должны на коленях умолять человека, в девятнадцатилетнем возрасте командовавшего батареей и уничтожившего в первом бою **пять вражеских танков и броневик**, не поскупиться на воспоминания! Ведь только на примерах таких людей можно воспитать новое поколение граждан, способных возродить великую Россию и защитить её от врагов! А, может быть, нынешние власти и не желают видеть Россию вновь великой и могучей?!»

ВЕТЕРАН О ПРОШЛОМ И НАСТОЯЩЕМ

Моя беседа с участником Финской и Великой Отечественной войн, кавалером восьми боевых орденов (в том числе ордена Александра Невского и ордена Ленина) и шестнадцати медалей, полковником в отставке Великановым Владимиром Владимировичем была посвящена знаменательной дате, отмечаемой в 2005 году всем прогрессивным человечеством — шестидесятилетию Победы Советского народа над фашизмом. Но мы не ограничились воспоминаниями ветерана. Мне показалось, что читателю будет также интересно его мнение по более широкому кругу вопросов, сегодня волнующих неравнодушных к судьбе Отечества русских людей. Владимир Владимирович любезно согласился ответить и на них.

Разговор состоялся седьмого января, когда Православные христиане отмечают свой самый главный праздник — пришествие на Землю Спасителя, Сына Божия — Иисуса Христа — Рождество Христово. Естественно, что первым

моим вопросом после взаимных приветствий и поздравлений был вопрос, касающийся этого события.

— Владимир Владимирович, как Вы относитесь к вере, религии? Нужна ли она современному человеку и для чего?

— Вера в самом общем случае, — это принятие чего-либо за истину, не требующую доказательств. Религия основана на вере в существование Бога. Мои предки, русские люди, много веков были верующими и исповедовали Православие. Ещё в раннем детстве бабушкой я был обучен основам христианской грамоты. И хотя жизнь прошла в атеистической среде, в душе всегда что-то оставалось от тех уроков. Вера в добро, справедливость, чему учит церковь, — необходимы людям. Наличие веры способствует возникновению чувства доверия к людям, даёт человеку моральную силу и стойкость. Вера в справедливость дела, за которое борешься, поднимает моральный дух солдата. Она необходима ему для победы. Кстати, Моральный кодекс строителя коммунизма тоже отражал тогдашнюю веру и во многом совпадал с христианскими заповедями. Он, как и религия, способствовал воспитанию и поддержанию высокой морали в обществе. Укрепление веры и религиозной, и просто в человека особо необходимо в наше смутное время!

— Владимир Владимирович, вспомните, пожалуйста, случаи проявления религиозной веры в Вашем окружении в годы войны.

— Мне не раз приходилось бывать под бомбёжками и артобстрелами, отбивать атаки противника и самому ходить в атаку. Не помню, чтобы молился сам, но неоднократно видел, как молились Богу, крестились, поминали Господа и даже маму находящиеся рядом люди. В трудных ситуациях человек готов поверить в любое чудо! Мне на фронте, да и вообще в жизни, везло. Должно быть, у меня был Ангел Хранитель или обо мне хорошо молились родные и близкие!

— Наступил год шестидесятилетия Победы Советского народа в Великой Отечественной войне, войне,

наверное, самой жестокой и кровопролитной из всех войн, которые вело когда-либо человечество. Достаточно ли широко и объективно, на Ваш взгляд, освещают те события нынешние СМИ? Да и нужно ли напоминать о них людям?

— Забывать о той войне и её жертвах нельзя хотя бы для того, чтобы подобное не повторилось. Это особо важно для современных «ястребов», которые сами в окопы не пойдут, а других подталкивать будут! Помнить о ней нужно и в интересах воспитания у современной молодёжи чувства гордости за предков, сражавшихся, по сути, со всей Европой, и в труднейших условиях добившихся победы: отстоявших свою свободу, независимость, культуру и право жить на своей земле в соответствии со своими древними традициями! Ведь только на положительных примерах и можно воспитать патриотизм народа, готовность к самопожертвованию во имя Родины. Важно, чтобы празднование годовщины не стало кратковременной кампанией: прошло шестидесятилетие, и забыли до следующего юбилея. Необходимо продолжать изучение военных документов, пропагандировать героизм и стойкость народа, писать стихи и прозу о тех грозных годах, хранить старые и ставить новые памятники героям. Надо, чтобы память о них не меркла во времени, напоминала о себе, звала новые поколения быть достойными предков!

К сожалению, сегодняшняя молодёжь стала мало читать серьёзную литературу. Больше смотрит телевизор. А новые фильмы о войне слишком часто искажают историю. Особенно обидно, что к этому причастны некоторые участники тех событий. Стыдно, например, смотреть фильм «Курсанты», снятый «по воспоминаниям» П. Тодоровского. Искажая реальный быт курсантов военного училища тех лет, обливая грязью и самих курсантов, и их преподавателей, и их командиров, фильм создаёт у зрителя ложное представление о Советской армии. Как очевидец тех событий, могу утверждать — многие эпизоды, показанные в фильме — чистейшая ложь, порочащая память советских солдат

и офицеров. Не мог, например, капитан Герой Советского Союза явиться на занятия с курсантами пьяным, да ещё и избить курсанта. Не мог офицер вместе с подчинённым пойти на воровство продуктов из склада. Старослужащие сержанты в то время не только не издевались над молодёжью, а помогали ей привыкать к армейским трудностям. Этому я сам был неоднократно свидетелем. Такого пьянства и разврата в курсантской среде, который показан в фильме, я тоже не видел, хотя прошёл такие же курсы младших лейтенантов.

Я участвовал в двух войнах, но о случаях, когда в бой посылали солдат с одной винтовкой на троих, даже не слышал! Бессовестные кинематографисты, выполняя социальный заказ своих хозяев, используют все возможности, чтобы опорочить всё наше — в том числе и славное — прошлое! Вместо героического фильма они сделали в угоду моде сексуальный детектив с аккомпанементом из приблатнённых песен на военную тему. Курсанты не учатся военному делу, а занимаются интригами, пьянством, воровством, сексом. Как живой свидетель тех времён, уверяю Вас, что тогда было не до развлечений! Чувствуется, что авторы в армии никогда не служили, её быта не знают, о воинских уставах не имеют понятия! Они ненавидят наше прошлое, и это чувство стараются передать зрителю. Человеческая мораль в их понимании — просто химера! Мне стыдно за них! Тоже можно сказать и о многих других современных фильмах на военную тему и многих «писателях», пишущих о войне. Подобное освещение Великой Отечественной войны приносит только вред!

— Владимир Владимирович, какие чувства Вы испытывали при столкновении с врагом? Это была ненависть и желание покарать, неприязнь, сочувствие к обманутым Гитлером людям или ещё что-то?

— В целом, войну, конечно, мы проклинали. Война — это тяжёлая работа, грязь, кровь и смерть! Но чтобы побеждать врага, его нужно ненавидеть. К поверженному противнику у меня этого чувства уже не было. К пленным я испытывал

только неприязнь. Мне приходилось стрелять во врагов, но случая, чтобы при этом видеть глаза человека не было. Убивать даже врага для нормального человека всегда тяжело. Я противник войны. Люди в конфликтных ситуациях должны находить компромисс (если, конечно, они люди!) Но, если компромисс не найден, необходимо быть готовыми защищать Родину с оружием в руках. И об этом должны постоянно помнить наша молодёжь и руководство страны!

— А теперь, Владимир Владимирович, вспомните, пожалуйста, о начале своей военной карьеры, своём первом столкновении с фашистами, ну и, конечно, о боевом эпизоде, за который были награждены высоким орденом Александра Невского.

— В 1939 году я с отличием окончил ленинградскую среднюю школу и без экзаменов был принят в Ленинградский кораблестроительный институт. Однако учиться мне пришлось не более двух месяцев, поскольку уже в октябре был призван на военную службу. В тот год был принят закон, согласно которому студенты первого курса лишались отсрочки. Страна готовилась к войне — около 160 тысяч студентов и лиц, ранее пользовавшихся отсрочкой, были призваны на военную службу. Более половины из этого грамотного контингента были направлены в военные училища, школы младших командиров и школы подготовки младших специалистов для авиации и флота. Я оказался в полковой школе запасного полка Ленинградского военного округа, размещавшейся в старинных казармах егерского полка на Рузовской улице. Обмундировали нас хорошо, если не считать ботинок с обмотками на ногах. Хорошо помню своих первых командиров, которые к нам относились требовательно, но доброжелательно. В обращении были тактичны, грубостей себе не позволяли. Того же требовали и от нас — будущих младших командиров. Всё наше время было заполнено занятиями. Полевые занятия проводились за городом. Ходили пешим маршем туда и обратно не менее десяти километров. Физически я тогда был слаб. Помню, на обратном пути совсем изнемог. Это заметил командир отделения

Морозов, подошёл и взял мою винтовку. Так и шагал рядом до самой казармы. Хороший урок он мне преподал: каково должно быть отношение командира к солдату! Нагрузки на нас возросли после начала войны с Финляндией. Школу вывезли в зимние лагеря. Жили в землянках. Готовились на фронт и днём и ночью. Морозы стояли лютые, я простудился, попал в госпиталь и в боевых действиях не участвовал. В марте был заключён мир с Финляндией.

В мае 1940 года нам были присвоены сержантские звания (они были введены после той зимней войны!), выдали сапоги и распределили по частям. Я попал в Краснознамённый стрелковый полк в город Выборг. Полк располагался в добротных казармах царских времён. Меня назначили помощником командира взвода. Фактически же был помощником старшины роты. Через пару месяцев направили на курсы усовершенствования младшего комсостава. Мы называли их «курсами старшин». По замыслу старшина должен быть не «тряпичником», а младшим командиром способным во всём заменить командира подразделения, во время его отсутствия. Быт и учёба на курсах были организованы образцово. Помню, когда мы строем проходили по городу подтянутые, стройными шеренгами, печатая шаг, да ещё и с песней, жители останавливались, не скрывая своего восхищения.

По окончании курсов я был назначен старшиной сапёрной роты. Здесь увлёкся сапёрными премудростями. Особенно минно-подрывным делом.

При политотделе нашей дивизии существовала заочная партшкола и курсы подготовки младших политруков запаса. Я поступил на эти курсы. По существовавшему тогда закону, я мог, окончив эти курсы демобилизоваться раньше срока и возобновить учёбу в институте осенью 1941 года.

Наступил 1941 год, в Европе бушевала война. В полк стали прибывать гражданские люди, которых затем я видел в военной форме. Понял, что идёт скрытая мобилизация. Поговаривали, что на финской стороне появились немецкие военнослужащие. Часть подразделений нашего

полка направились на строительство полевых укреплений на границе. Страна готовилась к войне.

В конце мая меня неожиданно вызвал командир полка. Я недоумевал: зачем ему понадобился? Пришёл, как положено, доложил. Майор Катков указал на стул. Сел. Майор сказал, что получено указание: направить человека на курсы младших лейтенантов инженерных войск. Выбор пал на меня. Я ответил, что не хочу быть всю жизнь военным. Сказанные тогда майором Катковым слова, я запомнил на всю жизнь: «Вот Вы не хотите стать кадровым военным. А что только «Ванюшки-колохозники» должны служить!? Армия нуждается в образованных, хорошо подготовленных кадрах. Кроме того, не надейтесь на скорое увольнение. Неужели Вы не видите, что происходит? Мы непременно будем воевать с немцами и очень скоро! Уж лучше долго служить в инженерных войсках и иметь шанс выжить на войне, чем получить первую пулю, идя политруком во главе роты в атаку! Подумайте об этом!» Я подумал и написал рапорт. Этот поступок командира полка по отношению к своему сержанту можно объяснить его очень большой порядочностью, честностью, совестью и любовным, отцовским отношением к подчинённым! Ведь он в то время серьёзно рисковал! Я вспомнил этот эпизод своей биографии ещё и потому, что до сих пор идут разговоры о «внезапности» нападения Германии!

14 июня 1941 года я прибыл в Ленинград на курсы младших лейтенантов при Курсах усовершенствования комсостава инженерных войск Красной Армии. Курсантов сразу отправили в летний лагерь на Карельском перешейке. Установили палатки, благоустроили территорию, приступили к занятиям. Двадцать второго июня прогремело слово «Война». Слушали выступление Молотова. Затем был митинг. Через несколько дней курсантов бросили в качестве инструкторов на строительство оборонительных рубежей. Там трудились тысячи ленинградцев: рыли окопы, противотанковые рвы, вкапывали надолбы, строили ДЗОТы, землянки, ставили проволочные заграждения.

Ленинградцы на сооружении противотанковых рвов

Третьего июля слушали речь Сталина. Она оставила очень тяжёлое впечатление. Я не мог себе представить, что так плохо обстоят дела на фронтах и в стране.

В конце июля курсантов в товарных вагонах вывезли в Кострому. Разместились в старых казармах. Сразу начались ускоренные занятия.

25 сентября почти сразу после команды «Отбой» услышали: «Подъём!», «Строиться!». Перед строем командир нашей курсантской роты майор Саватеев объявил, что Приказом Наркома Обороны товарища Сталина нам присвоено воинское звание «младший лейтенант». И добавил, что в пять утра специальным поездом мы отправляемся на фронт. Я получил назначение в 1391-й отдельный сапёрный батальон (ОСБ) Северо-западного фронта на должность заместителя командира роты. Батальон дислоцировался на Новгородчине в маленькой деревеньке близ железнодорожной станции Крестцы. Командовал батальоном военный инженер второго ранга (майор) Н.Н. Волгин. Батальоны фронтового подчинения обычно придавались объединениям или соединениям для их усиления в период проведения войсковых операций. Наш батальон с началом войны из аэродромостроительного был переформирован в сапёрный. Вооружением и техникой укомплектован он не был. Половина бойцов была вооружена английскими

винтовками времён гражданской войны. Техника: пять грузовиков и один гусеничный трактор. В первых числах января 1942 года батальон был придан 11-й армии для создания колонных путей и их расчистки от снега на участке наступления 180-й стрелковой дивизии. Армия имела задачу отбить у врага город Старая Русса. Дивизия должна была обойти немцев с севера по заболоченной пойме рек, впадающих с юга в озеро Ильмень. Маршрут пролегал по трудно проходимой местности: лесам, болотам и кустарникам. Снеговой покров доходил людям до пояса. В этих условиях при сильнейших морозах мы должны были обеспечить возможность продвижения людей и техники.

Наступление началось 7 января. Уже к ночи первого дня мы вымотались так, что, несмотря на мороз, спали прямо на месте работ в вырытых в снегу ямах у костров на подстилках их хвороста. Дежурным была поставлена задача время от времени переворачивать спящих солдат. С рассветом работы возобновились.

Полки дивизии по льду перешли реку Пола и двинулись дальше. Штаб же расположился на этой стороне в палатках, укрытых в лесочке. Невдалеке от его расположения, обследуя щупом участок дороги, я обнаружил и обезвредил две немецкие противотанковые мины «ТМИ-35», которые ранее никогда не видел. Это был мой первый успех, как сапёра!

Неожиданно началась стрельба, и со стороны реки показались наши обозники. Они яростно нахлёстывали лошадей. Их преследовали финские и немецкие автоматчики. Охрана штаба организовала оборону и открыла встречный огонь. Около штаба оказался грузовик (полуторка) с зенитной установкой в кузове. Счетверённые пулемёты «Максим» дали только несколько очередей, и автоматчики словно испарились. Немецкая артиллерия пыталась поддержать огнём своих автоматчиков, но большого вреда нам не принесла.

В это время полки дивизии скрытно подошли и с трёх сторон одновременно атаковали крупный узел сосредото-

чения немцев деревню Юрьево. Атака была неожиданной, и немцы в панике отступили. Не желая мириться с потерей, враг начал обстрел деревни. Запылали дома. Сапёры активно тушили пожары. Не помогла и бомбардировка деревни с воздуха. Тогда немцы предприняли атаку, в контратаке с нашей стороны участвовало до пятисот человек, в том числе и бойцы нашего батальона.

Гитлеровцы были вооружены в основном автоматами, их поддерживали огнём артиллерия, миномёты и пулемёты. Сапёры были вооружены плохо. У меня был револьвер «Наган» и самозарядная винтовка Токарева, которая на сильном морозе часто отказывала. Помню, как тяжело было бежать навстречу противнику по глубокому снегу. Казалось, сердце вот-вот выскочит из груди. Наша контратака оказалась успешной: немцы отступили. Часть из них осталась лежать убитыми и ранеными на льду реки Ловать.

Когда стрельба стихла, мне передали приказание «прочесать» наш берег в поисках оставшихся здесь немцев. Двигаясь осторожно через заросли кустов, вчетвером мы внимательно осматривали местность. Вышли к какой-то протоке. У впадения её в Ловать виднелись развалины. Возможно, это были остатки старой мельницы. Вдруг в котловане я заметил какое-то движение. Мы бросились туда. Приказав бойцам осторожно окружить котлован и изготовиться к стрельбе, кричу по-немецки «руки вверх!» Смотрю, поднимается одна голова, за ней вторая, третья…В яме прятались пять человек: обер-лейтенант, два унтер-офицера (один — эсэсовец) и два солдата. У них было два ручных пулемёта с пустыми пулемётными лентами, карабины с патронами, гранаты и пистолет «Парабеллум». Но все подняли руки, по-видимому, растерялись. Мы построили пленных в колонну по одному и повели. По пути следования в штаб дивизии встретили пост заградотряда. Старший поста, лейтенант, предложил мне передать ему пленных. Чтобы поскорее от них избавиться, я согласился. Когда же прибыл в свой батальон и доложил командиру о случившемся, он меня отругал. Случилось так, что

тот лейтенант приписал пленение немцев себе и своим бойцам. Ходили слухи, что их за это наградили. Но справедливость всё же восторжествовала. В конце февраля во фронтовой газете «За Родину» была напечатана статья начальника инженерных войск 11-й армии подполковника Фирсова «Через леса, реки и болота». У меня сохранилась вырезка из газеты с этой статьёй, где сказано: «…Героически действовал в бою командир одной из сапёрных рот воентехник первого ранга тов. Панов. Он в одной из схваток истребил десять фашистов, был ранен, но остался в строю. Младший лейтенант Великанов вместе с тремя бойцами — сапёрами захватил в плен пятерых фашистов, в том числе одного офицера…»

20-го мая 1942 года приказом Командующего Северо-западным фронтом №0594 я был награждён медалью «За отвагу». Вот так состоялась моя первая лицом к лицу встреча с врагом!

В 1391 ОСБ я прослужил до 28 февраля 1944года. Видимо служил не плохо, если 10 апреля 1942 года меня назначили заместителем командира роты, 8 июля 1942 года — командиром роты, а 16 июля — заместителем командира батальона. Командир батальона Николай Николаевич Волгин был неординарной личностью. Он окончил факультет Промышленного строительства Военно-инженерной Академии. Талантливый инженер и изобретатель. После войны стал генералом, Героем социалистического труда. Я горжусь тем, что начинал службу под началом этого человека, что он высоко оценил меня и стал быстро продвигать по службе.

25 июня 1944 года я был назначен на должность командира 238-го инженерно-сапёрного батальона семидесятой армии. Штаб батальона дислоцировался близ города Камень-Каширский на Западной Украине. Роты батальона занимались строительством инженерных заграждений на переднем крае, восстанавливали дороги на маршрутах, связывающих боевые порядки с ближайшим тылом, строили батальонный оборонительный район, миниро-

вали наиболее опасные направления. Армия готовилась к летнему наступлению по освобождению Белоруссии. В этот период батальон выполнил задачу по строительству вспомогательного пункта управления армии, готовился к строительству трёх мостов через реку Припять. С началом нашей артподготовки сапёры приступили к наведению сразу трёх мостов. Под огнём противника мосты были построены за четыре часа упорной работы. Операция по форсированию водной преграды прошла успешно, в плен было взято много венгерских солдат и офицеров.

Переправа

Наиболее памятной операцией, в которой участвовал 248-й инженерно-сапёрный батальон, является оборона города Кульм (ныне Хелмно в Польше).

14 января 1945 года началось наступление Второго Белорусского фронта с Бугско-Неревского плацдарма севернее Варшавы. Наш батальон в боевых порядках 114-го стрелкового корпуса двигался на северо-запад в сторону города кульм. Здесь река Висла имела сплошной ледяной покров. По приказу командования батальон построил усиленную древесиной ледовую переправу общей протяжён-

ностью 1600 метров. Войска корпуса переправились на западный берег и продолжали преследование отступающего противника. Батальон был оставлен в городе для обеспечения комендантской службы на переправе. К этому времени южнее, в городе Торн (ныне Торунь), войсками семидесятой армии была окружена группировка противника. Командование посчитало, что группировка насчитывает около десяти тысяч солдат и офицеров. Как выяснилось позднее, она реально насчитывала более пятидесяти пяти тысяч! Ночью эта масса смяла нашу дивизию прикрытия и двинулась в сторону города Кульм вдоль правого берега Вислы. Южнее города на реке не было сплошного ледяного покрова, и там организовать переправу через такую широкую реку было трудно.

В ночь на 3 февраля 1945 года батальону был дан приказ: оборонять город своими силами и не допустить немцев к переправе до прибытия помощи. Поблизости других наших войск не было. Наши силы насчитывали около трёхсот тридцати человек с двадцатью восьмью ручными пулемётами. Правда, было много противотанковых и противопехотных мин. Бойцы были вооружены винтовками и автоматами.

Сапёр

К рассвету на холмах у южной окраины города мы вырыли окопы, оборудовали пулемётные и стрелковые ячейки. Дорогу и подходы к нашим позициям заминировали. Не забуду утро того дня. В предрассветной мгле вдоль дороги в сторону города двигалась сплошная тёмная лента людей, обозов и техники. Впереди колонны — шесть танков. Два танка подорвались на минах, остальные двинулись к развалинам недалёкого хутора и оттуда открыли огонь по нашим позициям. Мы ответили пулемётным и ружейным огнём. В голове колонны началась суматоха. Часть солдат осталась на месте, другие начали разбегаться. Через какое-то время противник сумел организоваться и начал методично обрабатывать наши позиции из танковых орудий и миномётов. У нас появились раненые и убитые. Собравшись, немцы сделали ещё одну попытку пробиться к переправе, но откатились под нашим огнём.

Враг не пройдёт!

Ночью противник начал наводить переправу в нескольких километрах южнее города, где у берегов был ледяной

припай, но фарватер ото льда был свободен. Немцы стали разбирать деревянные дома хутора и вязать плоты. В этом мы не могли помешать — силы были неравными. В темноте мы сделали налёт на хутор, но с рассветом были вынуждены убраться. На следующую ночь снова организовали налёт. В результате короткого боя было взято в плен 56 солдат и офицеров. Поскольку противнику всё же удавалось переправляться, то роту старшего лейтенанта Оборотова я выдвинул на другой берег Вислы. Дорога там проходила непосредственно за береговой противопаводковой насыпью. С неё мы и обстреливали врага. Только к исходу 5 февраля в моё распоряжение прибыли шесть самоходных орудий СУ-76.

Поспешно отступая, немцы бросили свои танки и другую технику. Все, кто не успел переправиться через реку, были уничтожены или пленены подоспевшими советскими войсками. И на западном берегу Вислы далеко не всем немцам удалось пробиться к своим. В результате этого боевого столкновения противник только на участке, который оборонял наш батальон, потерял 388 человек убитыми. 128 человек было взято в плен, в том числе 8 офицеров. Были захвачены большие трофеи — оружие и военное имущество.

После моего подробного донесение командованию о боевой операции батальона к нам из штаба фронта прибыла комиссия. Я представил пленных, было осмотрено поле боя и подсчитаны потери противника. Видимо, в высоких штабах с недоверием относились к боевым возможностям сапёров, способных в то время самостоятельно вести наступательные и оборонительные бои.

Через некоторое время мною была получена телеграмма, подписанная командующим фронтом Маршалом Советского Союза К.К. Рокоссовским и всеми членами Военного Совета фронта, в которой весь личный состав батальона был поздравлен с боевым успехом. Я был представлен к награждению орденом Александра Невского.

Несколько позднее Указом Президиума Верховного Совета СССР от 5 апреля 1945 года и батальон был награждён орденом Александра Невского.

За участие в боях по овладению городом Гданьск приказом Верховного Главнокомандующего И.В. Сталина № 082 от 17 мая 1945 года батальону было присвоено наименование «Гданьский».

На заключительном этапе Великой Отечественной войны батальон участвовал в обеспечении форсирования реки Одер южнее города Штеттин. В этом районе река представляла собой труднопреодолимую преграду. Она разделялась на два рукава с низменным междуречьем шириной около двух с половиной километров. А вся водная преграда была шириной около трёх километров. С противоположного западного высокого берега хорошо просматривалась вся пойма реки. На наше счастье невдалеке был обнаружен брошенный лесопильный завод и большой запас пиломатериалов. Из него сапёры быстро изготовили пятьдесят плоскодонных сапёрных лодок, каждая из которых была способна переправить отделение с вооружением и двух сапёров. В ближайшем тылу мы организовали тренировки по десантированию войск.

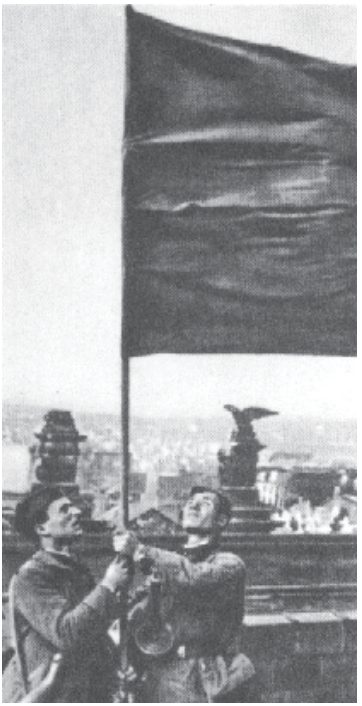
На рассвете 30 апреля 1945 года, с началом мощной артиллерийской подготовки, началось форсирование реки. Сапёры вместе с войсками двинулись через пойму: где плыли на лодках, где шли вброд, таща за собой лодки. Далее перетащили лодки через восточную дамбу западного Одера и начали переправу войск. Противник вёл интенсивный огонь, наши потери были значительными. Позднее выяснилось, что в первых траншеях сидели предатели из числа полицаев и власовцев. Они были смертниками. За их спинами находились гитлеровцы, не дававшие предателям бежать. В результате ожесточённого боя противник из траншей был выбит и плацдарм захвачен. 21 апреля подразделениями второго эшелона он был расширен. Ни ночью, ни днём сапёры не прекращали переправу войск, оружия и боеприпасов. Наступление продолжалось.

Вперёд к победе!

В дальнейшем 238-й инженерно-сапёрный батальон поступил в распоряжение 47-го стрелкового корпуса и выполнял задачи по обеспечению его продвижения вплоть до встречи с войсками второй английской армии.

Дороги войны

За мужество и героизм, проявленные при форсировании реки Одер многие солдаты и офицеры батальона были удостоены правительственных наград: Старшему лейтенанту Басманову и сержанту Громыхалину было присвоено звание Героя Советского Союза, я был награждён орденом Ленина».



Мы победили!

К сожалению, время неумолимо. С каждым годом участников тех героических событий остаётся всё меньше и меньше, но память о их подвиге в сердцах русских людей должна жить вечно!

ЗАСЛУЖЕННЫЙ ВОЕННЫЙ ЛЁТЧИК СССР

Гвардии полковник Недодаев Владимир Кириллович, участник Великой Отечественной и Японской войн, а также Парада Победы в Москве 24 июня 1945 года; награждённый орденом Красного Знамени, двумя орденами Отечественной войны, тремя орденами Красной Звезды; медалями «За Победу над Германией», «За освобождение Югославии», «За победу над Японией» и многими другими, — родился в 1922 году в городе Луганске.

Отец Кирилл Парфентьевич, рабочий-шахтёр, участник Первой мировой, гражданской и Великой Отечественной войн (вначале как подпольщик, а затем — боец Красной Армии) закончил войну освобождением Венгрии. За проявленные доблесть и мужество был награждён многими правительственными наградами Советского Союза.

Мать Елизавета Карповна, — домохозяйка, родившая и воспитавшая троих детей, которыми с полным основанием могла только гордиться.

В 1931 году средний из сыновей Володя пошёл в школу. Как и все дети тех лет, он радовался успехам своей страны, быстро залечивающей раны, нанесённые войнами и революциями и на глазах развивающейся и расцветающей. Параллельно с успешным усвоением школьной программы, принимал активное участие в работе пионерской, а затем и комсомольской организации школы. С увлечением занимался лёгкой атлетикой, сдавал нормы на значок «БГТО» — готовился к труду и обороне своей Родины. С гордостью носил значок «Ворошиловский стрелок» — свидетельство отличной стрелковой подготовки. Как и многие мальчишки и девчонки тридцатых годов, мечтал о небе. В то романтическое время на слуху были имена героев — лётчиков: Лапидевского, Водопьянова, Чкалова Байдукова, Белякова и многих других, прославивших молодую Советскую республику своими подвигами, заслуженно отмеченных звёздами Героев Советского Союза и всенародной любовью! В отличие от нынешних, раскрученных СМИ, продажных «звёзд» спорта и эстрады, эти люди действительно освещали путь к всеобщему счастью, добру и справедливости, служили прекрасными примерами для подражания!

Чтобы быстрее реализовать свою мечту о небе, Володя после окончания седьмого класса средней школы поступает в Феодосийский гидрометеорологический техникум — в техникумах тогда ускоренно проходили программу школьного обучения. За один год, освоив программу восьмого и девятого классов и выдержав экзамены, в 1938 году он поступает в Артёмовский аэроклуб Сталинской (ныне Донецкой) области. Получив в аэроклубе начальную лётную подготовку, юноша в начале 1940-го года становится курсантом Ворошиловградского военного авиационного училища имени Пролетариата Донбасса. Профессия военного, да ещё и лётчика была очень престижной во времена Советской власти! Училище в течение двух лет готовило

лётчиков для бомбардировочной и разведывательной авиации. Курсанты осваивали устройство, теорию и технику пилотирования скоростного, по тем временам новейшего, бомбардировщика СБ, с допустимой бомбовой нагрузкой в шестьсот килограммов.

Интересно (особенно для людей причастных к армии) отметить, что, начиная с 1940 года, всем выпускникам авиационных военных училищ, не служивших ранее в рядах Красной Армии, по выпуску присваивалось не офицерское, а сержантское воинское звание.

В начале 1942 года Владимир Кириллович в звании «сержант» с документами об окончании полного курса военного авиационного училища получает назначение на должность лётчика 860-го бомбардировочного авиационного полка. Служба началась с освоения более грузоподъёмного американского самолёта Б-3. Этот самолёт мог брать на борт уже до двух тонн смертоносного груза. В составе 3-го Украинского фронта в то время было всего три таких полка! В течение войны советская промышленность не только увеличивала выпуск военной техники, но и постоянно её совершенствовала. Позднее, в те же военные годы, Владимиру Кирилловичу пришлось осваивать более совершенный отечественный самолёт ТУ-2, имеющий бомбовую нагрузку в два раза превосходящую американский Б-3!

С механиком у боевого самолёта. 1942 год

«Тактика боевых действий фронтовой бомбардировочной авиации, — рассказывает ветеран, — заключалась в следующем. Поскольку радиус боевых действий самолётов военных лет был не велик и составлял всего 200–300 километров, то наши аэродромы находились в 100–150 километрах от линии фронта. Понятно, что самолёт должен был взлететь, отбомбиться по цели и вернуться на аэродром. Нашими целями служили железнодорожные станции, мосты и переправы, аэродромы противника, замеченные скопления войск, промышленные объекты и т.п. Поэтому сразу после передислокации полка на новый аэродром начиналось изучение возможной зоны боевых действий. Ведь лётчик в те времена ориентировался только визуально. Кстати, для этих целей наземные службы устанавливали специальные знаки, позволяющие идентифицировать какие-то объекты с их изображением на картах. Существовало три вида боевой готовности авиации. Чаще всего мы находились в готовности №2, когда самолёты заправлены горючим и к ним подвешены бомбы. По готовности №1 экипажи находятся на боевых местах и по сигналу сразу взлетают. Боевая задача всегда ставилась перед самым вылетом! Выполнялись задачи как одиночными самолётами, например, «свободная охота» или разведка и фотографирование объектов, подлежащих дальнейшему уничтожению, так и в составе звеньев, эскадрилий, полков или даже авиационных соединений. При групповом выполнении задачи бомбардировщики обычно сопровождались истребителями прикрытия.

Экипаж самолёта-бомбардировщика военных лет состоял из трёх — четырёх человек: лётчик (командир экипажа), штурман и стрелок-радист. На самолёте ТУ-2 стрелков, прикрывающих заднюю полусферу боевой машины, было два. Авиация — своеобразный вид вооружённых сил. Здесь от каждого члена экипажа зависит и выполнение боевой задачи, и жизнь всех, находящихся на борту. Поэтому и взаимоотношения между членами экипажа бывают по большей части не формальными, дружескими!

Независимо от того командир это (офицер) или рядовой солдат-стрелок. «На мой взгляд, — говорит Владимир Кириллович, — это очень хорошо показано в талантливом фильме «Хроника пикирующего бомбардировщика». Всякий раз, когда я смотрю этот фильм, я ощущаю себя вернувшимся в те далёкие юные годы!

Лейтенант Недодаев. 1943 год

Хороший штурман проложит верный курс к цели и осуществит прицельное бомбометание, хороший лётчик выведет самолёт в удобную точку пространства для прицельного сбрасывания бомб, хороший стрелок-радист успешно ведёт бой с истребителями противника, защищая самолёт и его экипаж. Лётчик и штурман, занятые своим делом, могут своевременно не увидеть нападающие особенно сзади истребители. Только благодаря стрелку, лётчик может своевременно совершить маневр, уклониться от снарядов противника или уйти в облака.

Боевых вылетов за три года войны было совершено сотни. В памяти остались только отдельные эпизоды. Напри-

мер, помню, что в самом первом бою я получил ранение. Осколок зенитного снаряда пробил обшивку самолёта и попал мне в подбородок. На какое-то время я потерял сознание, а самолёт — управление. Хорошо, что я вовремя пришёл в себя и смог благополучно довести машину до своего аэродрома. Попаданий в самолёт позднее было много, но, к счастью, я ни разу сбит не был!

Выполнял и разведывательные полёты и фотографирование. Были и вылеты на «свободную охоту», когда командир экипажа самостоятельно принимает решение атаковать цель. Приходилось бомбить танки, даже кавалерию противника.

Как-то во время «свободной охоты» положение спас мой стрелок-радист Володя Павлов. Неожиданно, увидев, под тонким слоем облаков незаметно подкравшийся к нам немецкий истребитель, он издал какой-то нечленораздельный, истошный вопль, заставивший меня мгновенно резко взять штурвал на себя и буквально выскочить из облаков. При этом я с содроганием успел заметить, что трасса снарядов прошла чуть-чуть ниже самолёта. Только доли секунды спасли самолёт и всех нас от верной гибели. В одном из следующих боёв этот же Павлов сбил заходивший нам в хвост немецкий истребитель, за что и был награждён орденом.

Хочу заметить, что во время войны работала и рационализаторская мысль. Так для борьбы с истребителями противника, заходящими на наши бомбардировщики снизу, использовались обычные ручные гранаты, сбрасываемые с самолёта на маленьких парашютиках, одна из строп которого при раскрытии вытаскивала предохранительное кольцо гранаты. Взрывы гранат чаще всего, конечно, просто отпугивали вражеские истребители. Другим примером является использование нами захваченных в большом количестве под Сталинградом немецких авиабомб, после их незначительных конструктивных доработок.

Запомнились неоднократные вылеты на бомбёжку переправы «Золотая пристань» во время Орловско-

Харьковской операции. Немцы там организовали очень плотный зенитный заградительный огонь, преодолеть который и прицельно отбомбиться мы считали большим достижением. Когда вокруг тебя непрерывно рвутся снаряды, ощущение, естественно, не приятное. Но паники, страха за свою жизнь не помню. По-моему было какое-то бесчувственное оцепенение, желание скорее выполнить эффективное бомбометание и повернуть назад, на свой аэродром. Кстати сказать, результатов бомбометания лётчик обычно не видит. Они документируются штурманом или даже фотографируются. Вот по этим результатам, да ещё и за количество боевых вылетов лётчики фронтовой бомбардировочной авиации и награждались!

После освобождения Одессы наша дивизия была передана в 1-й гвардейский авиационный корпус, входивший в состав 1-го Украинского фронта. Во время Львовско-Сандамирской фронтовой операции в состав нашего корпуса входили четыре авиационных дивизии, в каждой из которых было по три полка. В полку в то время было до двадцати семи самолётов. И, представьте себе, весь корпус одновременно взлетел для бомбёжки крупного железнодорожного узла «Городок» невдалеке от Львова! Я вспомнил это для того, чтобы показать какими возможностями обладала наша страна и наши вооружённые силы к концу Великой Отечественной войны!

Тот день хорошо запомнился, поскольку это было седьмое ноября 1944 года — годовщина Великой Октябрьской социалистической революции широко отмечалась и на фронте. В этот праздничный день наш полк перелетел в югославский город Банкарловад. Надо сказать, что бомбардировочные полки передислоцировались вместе со своими наземными службами и техническим составом. Запомнился приём в этом городе. Здесь жили люди разных национальностей: сербы, черногорцы, хорваты, немцы. Меня поселили в чистый и аккуратный немецкий домик. Хозяин встретил на пороге (по крайней мере, чисто внешне) весьма радушно и очень смутился, когда в пред-

назначенной для меня комнате я увидел портрет его зятя в форме войск СС. Он стал что-то лепетать, по-видимому, извиняясь. Я изобразил равнодушие. На следующее утро он встречал меня на пороге моей комнаты с подносом, на котором стояли два бокала с вином. Отпив глоток из одного, второй он жестом предложил мне. Я отказался. Вылет мог быть назначен на любое время. Эта церемония встречи меня по утрам с бокалом вина повторялась всё время, пока я квартировал у этого немца. Портрет СС-овца исчез в первый же день. Страха на лице того пожилого немца перед русским офицером я не замечал. Зато увидел благодарность, когда приказал мародёру-югославу вернуть вещи, отбираемые насильно у моего хозяина-немца. В дальнейшем немец прятал в моей комнате свои вещи от грабителей. А мародёрство в том городе процветало. Конечно, у жителей города были свои счёты, но мародёрство всегда цинично!

В Югославии меня и застал конец Великой Отечественной. Помню, часа в три ночи кто-то прибежал ко мне на квартиру и сообщил радостную весть. Я оделся и пошёл в свою эскадрилью. В это время я был заместителем командира. Нужно было проследить за дисциплиной. К счастью, всё прошло спокойно. В авиации эмоций было значительно меньше, чем, скажем, в пехоте! Около десяти часов утра командир построил полк и официально объявил о нашей победе. Никакой пальбы в воздух не было. Радостное известие было принято достойно и довольно спокойно.

После официального окончания войны в Венгрии ещё некоторое время оставались отдельные очаги сопротивления фашистов. Наш полк сделал несколько боевых вылетов на их подавление. Партизанскую войну европейцы, на мой взгляд, не признают и вести не умеют. Во всяком случае, после девятого мая 1945 года на нас советских офицеров и солдат никто не нападал. По городу мы ходили совершенно спокойно. Никакой стрельбы не было.

Спокойная жизнь в Югославии продолжалась не долго. Вскоре нам было приказано самолёты и прочую технику

сдать другому полку, а личному составу убыть в Москву. Там полк получил новые самолёты ТУ-2 и самостоятельно перелетел на Дальний Восток. Какое-то время сидели в Улан — Удэ и ждали дальнейших указаний. Потом, получив приказание, перелетели в пустыню Гоби и приземлились на аэродроме «Волк» невдалеке от столицы Монголии Улан — Батора. Аэродром был прекрасно оборудован, личному составу были созданы, по сравнению с недавней войной на Западе, отличные бытовые условия. С началом войны с Японией с этого аэродрома летали бомбить аэродромы японцев, железнодорожные узлы в Харбине и Бухеду. Поражением Германии японцы, видимо, были сломлены морально и практически сопротивления не оказывали. По крайней мере, японские истребители нам мало мешали выполнять боевые задачи. В целом японская война мне показалась только одним из эпизодов Великой Отечественной.

После окончания войны с Японией наш полк передислоцировался на Ляодунский полуостров, откуда были изгнаны японцы, и он стал принадлежать Китаю. В Китае в это время шла гражданская война. Советский Союз поддерживал китайских коммунистов во главе с Мао Цзэдуном, не принимая активного участия в этой войне. Находящиеся там советские войска решали политическую задачу: устрашение противников коммунизма. В 1946 году я получил первый офицерский отпуск, поехал в родной Луганск, женился и привёз в полк молодую жену! Началась семейная жизнь.

В 1949 году нашу дивизию фронтовой авиации передали военно-морским силам страны. По нашим понятиям, понятиям людей ещё не успевших забыть Великой Отечественной войны, наша жизнь и быт в Китае были вполне удовлетворительными, с чем не согласился командующий Тихоокеанским флотом, инспектирующий вновь переданные в его подчинение авиационные части. Он справедливо считал, что советские люди достойны лучшей участи. Однако разрушенная войной страна просто не могла в то

время создать более приличные условия жизни своей армии и народу.

Из того периода моей службы запомнился случай столкновения с американцами. В 1949 году в Жёлтом море между Кореей и Ляодуном стали появляться американские военные корабли. Иногда они заходили и в территориальные воды Китая. Однажды для уточнения положения американца был поднят наш самолёт-разведчик в сопровождении двух истребителей. Погода была облачная. Низкие плотные облака висели над самой водой. Разведчик снизился и был сбит американским истребителем. Наши истребители из опасения спровоцировать широкомасштабные боевые действия получили приказ: в бой не вступать. Чуть позднее, как вы помните, началась Корейская война.

В 1950 году для повышения квалификации я был направлен в Ригу на Высшие офицерские лётно-тактические курсы авиации ВМС, после окончания которых получил назначение командиром эскадрильи в полк, дислоцировавшийся в Крыму. Здесь пришлось переучиваться на реактивные самолёты ИЛ-28 и ТУ-14. Шла холодная война, и мы активно готовились к вполне возможной войне горячей: в плановом порядке бомбили и обстреливали условные объекты на полигонах — островах Чёрного и Каспийского морей.

В 1954 году поступил на авиационный факультет Военно-морской академии имени К.Е. Ворошилова. За три года успел полюбить Ленинград. Это во многом определило и мою сегодняшнюю жизнь в этом прекрасном городе.

В 1957 году, по окончании академии, был назначен заместителем командира 9-го гвардейского минно-торпедного авиационного полка Северного флота.

В 1958 году стал командиром 124-го минно-торпедного авиационного полка. Интересно отметить, что с этим самым полком мы, еще, будучи во фронтовой авиации, базировались на одном аэродроме в Монголии. И вот через много лет судьба вновь свела меня с ним, но уже в качестве его командира!

Полковник Недодаев ставит боевую задачу лётному составу полка

В это время морская авиация перевооружалась — получала новые самолёты ТУ — 16, вооружённые крылатой ракетой К-10. Ракета выпускалась в различных вариантах, в том числе и с ядерной головной частью. Полк на новых самолётах интенсивно осваивал просторы северных морей, усиленно занимался боевой подготовкой. Реальные пуски ракеты осуществляли по списанным судам в Каспийском море. Время было сложное, флот, как и вся Советская армия, готовилась к защите своей Родины от американских агрессоров.

В 1960 году я был назначен заместителем по лётной подготовке командира пятой морской ракетоносной авиационной дивизии с управлением в Североморске. Полёты американских разведывательных самолётов У-2 над нашей территорией, сбитый над Уралом нашими зенитно-ракетными войсками американский майор Пауэрс, надвигающийся Карибский кризис — требовали повышенной боевой готовности всех наших Вооружённых сил и, конечно, авиации. И мы прилагали все усилия для решения этой задачи.

С 1961 по 1963 год я, как мне кажется, успешно командовал этой дивизией. В этот период произошло событие

важное не только лично для меня, нашей дивизии, но и для всей нашей страны. Силами нашей дивизии были организованы реальные стрельбы ракетой с ядерной боеголовкой. Для этой цели на одном из островов вблизи Новой Земли была сооружена мишень по эффективной отражающей поверхности подобная тяжёлому крейсеру. Оценка адекватности мишени реальной цели проводилась методом её облётов самолётами авиационного дозора. Пуск ракеты осуществлялся с самолёта полка, которым командовал полковник Курпяков. За результатами стрельбы кроме конструкторов наблюдали командующий флотом адмирал Касатонов и командующий авиацией флота генерал Кузнецов со своими штабами, находящиеся в убежище в тридцати километрах от мишени. Корабли Северного флота и авиация обеспечивали безопасность испытаний. Испытания прошли успешно. Точным попаданием ракеты цель — «тяжёлый крейсер» была уничтожена.

В эти же годы дивизия обеспечивала испытательные подземные ядерные взрывы на территории Новой Земли.

Весной 1962 года, будучи начальником боевой подготовки авиации, Северного флота, мне неоднократно приходилось принимать участие в полётах самолёта ТУ-95 РЦ (американцы его называли «лисой») в район Карибского моря. Нередко наш самолёт сопровождали американские истребители. ТУ-95 РЦ с экипажем 7 -8 человек (два лётчика, два штурмана, инженеры и техники радиотехнических устройств) имел задачей поиск, обнаружение вражеских подводных лодок и выдачу целеуказаний активным средствам флота для их уничтожения. Кроме того, наши самолёты-разведчики у берегов Америки оказывали огромное психологическое воздействие на нашего вероятного противника.

Командир авиационной дивизии полковник Недодаев
за штурвалом боевого самолёта

Не могу не вспомнить и об октябрьских событиях 1973 года.

В начале октября того памятного года на Северном флоте проходили показательные учения с учебными стрельбами, бомбометанием, пуском торпед и ракет. За ходом учений наблюдало высшее руководство СССР. На специально оборудованном судне находились Первый секретарь ЦК КПСС Брежнев, Председатель Президиума Верховного Совета СССР Подгорный, Председатель Совета Министров СССР Косыгин. Их сопровождала многочисленная свита. Учения продемонстрировали боевую мощь флота и были высоко оценены наблюдателями. Разбор результатов проходил в Североморске. В заключение с краткой информацией об обстановке в Мире выступил Л.И. Брежнев. Затем был концерт, после которого участники разбора учений обступили первых лиц государства. Задавали частные вопросы. Простому человеку не часто приходится встречаться с такими людьми! Подходит ко мне командующий авиацией генерал Кузнецов и тихо говорит: «Немедленно

берите офицеров, вертолёт и отправляйтесь в штаб! Началась очередная война на Ближнем Востоке. Египет и Сирия выдвинули территориальные претензии к Израилю! Выясните, что нам известно по этому вопросу! Сведения держать в тайне. По телефону ничего не сообщать. Доложите, когда прибуду!» Я оглянулся. Брежнев, Косыгин и Подгорный сразу куда-то исчезли.

Прибыл в штаб. Разобрался с имеющейся документацией. Выяснил, что морской авиации в районе боевых действий на данный момент нет. Обо всё, что удалось выяснить, доложил командующему. Примерно через неделю он приказывает мне готовиться вылететь в Египет. К этому времени там уже были части морской авиации. На военно-транспортном самолёте через Москву, Венгрию, Александрию прибыл в Каир. Приземлились на Северном аэродроме, том самом, на котором израильтяне одним внезапным ударом уничтожили практически всю египетскую авиацию. Та, так называемая шестидневная война между Израилем с одной стороны и Египтом и Сирией — с другой закончилась 24 октября 1973 года. Ещё около двух месяцев после заключения мира мы на самолётах ТУ-16 СПС вели разведку в районе Средиземного и Красного морей, обнаруживая и фиксируя частоты работы израильских радиолокационных станций. В сложных метеоусловиях самолёт-разведчик обычно пилотировал я сам, в простых — египетские лётчики, подготовленные в Советском Союзе.

В конце 1973 года, выполнив задание, вернулся в Североморск на свою должность.

1973 год ознаменован для меня ещё одним памятным событием. В этом году мне было присвоено почётное звание «Заслуженный военный лётчик СССР», как сказано в Положении: «…за особые заслуги в освоении авиационной техники, высокие показатели в воспитании и обучении лётных кадров и многолетнюю безаварийную лётную работу в авиации Вооружённых Сил СССР».

В 1974 году по выслуге лет я уволился из Вооружённых Сил Советского Союза. Практически до последнего дня службы летал. В те времена реальным лётчиком был даже командующий авиацией. Каждый советский лётчик должен был находиться в воздухе за штурвалом не менее ста шестидесяти часов в год! Потому-то в те времена и самолёты не падали, как это нередко происходит в последние годы!

Пока хватало физических сил, после увольнения из армии трудился на авиационном заводе в качестве инженера. Авиация до конца останется делом моей жизни! И сегодня не бросаю патриотической работы. По приглашению никогда не отказываюсь выступить перед молодёжью с воспоминаниями о Великой Отечественной войне и своей жизни в авиации! Несмотря ни на что, верю в свой народ, в грядущее возрождение моей страны и моей родной авиации!»

СЫН АРТИЛЛЕРИСТА, ОТЕЦ АРТИЛЛЕРИСТА

Гвардии полковник Шабанов Сергей Яковлевич, активный участник Великой Отечественной войны от первых до последнего дня, вступивший добровольно в Красную Армию в шестнадцатилетнем возрасте, награждённый орденом Красного Знамени, тремя орденами Отечественной войны, двумя орденами Красной Звезды, орденом Знак Почёта; медалями «За оборону Ленинграда», «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», «За взятие Берлина», «За боевые заслуги» и многими другими советскими и иностранными; родился в 1924 году в городе Костроме.

Отец, Яков Фёдорович, кадровый командир Красной Армии, также активный участник Великой Отечественной войны, прошедший боевой путь от Ленинграда до Берлина. Полковник Советской Армии, закончивший войну заместителем командира артиллерийского корпуса проры-

ва. Был награждён многими орденами и медалями, среди которых орден Ленина и три Ордена Красного Знамени!

Мать, Мария Ивановна родила и вырастила достойными советскими людьми троих детей. Как верная офицерская жена безропотно переносила все тяготы и лишения связанные с военной службой мужа. О высоконравственном воспитании детей свидетельствует вся их дальнейшая жизнь.

Старший сын, Анатолий Яковлевич с объявлением войны добровольно вступил в Красную Армию, не достигнув призывного возраста. С боями дошёл от Ленинграда до Берлина. Был несколько раз ранен. Окончил войну командиром артиллерийской батареи. Награждён орденами и медалями.

Дочь, Антонина Яковлевна, встретила войну подростком. Безропотно вместе с матерью перенесла трудности эвакуации. После войны получила инженерное образование и внесла свой вклад в восстановление разрушенной войной страны, а затем и в дело восхождения СССР на передовые рубежи планеты Земля.

Сергей Яковлевич в семье был младшим сыном. В детстве вместе со всей семьёй, в связи с переводами по службе отца, путешествовал по военным городкам. Жил в селе Семёновском, городах Костроме, Владимире, Москве и Кексгольме (нынешнем Приозерске), где к моменту начала Великой Отечественной войны служил заместителем командира артиллерийского дивизиона отец. В школу поступил в Калуге в 1932 году. Затем, по мере перемещения по стране семьи, менялись и школы. Будучи с детства любознательным, учился средне. Может быть, влияли частая смена школ и учителей. Но, как он вспоминает сейчас, всегда много читал даже на уроках, получая за это выговоры от учителей и родителей. Активный и общительный мальчик значительное время всегда уделял пионерской, комсомольской работе и физкультуре.

«Вопреки утверждениям нынешних СМИ о том, что Гитлер застал нашу страну врасплох, — говорит Сергей

Яковлевич, — наш народ к войне серьёзно готовился. Люди с восторгом воспринимали каждое сообщение о вводе в строй очередного промышленного предприятия. Юноши и девушки активно посещали военные кружки, где обучались основам военного дела, владению оружием. С большим энтузиазмом боролись за право гордо носить значки «Ворошиловский стрелок» и «ПВХО» (Готов к противоздушной и химической обороне). Массовый характер в то время имели соревнования и сдача норм на значки «БГТО» (Будь готов к труду и обороне) и «ГТО». В нашей стране была отлично поставлена работа по патриотическому воспитанию молодёжи. Это показала практика мобилизации уже в первые дни войны».

С воодушевлением и большой благодарностью вспоминает сегодня ветеран о пионерской организации, летних пионерских лагерях, о своей комсомольской работе на благо советского общества. Братья погодки Анатолий и Сергей, как и весь народ, тоже готовились к защите Отечества. Немалую роль в воспитании их патриотизма сыграл, конечно, отец. В семье не раз велись разговоры о надвигающейся фашистской опасности, о важности военной профессии. Лозунгом тогда служили слова Наркома обороны Маршала Советского Союза К.Е. Ворошилова: «Мускул свой, дыхание и тело тренируй с пользой для военного дела!» Братья, как и большая часть молодёжи того времени, услышали и восприняли эти слова. Оба отлично плавали, играли в спортивные игры, стреляли.

«Хорошо помню, как начиналась Великая Отечественная война, — рассказывает Сергей Яковлевич. В мае 1941 года я, сдав переводные экзамены, закончил восьмой класс средней школы. Мне было шестнадцать лет, и жили мы в Кексгольме, включённом в состав СССР в результате финской войны 1939-40года. Город на реке Вуоксе располагал к водным видам спорта. Отдыхая после экзаменов, мы много купались, загорали, катались на лодках, играли в волейбол. 20-го июня 1941 года вызывают меня в райком комсомола и ставят задачу: организовать строительство

волейбольной площадки на острове, где обычно проходили все городские праздничные гулянья. Срок — 22-е июня. Помнится, этот день был объявлен праздничным. Город готовился к спортивным соревнованиям, смотру художественной самодеятельности, концерту. Я пригласил брата и ещё несколько человек. Нам дали лошадь и инструменты. Почва на острове была каменистой, поросшей кустарником и деревьями. Работы было много. Нужно было убрать растительность, спланировать площадку, вкопать столбы, натянуть сетку. Работали, не покидая острова двое суток. Еду приносила сестрёнка. Задание райкома успешно выполнили. На утро 22-го июня был назначен массовый заплыв на два километра. Старт на острове Любви, куда участников доставили на лодках, финиш — на основном, городском, подготовленном для торжества. Нам дали команду «старт», и мы поплыли. Когда приблизились к финишу, были очень удивлены отсутствием встречающих. Берег был пуст, вдалеке виднелась большая толпа. Оказалось там уже обсуждали речь Наркома иностранных дел В.М. Молотова о нападении гитлеровской Германии на СССР. Только теперь мы узнали, что ночью фашисты бомбили многие советские города и танковыми клиньями в нескольких местах пересекли нашу государственную границу. Особой паники и страха среди присутствующих на митинге я не заметил. Во-первых, советские люди верили в несокрушимость нашей армии; во-вторых, думаю, ещё не успели осознать опасность ситуации — немцы чрезвычайно быстро продвигались вглубь страны.

Мы с братом сразу решили, что наше место там — на фронте борьбы с наглым врагом. Отец на другой же день вместе со своим дивизионом выехал на финскую границу. Мама, возможно предчувствуя длительную разлуку, через день поехала на встречу с ним. Судьбу военного да ещё во время войны предвидеть невозможно. Воспользовавшись её отсутствием, мы с братом, чтобы избежать слёз и уговоров не спешить — оба мы ещё не достигли призывного возраста — поехали в Ленинград с твёрдым намерением

записаться добровольцами в Красную Армию и отправиться на фронт. Мы жаждали скорой встречи лицом к лицу с врагами Отечества. Кому же, как не нам — сынам красного командира — первыми вступать в бой! Ведь мы и подготовлены лучше других. Отец с раннего детства обучал нас основам военного дела и, главное, — стрельбе из всех видов стрелкового оружия.

По прибытии в военкомат Московского района Ленинграда в один голос заявили о своём желании. Однако, посмотрев наши документы, беседовавший с нами командир просьбу брата решил удовлетворить, а мне было рекомендовано вернуться домой к маме. Возмущённый такой, на мой взгляд, несправедливостью, я направился в райком комсомола и, скрыв истинную дату своего рождения, добился своего — райком ходатайствовал за меня перед военкоматом. Таким образом, я стал полноправным красноармейцем в неполные семнадцать лет. Парнем я был рослым, физически хорошо развитым и моя маленькая ложь прошла незамеченной. В Московском районе Ленинграда в эти дни формировалась Вторая дивизия народного ополчения. Нас с братом остригли наголо, переодели в солдатское обмундирование, выдали винтовки, патроны и даже гранаты и назначили в отделение разведки артиллерийского дивизиона. По-видимому, здесь какую-то роль сыграл наш отец — артиллерист, да и для нас самих артиллерия была самым близким видом оружия. Она была, как в то время говорили, «Богом войны»! Кстати, служба в артиллерии была самой сложной и почётной. Первые недели войны запомнились всеобщим духовным подъёмом, высочайшим патриотизмом. В это время в военкоматы и призывные пункты ленинградцы приходили целыми трудовыми коллективами и семьями с требованием зачислить их в одну воинскую часть. В местах формирования частей стояли очереди желающих поскорее попасть на фронт. Люди были уверены в близкой победе над врагом, верили, что война будет подобной недавней финской, которую многие обыватели почти и не заметили. Как же они ошибались!

Вновь сформированный артиллерийский дивизион, в который мы с братом попали, уже 9-го июля был выдвинут на новую финскую границу на Карельском перешейке. Однако под давлением финнов был вскоре передислоцирован на старую границу, проходившую по реке Сестре. Здесь во время всей ленинградской эпопеи оборонялась двадцать третья советская армия. Боевые действия она фактически не вела. Финны, захватив утраченные в 1940-м году территории, попыток продвинуться дальше не предпринимали. Надо отдать им должное — они и не старались перерезать Дорогу жизни через Ладогу, по которой во время блокады Ленинград получал помощь страны.

В 1942 году нас с братом разлучили. Его направили на трёхмесячные курсы младших лейтенантов, меня же в январе назначили командиром отделения разведчиков и присвоили воинское звание «сержант». Несмотря на то, что в отделении были солдаты много старше меня, по возрасту годившиеся мне в отцы, мы быстро нашли общий язык. Как младший командир, я строго руководствовался воинскими уставами и инструкциями, определяющими функциональные обязанности.

В октябре 1942 года меня направили в третье Ленинградское артиллерийское училище, которое тогда находилось в Костроме, туда же были эвакуированы мама с сестрой. Здесь почти через два года и произошла наша радостная встреча. Училище имело годичную учебную программу. У меня о нём остались неважные воспоминания, связанные с тем, что нас — фронтовиков — учили, как следует вести себя на фронте люди сами не нюхавшие пороха! Правда, после инспекции большая часть постоянного состава училища была заменена. Хочется отметить, что курсантов — фронтовиков — возмущал длительный срок обучения. Они всеми силами рвались на фронт.

Яков Фёдорович с сыновьями на Ленинградском фронте

Через год лейтенантом я вернулся в свой 14-й гвардейский артиллерийский полк, стал командиром взвода управления восьмой батареи. Наша батарея дислоцировалась на окраине Колпина и была вооружена 152-х миллиметровыми гаубицами-пушками с дальностью стрельбы восемнадцать километров. С огромной благодарностью вспоминаю своего командира батареи капитана Федина, который во многом пополнил мои знания, полученные в училище.

Наш полк вёл контрбатарейную борьбу с противником. Тактика борьбы заключалась в следующем. Силами разведывательного дивизиона, в состав которого входили батареи аэростатов наблюдения, звуковой и оптической разведки, устанавливались места дислокации артиллерийских и миномётных батарей противника. Данные обрабатывались и поступали в управление командующего артиллерией фронта, откуда полк и получал указания на полное уничтожение или подавление огневых средств немцев.

Поскольку для уничтожения у нас обычно не хватало снарядов, то чаще всего подавлялись, то есть временно выводились из строя, только огневые средства противника, наносившие в данное время наибольший ущерб населению Ленинграда или войскам. Подавив или уничтожив очередную батарею противника, мы меняли боевые позиции. Позднее все орудия полка были укрыты от ответного огня в капонирах.

Артиллерийская разведка находится в постоянном соприкосновении с противником. Наблюдательные пункты (НП) могут располагаться в траншеях стрелковых подразделений, на крышах домов, на колокольнях церквей, или на высоких деревьях и в любое время могут быть подвергнуты артиллерийскому, миномётному или снайперскому обстрелу. Потери среди артиллерийских разведчиков были очень велики. Естественно, противник, маскируясь, принимал свои меры, такие как «кочующие орудия», ложные позиции часто на плотах в озёрах или болотах, подрывы взрывчатых веществ, имитирующие отсутствующую на этом месте батарею и т.п. Однако накопленный нами опыт позволил подавить и уничтожить множество батарей противника особенно во время январского 1944 года снятия блокады Ленинграда.

Около двух лет мне пришлось провести на переднем крае Ленинградского фронта. Надо сказать, что к этому нужна определённая привычка, адаптация. Были случаи, когда от такой жизни люди сходили с ума. Представьте себе: ни нормального сна, ни отдыха в течение месяцев и даже лет! Для воздействия на психику обороняющихся противник в течение всей ночи поливал наши позиции огнём пулемётов и автоматов. Некоторых из дежуривших немцев-стрелков мы даже узнавали «по почерку» — особенностям пулемётных или автоматных очередей. Кстати, это позволяло нам своевременно узнавать о смене войск на противоположной стороне! Ночи на передовой обычно «украшались» разноцветными осветительными ракетами, долго висящими в воздухе на специальных парашютиках,

цепочками трассирующих пуль, взрывами снарядов и мин внезапных огневых налётов. Траншеи переднего края на участке Шушары — Московская Славянка проходили по низменной местности и не могли быть отрыты до полного профиля. Передвигаться по ним можно было только чуть ли не ползком. Ко всему этому следует добавить полуголодный паёк и жизнь в промерзающих и промокаемых землянках! Люди годами не имели возможности по-человечески обсушиться, согреться, вымыться и даже отправить естественные надобности! И, тем не менее, они выстояли и победили! Поэтому, может быть, самой значимой своей наградой я считаю медаль «За оборону Ленинграда»!

В начале января 1944 года на фронте почувствовалось какое-то оживление. В нашей полосе обороны началась имитация сосредоточения войск — по ночам вдоль фронта курсировали танки тягачи, перемещались стрелковые части. Стало ясно, что готовится прорыв обороны противника. Войска фронта выходили на исходные позиции в течение предшествующих двух-трёх дней. В канун наступления были проведены партийные и комсомольские собрания. Личный состав готовился морально.

Ранним утром 14 января началась огневая подготовка, длившаяся около ста минут. Для артиллерийских батарей цели были намечены заранее. Помнится, нашей батарее целью служил командный пункт противника в Пушкине. В этот день только наша 42-я армия выпустила по врагу 220 тысяч снарядов, перепахав траншеи и разрушив множество Дотов и Дзотов! После артподготовки в небе появились штурмовики, которые тремя волнами нанесли бомбовый удар по передней траншее обороны противника. К исходу дня 15 января 42-я армия прорвала оборону фашистов и продвинулась на несколько километров. Утром 19 января было освобождено Красное Село. Страна радостно встретила успехи Советских войск под Ленинградом. 19-го января 1944 года Москва салютовала доблестным войскам Ленинградского фронта! Беспредельным было ликование

ленинградцев, полностью освобождённых от вражеской девятисотдневной блокады. После освобождения Красного Села, Пушкина, Павловска и Гатчины наш полк наступал в направлении Луги.

Вспоминается один эпизод из этого периода нашего наступления. Сплошной линии фронта ещё не было, и я с радистом и двумя разведчиками был послан вперёд для уточнения переднего края наших войск. После выполнения задания мы зашли в уцелевший деревенский дом, чтобы немного отдохнуть и перекусить. Через несколько минут к дому подъезжает немецкий бронетранспортёр, из него выходят пятеро немцев и направляются к нам. Чувствуют они себя уверенно, беспечно, не подозревают, что находятся уже в нашем ближнем тылу. Это дало нам возможность подготовиться к встрече и сразу уничтожить четверых. Пятый-водитель — оказался легко раненым и сдался в плен. Он-то и доставил нас на своём бронетранспортёре в расположение нашей части.

Летом 1944 года я был переведен в разведдивизион 47-й гвардейской артиллерийской бригады, к тому времени находящийся на финской границе. С освобождением Ленинграда встала задача освобождения Карельского перешейка. Бригада стояла под Выборгом. За время блокады здесь противником были сооружены три оборонительные полосы. Мой разведвзвод развернулся вблизи Белоострова. Ранним утром над нашими позициями несколькими эшелонами прошла авиация, возвестившая о начале крушения сильно укреплённой обороны финнов. Затем методическое разрушение Дотов и Дзотов начала наша артиллерия, длившееся не менее десяти часов. Утром следующего дня после мощной артподготовки в атаку пошла пехота. К исходу дня 11-го июня наши войска вышли ко второй полосе обороны противника и неудержимо продолжали наступление.

Во второй половине июля бригада была переброшена под Нарву. На Нарвском плацдарме пришлось участвовать вместе со стрелковым подразделением в атаке. В этот же день, находясь в траншее, получил тяжёлую контузию, по-

терял сознание и утонул бы в грязной траншейной жиже, если бы не мой ординарец рядовой Леонид Загайнов. Замечательный был человек! Своим телом он не раз прикрывал меня в боях! Вечная ему память и слава!

Особо запечатлелся в памяти бой с батальоном СС дивизии «Нордланд» 26-го июля 1944 года. Батальон в составе четырёхсот человек оказался в нашем окружении. Войска СС отличались и внешним видом. Они были отлично экипированы, в маскировочной одежде, даже на касках носили тонкие маскировочные сетки. Офицеры и унтер-офицеры были вооружены кроме автоматов ещё и пистолетами. В состав батальона входили артиллерийская противотанковая и миномётная батареи. Чтобы вырваться из окружения и соединиться со своими, им нужно было преодолеть всего полтора километра. Но на их пути оказались мы. Пытаясь выиграть время или обмануть нас, они выбросили белый флаг. Заподозрив неладное, наш пулемётчик дал очередь. И тогда они пошли в психическую атаку, не считаясь с большими потерями, шли напролом. Мы поднялись в контратаку. Я бежал в стрелковой цепи, когда вдруг увидел сидящего рядом на земле окровавленного фашиста с автоматом, нацеленным мне в грудь. Я был в миллиметре от смерти. Положение спас какой-то пробегавший мимо солдат, выстрелив ему в голову. Эта картина и сейчас отчётливо стоит перед моими глазами! Бой был исключительно жестоким. В плен было взято около семидесяти немцев. В том числе пятерых взяли мы — артиллерийские разведчики!

Последующие несколько дней запомнились ожесточёнными боями за три эстонских высоты Синемяйе. Высота с отметкой на картах 93,2 несколько раз переходила из рук в руки. В ночной атаке победу одерживали наши стрелки, днём превосходящими силами немцы нас вытесняли. В это время их армия была ещё очень сильна! В результате нашего и немецкого артобстрелов высота стала совершенно лысой, буквально перепаханной и усеянной трупами. Погода стояла жаркая, трупы не убирались, в воздухе стоял

удушливый смрад. Несколько суток непрерывно гремели взрывы и треск пулемётных и автоматных очередей. Всё это время некогда было и на минуту сомкнуть глаза. Приходилось в связи с изменяющейся обстановкой непрерывно менять позиции. Неожиданно на НП появился комбат. Расслабившись, я упал на дно траншеи и уснул мёртвым сном, невзирая на адский грохот. Пару часов спал так, как может спать только смертельно уставший человек!

Помнится, как на тех злосчастных высотах между нами и немцами было заключено негласное перемирие для уборки трупов. Противники вышли из траншей и стали уносить трупы своих. Не было сделано ни одного выстрела, пока, окончившие работу воюющие стороны, не скрылись в своих траншеях. И в этом было что-то благородное рыцарское, оставшееся навсегда в памяти всех свидетелей! И сейчас у меня перед глазами стоит труп молодого красивого белокурого немца с открытыми, устремлёнными в небо голубыми глазами, как бы вопрошающего Бога: «За что!?» и шевелящиеся от ветерка его красивые волосы.

Позднее ночью того дня получаю приказание прибыть на КП полка. Идём вдвоём со связистом. В низине садимся на край воронки, снимаем сапоги, чтобы немного остудить натруженные ноги в воде. Случайный осколок убивает сидящего рядом со мной солдата. Меня Бог уберёг в очередной раз!

С нового НП наблюдаю за немецкой траншеей. Там явное оживление. Укрепляются разрушенные брустверы, мелькают лопаты. Докладываю на КП: «Немцы укрепляют позиции!» Наше наступление продолжается. Утром стрелки переходят в атаку, но…траншея противника пуста! Немцы, обманув нас, выиграли время для подготовки нового рубежа обороны и оторвались от нас на целые сутки. Таких случаев на моей памяти был не один!

Уместно сказать, что в конце войны, поспешно отступая, немцы бросали много техники и вооружения. Не редки были оставленные на дороге орудия, с вынутыми замками, рядом раздувшиеся трупы застреленных лошадей, повозки, автомобили и т.п.

Когда наш полк вышел к Пярну, его поставили в береговую оборону для отражения возможного немецкого морского десанта. Немецкие военные корабли и суда порой курсировали вдоль берега, но в зону нашего огня не входили. Боёв не помню. Отдыхом на курорте после нескольких лет окопной жизни показались пара недель жизни в немецком доме, стоящем невдалеке от расположения нашей батареи. Хозяйки-немки приняли нас очень хорошо, по крайней мере, так это выглядело внешне. Горячая вкусная домашняя пища, тёплая, уютная, чистая постель, тишина — создавали впечатление земного рая!

Осенью 1944 года я был переведён в третий гвардейский разведывательный артиллерийский Краснознамённый Красносельский дивизион командиром взвода оптической разведки. Дивизион догнал в Польше. В его составе участвовал в освобождении Варшавы, за что и был удостоен медалей «За Варшаву» нашей советской и польской.

В памяти не осталось подробностей целой череды ожесточённых боёв в Восточной Пруссии, на Зееловских высотах в пятидесяти километрах от Берлина, на Кюстринском плацдарме, да и самого штурма Берлина. Обо всём этом и без меня много сказано и написано. Наш артиллерийский корпус в это время входил в состав 1-го Белорусского фронта под командованием Маршала Советского Союза Жукова Г.К. К сожалению, мне встречаться с этим великим полководцем не приходилось.

О Зееловских высотах напоминают большие потери, которые мы несли от немецкой авиации на малых высотах летающих вдоль наших траншей и поливающих нас из пулемётов. От этого огня укрыться было негде. Из того же периода войны остались в памяти попытки немцев использовать самолёты-снаряды для уничтожения наших переправ на Кюстринском плацдарме. К самолёту-буксировщику немцы прикрепляли планер, начинённый взрывчаткой. С выходом самолёта на траекторию атаки, планер освобождался и далее летел самостоятельно в сторону цели. Я наблюдал несколько таких взрывов планеров

большой мощности. Однако точность вывода их на цель была невелика.

Второго мая 1945 года штурмом был взят Берлин. Пришла такая долгожданная Победа! В этот день мне с личным составом взвода по приказанию командира корпуса генерала Лихачёва В.М. пришлось выполнять задание по документированию результатов артиллерийского огня по сопротивляющемуся городу. Наш корпус всем составом участвовал в штурме.

Победители на ступенях рейхстага. Май 1945 г.

Столица «тысячелетнего рейха» дымилась развалинами, многие здания ещё горели, улицы по большей части были непроезжими, засыпанными грудами битого кирпича. Мы, передвигаясь по городу, не встречая серьёзных препятствий, выполняли свою задачу по фотографирова-

нию недавних целей орудий нашего корпуса. Интересно отметить, что в течение целого дня ни разу не были обстреляны, хотя по пути встречали и военных и штатских немцев. По-моему они тоже радовались концу войны. У Бранденбургских ворот натолкнулись на группу американцев. Сфотографировались на память. Ни особого дружелюбия, ни враждебности с их стороны я не заметил. Встреча была какой-то холодной, официальной. Правда, американцы и на войне оставались американцами. Представители нации торговцев, они тут же предложили купить у них часы.

Первая встреча с американцами у Бранденбургских ворот

Я купил, и они, как память о том знаменательном дне, хранятся у меня и сегодня! В тот же день мы — группа артиллерийских разведчиков — оставили среди многих и свои подписи на обгорелой стене разрушенного рейхстага.

Официальный День Победы отмечали шумно и весело. Палили в воздух из всех видов оружия, включая даже зенитные орудия. Много пили, пели, обнимались и целовались с совершенно незнакомыми людьми, вспоминали пройденный путь до Берлина и тех, кому не довелось пройти его до конца, мечтали о счастливой мирной жизни, благодарили судьбу за то, что остались живы в этой жестокой мясорубке.

Боевые друзья. 24 мая 1945 г.

Запомнилось застолье, организованное по приказанию командира корпуса с обильной и роскошной, как мне тогда казалось, закуской и выпивкой. На торжестве присутствовали офицеры корпуса от командира батареи и выше. Было провозглашено много тостов «За нашу Победу!», «За товарища Сталина — вдохновителя и организатора нашей Победы!», «За наше командование!» и т.п. Тогда же, если мне не изменяет память, были определены участники Парада Победы от нашего корпуса. Три моих сослуживца прошли торжественным маршем по Красной площади в составе колонны 1-го Белорусского фронта.

По окончании праздничных торжеств начались трудовые будни. Управление корпуса, дивизион разведки и батальон связи расположились в бывших казармах полиции. В подразделениях началась плановая боевая подготовка. Советская Армия победительница перестраивалась на мирную жизнь.

Не могу не вспомнить, что там, в поверженном Берлине, произошла наша незабываемая, счастливая встреча с отцом и братом. Проговорили всю ночь. Нам было, что рассказать друг другу!

Отец и сын в окрестностях Берлина. Июль 1945 г.

В марте 1946 года управление нашего корпуса, разведывательный дивизион и батальон связи были переданы в состав Ленинградского военного округа. Я получил назначение на должность командира батареи оптической разведки в один из полков Второй гвардейской Перикопской ордена Суворова артиллерийской дивизии резерва верховного главного командования, которая дислоцировалась в городе Пушкине и недавно была расформирована как ненужная новому демократическому правительству нынешней России, по мнению которого у нашей страны внешних врагов теперь нет! На мой взгляд это глубокое заблуждение!

В 1954 году в порядке повышения квалификации я окончил Высшую артиллерийскую офицерскую школу. И в том же году был на два года командирован в Китайскую народную республику. Заместителем командира дивизиона разведки в далёкий и незнакомый Китай ехал со своей техникой и личным составом для оказания помощи в подготовке артиллерийских разведчиков Народной освободительной армии Китая (НОАК). Для этой цели в Пекине было создано артиллерийское училище, преподавателями в котором работали командир нашего дивизиона, его заместитель и командиры батарей.

Полевые занятия с китайскими товарищами

К советским воинам китайцы тогда относились очень дружелюбно, встречали как родных, всеми способами старались выразить свою благодарность за нашу помощь. Несмотря на бедность страны, нам были созданы хорошие бытовые условия. Правда, всё резко изменилось после развенчания Хрущёвым Иосифа Виссарионовича Сталина на XX –м съезде КПСС в 1956 году. С точки зрения Коммунистической партии Китая Советский Союз этим разоблачением культа личности Сталина изменил идеям Марксизма — Ленинизма.

В Пекине мы подготовили китайских артиллеристов-разведчиков для замещения соответствующих должностей в пяти разведывательных дивизионах. Процесс обучении закончился учениями с реальной боевой стрельбой, результаты которых были высоко оценены командованием. Наше пребывание в Китае завершилось приёмом у Министра обороны КНР, шикарным банкетом и концертом. За исполнение интернационального долга я был удостоен правительственной награды. Оставив технику в Китае, личный состав дивизиона вернулся на Родину в свою родную дивизию.

Хочется сказать несколько слов на тему, особо злободневную для нас сегодня: о методах борьбы китайцев с коррупцией и другими серьёзными правонарушениями, применяемыми ещё в то далёкое время. Хорошо запомнились торжества по случаю пятой годовщины существования народного Китая и сорок два расстрелянных особо опасных преступника именно в этот день. Резонанс по всей стране был огромный! Думается, что смертная казнь, да ещё и публичная, может существенно снизить количество воров, бандитов, наркоторговцев, убийц и насильников, которыми так славится сегодняшняя Россия! Нам бы следовало воспользоваться опытом китайцев, да и не только в борьбе с преступлениями!

В 1956 году я поступил в Артиллерийскую академию имени М.И. Калинина. По окончании Академии в 1960 году получил назначение на должность командира ракетного дивизиона в свою же дивизию. Чуть позже стал начальником штаба артиллерийской бригады.

В 1963 году по замене был направлен для дальнейшего прохождения службы в Группу советских войск в Германии на должность начальника штаба гаубичного полка. В 1966 году был назначен командиром этого полка.

В 1969 году был переведен в Белорусский военный округ командиром артиллерийского полка танковой дивизии.

В 1970 году стал начальником ракетных войск танковой дивизии.

С 1972 по 1984 год работал старшим преподавателем в своей Артиллерийской академии, передавая накопленный за многие годы боевой опыт и опыт управления войсками новому поколению офицеров-артиллеристов.

Должен отметить, что с юных лет с удовольствием занимался общественной работой. В ряды Всесоюзной коммунистической партии большевиков (ВКПб) вступил вполне сознательно на фронте, будучи сержантом, в 1942 году. Мне было тогда восемнадцать лет. Партийный билет члена КПСС храню и сегодня. Убеждён, что идея справедливости, проповедуемая коммунистами, обязатель-

но когда-то восторжествует. Неоднократно избирался на общественные и партийные должности. Всегда старался исполнять возложенные обязанности добросовестно. После увольнения из Советской Армии активно работал, и работаю по сей день, в Советах ветеранов своей дивизии и города Пушкина. При каждом удобном случае делюсь боевым опытом с молодёжью, стараюсь поднять, к великому сожалению, в последние годы, утрачиваемое нашим народом чувство патриотизма! Всегда гордился и горжусь своей профессией защитника Отечества! Эту гордость я передал своему сыну. Наша семья основала династию офицеров — артиллеристов! Надеюсь, потомки её продолжат!»

На стене комнаты, в которой мы вели беседу с Сергеем Яковлевичем, красовались портреты трёх артиллерийских полковников, в парадных мундирах, при орденах и медалях: деда, отца и внука!

РОВЕСНИК ОКТЯБРЯ

Майор Юрьев Леонид Леонидович, активный участник Великой Отечественной войны, строительства вооружённых сил Афганистана и Кубы, кавалер двух орденов Отечественной войны и ордена Красной Звезды, медали «За отвагу» и многих юбилейных, родился в Петрограде в 1917 году. Отец Леонид Юрьевич, питерский рабочий, умер в 1922 году в результате испытаний, выпавших на его долю: революций 1905 и 1917 годов и войн — первой мировой и гражданской.

Мать Александра Логиновна, домохозяйка, вырастившая и воспитавшая четверых детей, причём четвёртая — девочка — была приёмной — сиротой, потерявшей родителей в годы гражданской войны. Вторично выйдя замуж в 1923 году за паровозного машиниста, она с детьми пе-

реехала в посёлок Бологое, где работал её муж — человек, благородно взявший на себя ответственность за четверых не родных ему детей. С большой благодарностью Леонид Леонидович вспоминает об этом человеке, настоящем своём отце, воспитателе и кормильце.

Поступив в школу в посёлке Бологое, Лёня окончил семилетку уже в Москве, куда семья перебралась в 1932 году.

Рабочая профессия в те романтические времена в нашей стране, строящей первое в мире социалистическое государство рабочих и крестьян, была самой престижной, поэтому Леня, не задумываясь, её и выбрал, поступив после окончания неполной средней школы в фабрично-заводское училище (ФЗУ) при московском авиационном заводе. Его, как и всю молодёжь, в те годы неудержимо влекла авиация, небо. Правда, сам он летать не стал, но, получив специальность слесаря по ремонту авиационной техники, стал работать на моторостроительном заводе, тем самым, способствуя другим своим сверстникам в реализации мечты о небе.

В 1938 году Леонид Леонидович был призван на службу в Красную Армию. Службу начинал в Дальневосточном военном округе. Армия в те годы активно помогала становлению советского народного хозяйства. Молодой человек это хорошо почувствовал на своём опыте — первые пол года их рота заготовляла в тайге лес, необходимый для строек социализма. Затем была школа шоферов, куда он попал благодаря своему высокому по тем временам образованию, позднее — рота связи и военная специальность радиомеханика в подразделении фельдегерьской секретной почты. В должности радиомеханика спецмастерской на Дальнем Востоке его и застала Великая Отечественная война.

«Надо сразу сказать, — вспоминает ветеран, в первое время мы — дальневосточники — её почти не почувствовали. На нас война отразилась, пожалуй, только сокращением продовольственных норм, да упорядочением и усилением боевой подготовки. Работа средств связи активи-

зировалась, ну и у ремонтников её прибавилось. Больше почувствовала военное время пехота, которая в ожидании нападения Японии стала активно готовиться к защите Родины: строились новые укрепления, обновлялись старые, чаще стали проводиться военные тренажи и учения.

Слушая по радио и читая в газетах сводки советского информбюро о тяжёлом военном положении на Западе страны, мы, естественно, понимали, что скоро придёт и наша очередь взяться за оружие. Не дожидаясь своей очереди, многие из нас засыпали командование рапортами с просьбой об отправке на фронт. Пришло и моё время.

В 1943 году меня в числе других дальневосточников зачисляют в маршевую роту и направляют на Запад. Остались в памяти недели, проведенные в телятнике, пересекающем всю нашу огромную страну и невесёлые размышления о своём будущем — предстоящих боях. С месяц пробыл в резервном полку где-то под Москвой, после чего был отправлен не на фронт, как ожидал, а в числе наиболее грамотных — в Великоустюжское военное пехотное училище. На фронте катастрофически не хватало младших офицеров. Сегодня ни для кого не секрет, что командиру пехотного взвода был отмерян очень не большой век!

Положение на фронтах к 1943 году уже изменилось в нашу пользу. Немцы выдохлись, потеряли превосходство в живой силе и военной технике, да и психически изменились — утратили прежнюю самоуверенность и наглость, чувство своей непобедимости и вседозволенности. Не стану говорить о бытовых трудностях курсантов военного времени. Всем было тяжело и с продовольствием и с обмундированием. Была война! И этим всё сказано! Но обучали нас уже более основательно, нежели тех-первых курсантов военных лет, которые и учились то воевать всего три-шесть месяцев! Наша учебная программа была уже рассчитана на год! Считаю, что из нас подготовили достаточно тактически грамотных пехотных командиров. Тем паче, нашими преподавателями были в основном офицеры-фронтовики, по ранению или контузии оказав-

шиеся не в окопах, а в классных комнатах. Ничего дурного о них сказать не могу, вопреки создателям некоторых современных кинофильмов, порочащих небылицами Красную Армию, Великую Отечественную войну и всё наше советское прошлое.

В самом начале 1944 года перед строем курсантов училища был зачитан приказ министра обороны СССР о присвоении нам — выпускникам — квалификации офицера Советской Армии с вручением соответствующего удостоверения, и воинского звания «младший лейтенант». Советского обмундирования тогда не хватало. Помню, я получил «подарок английской королевы» — новые английские военные бриджи и советскую гимнастёрку. Погон тоже не хватало. Сам смастерил и прикрепил к петлицам по одному металлическому кубику. По распределению я попал на 2-й Прибалтийский фронт. Несколько дней неизвестности и ожидания своей судьбы в офицерском резервном полку, затем — один из полков 51-й гвардейской дивизии. Стал командиром пулемётного взвода.

2-й Прибалтийский фронт имел довольно короткую историю. Он был создан в октябре 1943 года в результате переименования Прибалтийского. В феврале 1944 года его войска участвовали совместно с 1-м Прибалтийским в Ленинградско — Новгородской операции по окончательному освобождению Ленинграда от блокады. В результате Старорусско — Новоржевской операции они вышли к Острову и Пушкинским горам. Летом 1944 года продвигались на Запад вдоль северного берега Западной Двины. В сентябре участвовали в освобождении Риги и к октябрю вышли к Тукумскому рубежу обороны противника, блокировав совместно с войсками 1-го Прибалтийского в Курляндии группу немецких армий «Север» в составе 30 дивизий. До конца апреля 1945 года войска фронта продолжали блокаду и вели бои по уничтожению Курляндской группировки войск противника.

Вместе с войсками фронта двигался и мой пулемётный взвод, вооружённый пулемётами «Максим». Хороший был

пулемёт, не чета ручному и по дальности, и по точности стрельбы, и по плотности создаваемого огня особенно в обороне!

Сами понимаете, давность времени, возраст — многое забылось! В памяти остались только отдельные, наиболее яркие что ли эпизоды моей военной биографии.

Помнится, например, как отбирали нас представители частей в резервном полку. Спрашивает какой-то капитан, стоящий перед строем: «Есть среди вас пулемётчики? Я поднял руку. Пойдёшь со мной!» Отобрал он несколько человек, и пешком отправились в часть. Идём ясным днём, открытым полем. Вдруг начался интенсивный артиллерийский обстрел, для меня первый в жизни. Всё вокруг грохочет, земля дрожит и вздымается фонтанами, осколки свистят — ощущение, прямо скажу, не из приятных! Правда, к счастью, обошлось без потерь! В резервном полку все учёные были! Либо вернулись из госпиталей, либо, как я, прямо из училища. Переждали обстрел в воронках. Когда стемнело, двинулись дальше. А мог бы и до фронта живым не добраться. И такое бывало!

Пришёл в свою роту, представился командиру — пожилому капитану. Он ввёл в курс дела: рассказал об обстановке в роте, батальоне, в полку. Пожаловался на плохое обеспечение оружием, шанцевым инструментом, даже касками. Указал расположение моего взвода. Взвод из шести человек тогда держал участок обороны по фронту длиной в триста метров! Пятьдесят метров на человека! Все мои солдаты оказались необстрелянными новобранцами из освобождённых недавно областей Молдавии. По-русски говорили плохо, с оружием обращались ещё хуже! Пришлось мне первую свою ночь на фронте бегать из конца в конец по траншее с пулемётом и очередями имитировать мощную оборону. Солдатам приказал тоже стрелять в сторону противника, просто пугать немцев. Уже на следующий день стал обучать своих новобранцев. В конце концов, обучил. Стали неплохими солдатами, на которых в бою можно положиться. Вот так и встретил меня фронт.

Позднее я понял, что наш фронт не является главным. Всё внимание командования было отдано западным, наступающим фронтам, а наш — имел задачу как-то сдерживать немцев, прижатых к морю. В нашу сторону им и наступать-то не имело смысла. Теперь они рвались на Запад, на соединение со своими войсками, потому и внимания нам уделялось мало, и части были малочисленны и обеспечены неважно. Мы играли роль первого заслона. В случае попыток прорыва немцев нам было бы подброшено подкрепление. Специфика боевых действий, по крайней мере на нашем участке фронта, состояла в том, что они активизировались ночами. Немцы интенсивно освещали местность ракетами и вели огонь по нашим позициям. Мы отвечали тем же. Днём и мы, и немцы отсыпались. А я ещё и усердно обучал своих солдат окопной науке. Правда, через некоторое время мне дали в помощники сержанта. Стало много легче.

Помню свой первый наступательный бой. Это случилось второго февраля 1944 года. Немцы держали оборону в развалинах какого-то маленького латвийского городка. По сигналу ракетой мы поднялись из траншеи и побежали. Немцы встретили нас плотным автоматным и пулемётным огнём. Я бежал впереди своего взвода, с трудом преодолевая сопротивление довольно глубокого снега и не думая ни о чём, кроме того, чтобы побыстрее добежать до груды битых кирпичей и оттуда открыть прицельный огонь из своего ППС. Надо сказать, что этот автомат мы не любили из-за низкой прицельности огня: первая пуля летит в цель, остальные — веером вверх. Кстати, говорят, что в атаке человек теряет самообладание, бежит и стреляет, как во сне, без единой мысли. Помнится, со мной происходило иначе. По сигналу атаки, действительно, меня сразу покидали всякие мысли о доме, семье, смерти. В сознании оставалось только желание любой ценой выполнить задачу: куда-то добежать, что-то подавить или уничтожить. Всё личное куда-то исчезало. И так со мной происходило всегда. В том первом бою я добежал до намеченной цели — кучи битого кирпича, укрылся и повёл прицельный огонь по огневым

точкам противника. За мной подтянулись мои бойцы с пулемётами, затем вся рота. Немцев из городка мы выдавили. За тот бой я был награждён орденом Отечественной войны второй степени. Награды получили и мои солдаты.

Хорошо запомнилась мне и высота с отметкой на карте 107,7. Нас перебросили на участок фронта, где перед этим шли ожесточённые бои. Ротный указал мне на этой высоте совершенно разрушенную траншею, приказал восстановить и занять здесь оборону. Взялись за лопаты и начали откапывать. Под слоем земли оказалось множество мёрзлых трупов наших солдат, оборонявшихся здесь до нас. Откопали и с почестями похоронили, поклявшись отомстить за каждого. И мстили! Чувство ненависти к фашистам кипело в каждом из нас! Заняли мы взводом из семи-восьми человек эту высотку. Прочно заняли — под бруствером выкопали норки. Мои солдаты уже не были новичками! Землянка ротного, помнится, была за нами у подножья высотки, связь с ним только посыльными. Сидим, постреливаем и мы, и немцы. Активных действий ни мы, ни они не предпринимаем. Прислали ко мне снайпера. Как-то он куда-то ушёл, оставив свою винтовку с прицелом, я и решил поработать за него. Замаскировался и стал наблюдать за немецкой траншеей. Через прицел хорошо всё видно. Высмотрел двух немецких наблюдателей — они периодически высовывались из траншеи — и…поочерёдно «снял с дежурства» обоих. Это были первые наказанные лично мной фашисты. Возможно, конечно, таковые были и ранее, но я их убитыми не видел, а этих видел лично! В ответ фашисты обрушили на нас море огня, но мы во время укрылись в своих норках и потерь не понесли. Окопная наука помогла и на сей раз остаться в живых, чтобы мстить фашистам и дальше.

Много мне пришлось видеть и крови, и смертей. Но вот когда снаряд попадает в человека, видел только однажды. Было это так. Ротный поднимает нашу роту в атаку. Командир второго взвода оказался из нас самым резвым. Только он выскочил на бруствер и обернулся к своим солдатам,

призывая последовать своему примеру, как в него попал снаряд серьёзного калибра пушки, закопанного на немецкой позиции «Тигра». И это на глазах всей роты! Ничего не осталось от только что живого человека. Даже пуговицы не нашли, чтобы похоронить! Впечатление, конечно, ужасное! Атака захлебнулась, солдат поднять из окопов на этот раз не удалось.

Нечто подобное произошло однажды и со мной. Правда, я оказался счастливее того лейтенанта. Может быть, Бог спас!

Держали мы где-то в Латвии оборону, немцев блокировали в Курляндском котле. Оружия они при отступлении в конце войны бросали множество. Чего только нельзя было найти на оставленных ими позициях — в траншеях и землянках! От скуки что ли, решили поиграть с немцами, подурачиться — молодые были. Обнаружил один наш взводный немецкий миномёт в рощице и рядом с ним большой запас мин. И предлагает мне: «Давай обстреляем немцев из их же миномёта! Я буду стрелять, а ты корректируй огонь!» Забрался я с телефонным аппаратом на бугорок, с которого была хорошо видна немецкая траншея, вырытая перед каким-то хутором, а приятель установил миномёт и стал стрелять. Я командую ему по телефону, чтобы взять в вилку землянку: левее, правее, ближе, дальше. Уже почти нащупали цель, когда из находящегося невдалеке сарая вдруг появляется вначале длинный ствол, а затем и сама пушка и стреляет прямо в меня. Ощущать себя мишенью, дело не приятное, скажу вам! Снаряд разорвался рядом. Но Бог миловал! Меня, к счастью, только в ногу ранило, портсигар в кармане оказался с дырой от осколка, а вот мои английские брюки превратились в лохмотья! Я их долго хранил даже после войны, как память о том событии. Вот так и подурачились лейтенанты! Могло быть и похуже!

Приходит на память ещё один случай. Приказал однажды командир нашего батальона собраться нам пятерым офицером для рекогносцировки местности. Я пришёл в указанное место, прихватив с собой на всякий случай связ-

ного и пулемёт. Сидим за какой-то бетонной стеной, ожидаем начальство. Перед нами метрах в ста бугор, похожий на железнодорожную насыпь, может быть, это она и была. Не помню. За бугром немцы. Их даже можно хорошо разглядеть, когда они высовываются из-за бугра. Вдруг вижу, справа вылезают двое, вроде, в нашей советской военной форме. Заподозрил что-то неладное. Сплошной линии фронта тогда не было. Говорю: «А ведь это немцы. Они хотят обойти нас с тыла и взять в плен. Ребята не верят, смеются. Не могут допустить такой наглости в конце войны. Установил я «Максим» и дал очередь над бугром. Немцы ответили тем же. Пули градом забарабанили по бетонной стене. Смотрю, а те двое всё ползут, прячась в складках местности. Может, хотели отвлечь наше внимание, перед атакой из-за бугра. Стрелял я тогда не плохо. Взял у своего связного винтовку и обоих упокоил на веки. Немцы за бугром зашевелились и поднялись в атаку. По атакующим я выпустил всю пулемётную ленту. Попадало много. Сколько именно не знаю, не считал. Но много. Оставшиеся, вернулись за бугор. Дело было к вечеру. Начало темнеть. Немцы под покровом темноты отошли, но мы провели ночь в ожидании нападения. Не помню, почему задержался комбат, но только к утру явился связной и повёл нас в штаб. Я доложил о произошедшем боевом столкновении. Оценив результаты, комбат представил меня к награждению орденом Красная Звезда.

Конечно, не могу забыть и день окончания войны, день нашей Великой Победы.

В тот памятный день сидели мы в траншее и ждали команды о наступлении на Тукумс — город на севере Латвии. Неожиданно из нашего тыла появились три или четыре штабные машины и направились в сторону немецких позиций. Немцы почему-то огонь по ним не открывали. Все были очень удивлены. Информация о положении на других фронтах была поставлена плохо. Мы и не знали, что наши войска уже ведут бои в Берлине. Через некоторое время со всех сторон послышались крики: «Ура! Победа! Немцы

капитулировали! Война окончена! Скоро по домам!» Началось всеобщее ликование и беспорядочная стрельба из всех видов оружия. Солдаты по своей инициативе салютовали нашей Победе. Командиру полка в этой неразберихе с большим трудом всё же как-то удалось построить полк в каре, и поздравить личный состав с Победой. Затем последовал его приказ: всем организованно отсалютовать из личного оружия. Я тоже от радости выпустил в воздух всю обойму из своего ТТ.

Окончанию войны радовались не только мы, но и немцы. Помню, когда мы, прочёсывая леса Прибалтики в поисках прятавшихся от возмездия фашистов, проходили через их гарнизоны и укреплённые пункты, они выстраивались и в развёрнутом строю пели какие-то свои весёлые песни.

Надо сказать, немцы, в основном, организованно складывали оружие, сдавались целыми подразделениями и частями во главе со своими офицерами. Но были и такие, которые, чувствуя свою огромную вину перед победителями, пытались скрыться. Какое-то время я с пулемётом таким не позволял переправляться на лодках через канал, впадающий в море, возвращал в котёл пулемётными очередями. Примерно в это же время видел, как наша авиация топила суда, пытавшиеся вывезти военных преступников, скорее всего эсэсовцев, из прибалтийского окружения. Суда, набитые до отказа фашистами, после попадания в них авиационных бомб горели и тонули, а эти нелюди сотнями прыгали в ледяную воду Балтики. «Это заслуженное возмездие за всё, что они натворили на нашей земле!» — думал я, наблюдая эту картину. И никакой жалости к тонущим не испытывал. Слишком хорошо нам были известны их злодеяния!

После расформирования нашего фронта, выполнившего свою задачу по ликвидации Курляндской группировки немцев, я оказался в резервном офицерском полку в Риге. Полк располагался в бывшем немецком госпитале. Через некоторое время получил назначение на должность командира автороты. Рота состояла из десяти машин и тридцати

солдат. Передо мной была поставлена задача: научить этих людей водить машину. После небольшого курса по устройству автомобиля нашёл подходящий пустырь и проехал несколько раз с каждым своим солдатом по кругу. Потом они ездили самостоятельно, а я из центра этого круга наблюдал и делал замечания. О правилах дорожного движения тогда никто и не вспоминал. Важно, чтобы водитель умел управлять машиной, ну и устранять мелкие неисправности. За два месяца я подготовил свою автороту.

В конце 1945 года меня самого направили на учёбу в офицерскую автомобильную школу в Ленинград. В следующем году я её закончил с отличием и стал начальником автослужбы военно-медицинской базы. Была тогда такая на проспекте имени Сталина — нынешнем Московском.

С детства мне хотелось знать иностранные языки, понимать иностранцев. Ещё до службы в армии я немного знал немецкий — соседка по московской коммуналке была немкой. Она и учила. Встреча с немцами на фронте только усилила это желание. Поступил на курсы иностранных языков при ленинградском Доме офицеров. Там встретил свою подругу жизни, с которой и живём в любви и согласии уже шестьдесят три года. Двоих детей и четверых внуков вырастили.

В 1947 году с базы меня перевели в артиллерийскую гвардейскую дивизию, которая дислоцировалась в Пушкине. Стал заместителем начальника автослужбы полка, получил звание «старший лейтенант».

Как себя помню, я всегда тянулся к знаниям, а тут ещё и жена стала подталкивать. Самостоятельно осилил программу восьмого, девятого и десятого классов и в 1948 году в пушкинской школе №406, сдав экзамены, получил аттестат зрелости. В этом же году поступил в Военно-транспортную академию на факультет эксплуатации и ремонта автотракторной техники. Учился прилежно, будущая инженерная специальность мне очень нравилась. Через пять лет вернулся в родную артиллерийскую дивизию инженер-капитаном — начальником автослужбы полка.

В 1958 году после беседы в десятом управлении Генерального штаба дал согласие на длительную командировку в Афганистан. Два года преподавал в учебном центре афганской армии. Обучал малограмотных афганских сержантов устройству, ремонту и вождению советской автотракторной техники. Учебный центр находился в Кабуле. Нам — советским офицерам — были созданы неплохие бытовые условия. Жили по два человека в номере, отведенной нам гостиницы. По началу меня поражала экзотика восточного города и его жителей. Потом привык. Афганцы тогда относились к советским людям вполне доброжелательно, никаких покушений на нас не было.

Король Афганистана Мухамед Захир Шах даже разрешил советским офицерам пользоваться своим бассейном, что мы с большим удовольствием и делали, особенно в нестерпимую летнюю жару. В те годы кроме нашего учебного центра в Кабуле были и другие, готовившие афганских специалистов многих родов войск. Король хотел создать мощную современную армию, подобную советской. Периодически он лично проводил смотры своих вооружённых сил.

В подготовке таких парадов приходилось участвовать и мне. А однажды — даже беседовать с королём. Дело было так. Стоим мы — группа советских офицеров — и обсуждаем недостатки афганских войск. Вдруг к нам подходит король в форме полковника и, что нас поразило, без всякой свиты. Поздоровался с каждым за руку и стал расспрашивать нас о впечатлениях от смотра. Беседа велась по-русски (король немного знал язык) и на языке фарси, которым мы все в какой-то степени были вынуждены овладеть. В целом, мы неплохо понимали друг друга. Король показался мне хорошо воспитанным, общительным и образованным человеком и офицером.

Кабул 1958 год

В 1960 году я вернулся в свой полк. А тут как раз — хрущёвское сокращение армии на миллион двести тысяч человек! Прослужив двадцать шесть лет, я был уволен из Вооружённых сил СССР. Было мне тогда сорок три года.

Сразу после демобилизации устроился на работу в конструкторское бюро Пушкинского ремонтно-механического завода. С удовольствием занимался конструированием механических устройств. В 1964 году на завод пришла разнарядка: нужен опытный инженер-конструктор автотракторной техники для помощи кубинцам в налаживании авторемонтной службы. Поскольку я уже имел опыт работы за границей и через десятое управление проходил, направили на Кубу меня. На этот раз отправился за границу с женой. Кубинцы нас встретили хорошо. Обустроились. Стал работать консультантом при главном конструкторе военного авторемонтного завода. С удовольствием передавал свой опыт и знания нашим кубинским друзьям. Народ это простой, бесхитростный и доброжелательный. Кубинцы любят ходить в гости и сами принимать гостей. Это о Кубе, должно быть, сказано: «праздник, который всегда с тобой!» Очень метко этими словами охарактеризована

чудесная страна и её народ! А какие я там видел карнавалы! Море цветов, музыки, танцев и красивых весёлых людей! Фантастический праздник! Не даром американцы считали Кубу своим лучшим курортом!

Уборка сахарного тростника

Кубинский карнавал

В 1966 году мы с женой покинули эту прекрасную страну. Остаётся только сожалеть, что после развала СССР и прихода к власти «демократов» былая дружба с ней утрачена!

Вернувшись на Родину, трудился пока хватало физических сил всё тем же конструктором на том же Пушкинском ремонтно-механическом заводе. При каждом удобном случае беседовал с молодёжью и сослуживцами о Великой Отечественной войне, о подвиге свершённом в те годы нашим народом, о былом патриотизме и самопожертвовании советских людей, о Советской Армии, частицей которой ощущаю себя и поныне. Очень сожалею, что нынешние власти мало занимаются патриотическим воспитанием народа, да ещё и свою армию нещадно разрушают и сокращают. Думаю, было очень верно кем-то сказано: «Если не хочешь содержать свою армию, будешь содержать чужую!» Похоже, нынешние российские власти не знают этой древней истины!»

КАВАЛЕР ОРДЕНА СЛАВЫ. ЗАСЛУЖЕННЫЙ ВРАЧ РСФСР

С главой семейного клана врачей полковником медицинской службы в отставке Николаем Илларионовичем Бойко судьба свела меня в канун Нового 2010 года на торжестве, посвящённом этому событию. Чрезвычайно коммуникабельный, с постоянной доброй, располагающей улыбкой на моложавом лице, буквально осыпающий окружающих прекрасными патриотическими стихами, в строгом праздничном костюме, который украшало множество красочных ленточек орденов, медалей и других знаков отличия перед обществом — он сразу привлекал к себе внимание. Представившись, указывая на орденские планки на его груди, я с восхищением заметил: «Вероятно, Вы были особо активным участником Великой Отечественной войны!» «Не просто участником, фронтовиком, пехотным сержантом! — с нескрываемой гордостью ответил он. И продолжил: «Участниками войны я посчитал бы всех живущих в СССР в то время. В различной степени, но война тогда коснулась всех! Фронтовиками же были далеко не все!»

Весь предшествующий шестидесяти пятилетию Великой Победы год я посвятил поиску выдающихся, имеющих, что рассказать, но по каким-то причинам забытых, к сожалению, быстро исчезающих людей — победителей фашизма, — в жестоких боях отстоявших свободу и независимость нашей Родины, давших возможность нам — последующим поколениям — вырасти и жить в своей традиционной культурной среде, не превратиться в германских рабов. Опубликовав воспоминания дедов и отцов, я надеялся в какой-то мере разбудить в последние годы во многом утраченную гордость молодых своим Отечеством, его достижениями, своими предками, желание учиться у них, подражать им.

На следующий день я позвонил Николаю Илларионовичу и предложил встретиться. И вот мы уже сидим в его рабочем кабинете и ведём неспешную беседу о жизненном пути этого неординарного человека.

Родился Николай Илларионович в селе Успенском Краснодарского края в 1926 году.

Отец, Илларион Маркович, человек по тем временам довольно образованный, член Всесоюзной Коммунистической Партии большевиков (ВКПб) был активным строителем молодой Советской республики. После окончания гражданской войны вернулся в родное село Успенское, был замечен и подключён к управленческой административно-хозяйственной деятельности края. Веря в его организаторские способности, руководство часто посылало его, что называется «на прорыв» — туда, где в это время был особенно нужен человек с бойцовским качествами. В двадцатых — тридцатых годах он неоднократно объехал весь Северный Кавказ.

Мать, Мария Емельяновна, повсюду следовала за мужем, родила и воспитала троих детей. Коля был младшим ребёнком в семье. Мальчик хорошо развивался. Ему всегда было интереснее общаться со старшими ребятами, чем со своими сверстниками. Когда друзья 1925 года рождения пошли в школу, он заскучал и стал днями просиживать под

окнами класса, где они постигали основы грамоты. Осень стояла прекрасная, и мальчику ничто не мешало учиться вне школы. Как-то учитель обратился к своим ученикам с вопросом: «Кто может наизусть прочитать стихотворение Н.А. Некрасова «Дед Мазай и зайцы»? «Я могу!» — опережая всех, крикнул со двора Коля Бойко. «Заходи в класс и рассказывай!» — позвал учитель. Когда же Коля без запинки прочитал стихотворение, изумлённый учитель пригласил его в свой класс учиться.

«Я как тот, всем известный Филиппок! Повторил его историю!» — заразительно смеётся сегодня ветеран.

У Коли очень рано обнаружились исключительная память и сообразительность. Учился он всегда отлично, часто опережая старших товарищей. Начиная с четвёртого класса, ежегодно получал Похвальные грамоты. Особенно привлекали мальчика математика и литература. Помимо школьной программы он заучивал десятки стихотворений русских и советских поэтов. Уже в школьные годы начал писать и сам. Как и все дети того романтического времени, Коля активно включился в пионерскую, а затем и в комсомольскую работу. К весёлому, общительному пареньку, да ещё и отличнику учёбы, с уважением относились и товарищи и учителя.

Мирная жизнь закончилась в 1941 году. Грянула Великая Отечественная война. Весной Коля, как всегда с отличием окончил восьмой класс в родном селе Успенском. Было ему пятнадцать лет. В начальный период войны немцы быстро продвигались в глубь нашей страны. В 1942 году село оказалось на оккупированной территории. Однако, удалённое от железной дороги, — немцами оно посещалось редко, а назначенный ими староста не препятствовал работе школы. В 1942 году Коля успешно окончил девятый класс. Красная Армия перешла в наступление, и к весне 1943 года родное Успенское было освобождено от захватчиков. Восстановленная Советская власть в апреле объявила мобилизацию. Призыву в армию подлежали семнадцатилетние ребята рождения 1925 года. Николаю семнад-

цати лет ещё не было, но воспитанный патриотически всей предшествующей жизнью юноша считал своим долгом как можно быстрее встать на защиту Родины. В предвоенные годы советские печатные СМИ, радио, кино, литература воспитывали в гражданах СССР гордость за свою Советскую Родину, любовь к ней, готовность к её защите и, как показала война, добились больших успехов. Вопреки слезам и причитаниям матери, Николай собрал в рюкзак пожитки и пошёл на призывной пункт. Шестнадцатилетнему ему было отказано. Предложили подождать своего года. Призывников строем повели в Армавир. Строгий капитан Николая в строй не пускал и неоднократно приказывал вернуться домой. Но упрямый парень продолжал шагать позади. Личные вещи призывников везли на подводе. Свой мешок Николай нёс сам. По дороге колонна попала под бомбёжку. Вой падающих бомб, грохот взрывов, крики, взывающих о помощи раненых, кровь и смерть Николай услышал и увидел, ещё не добравшись до фронта. Только благодаря понесённым потерям, капитан, сопровождавший колонну, уступил упрямому юноше и позволил встать в общий строй. Николай стал полноправным бойцом Красной Армии, не достигнув семнадцати лет! Чтобы формально не нарушать существующее законодательство, заполнявший солдатскую книжку писарь добавил к реальной дате его рождения год. Так на всю дальнейшую жизнь Николай Илларионович получил два дня рождения: десятое июня 1926 и десятое июня 1925 года. Настоящая дата рождения сохранилась только в комсомольском билете, полученном ранее.

Дальнейший путь призывников Краснодарского края лежал через Моздок в Уфу, в запасной стрелковый полк. Пять месяцев проведенных в учебном батальоне дали Николаю начальные военные знания и командные навыки, необходимые младшему командиру.

Летом 1943 года ефрейтор Бойко стал бойцом стрелковой дивизии, штаб которой находился в Новгород-Волынске. Отсюда новобранец был направлен в полк, а

затем в стрелковую роту. И сегодня ветеран в подробностях вспоминает, как годившийся ему по возрасту в отцы сержант — командир отделения — внимательно осмотрел юношу, почему-то покачал головой и определил его место в стрелковой траншее. Полк готовился к наступлению, и сержант махнул рукой, указывая направление. Начиналась фронтовая жизнь ефрейтора Бойко. Общительный по характеру, доброжелательный он быстро освоился в новой среде. Начитанный юноша, знающий множество стихов, вскоре он стал взводным авторитетом, несмотря на то, что среди сослуживцев многие были старше по возрасту и жизненному опыту. Не могли его не заметить и командиры. Ему было присвоено воинское звание «сержант» и он был назначен командиром отделения.

В конце 1943 года Красная Армия, нанося последовательно один за другим могучие сталинские удары, быстро продвигалась в центр Европы. Немецкие войска порой просто бежали, бросая оружие и технику. «Чтобы их до-

гнать, — вспоминает ветеран, — нашей «матушке — пехоте» приходилось за ночь пешим порядком проходить по двадцать — тридцать километров. Причём, как любили говорить солдаты: «всё моё, всё со мной». Ведь оружие, боекомплект, снаряжение, сухой паёк солдат несёт на себе! Понятно пехотному солдату не до трофеев!» Дивизия по территории Польши двигалась во втором эшелоне. Перед глазами Николая Илларионовича и сегодня стоят картины недавнего жестокого боя: разбитые и обгорелые танки, орудия и тягачи, убитые лошади, брошенное стрелковое оружие, трупы врагов и своих, часто раздувшиеся и окровавленные. Встречались и раненые. Как умел, он оказывал им посильную помощь.

Тогда-то, на полях сражений, и родилась у него благородная мысль: после войны непременно стать врачом, чтобы облегчать людские страдания. Навсегда ему запомнились молящие о помощи глаза умирающих солдат войны. «Особенно страшны ранения в брюшную полость, — говорит Николай Илларионович. — При этом с большой вероятностью наступает заражение крови и мучительная смерть. Опасаясь этого, я на фронте постоянно носил на поясе две противотанковые гранаты в надежде, что при попадании пули или осколка они взорвутся и разнесут меня на куски. Уж лучше такой скорый, чем долгий и мучительный конец! Слава Богу, будучи трижды раненым, не получил ни одного ранения в живот!

Боевые столкновения с остатками разбитых немецких частей происходили часто. Но мы к этому времени научились воевать, а противник утратил высокий моральный дух. Встречавшиеся на нашем пути группы немцев чаще всего старались скрыться, не принимая боя. Сделают несколько выстрелов фаустпатронами (прообраз нынешнего гранатомёта) и под прикрытием грохота взрывов и дыма и огня скрываются в лесу или среди строений.

Вспоминается, как, двигаясь во втором эшелоне наших наступающих войск, мы — солдаты самостоятельно перевооружались, подбирая брошенные немецкие автоматы.

Наши тогдашние ППС часто отказывали в бою, да и точность огня у них была ниже, чем немецких шмайсеров. Иногда таскали на себе и по два автомата с боекомплектами. Однажды это нам очень помогло. В каком-то польском городишке наше отделение оказалось окружённым. Пришлось несколько часов вести бой с наседавшим со всех сторон противником. Выстояли, конечно, не только благодаря оружию, но и мужеству и умению солдат. За тот бой я был представлен к солдатскому ордену Славы. Однако наградной лист застрял где-то в тыловой канцелярии и орден я получил не вместе со всеми отличившимися тогда, а только спустя месяц! Бюрократия, к сожалению, существует и на войне!

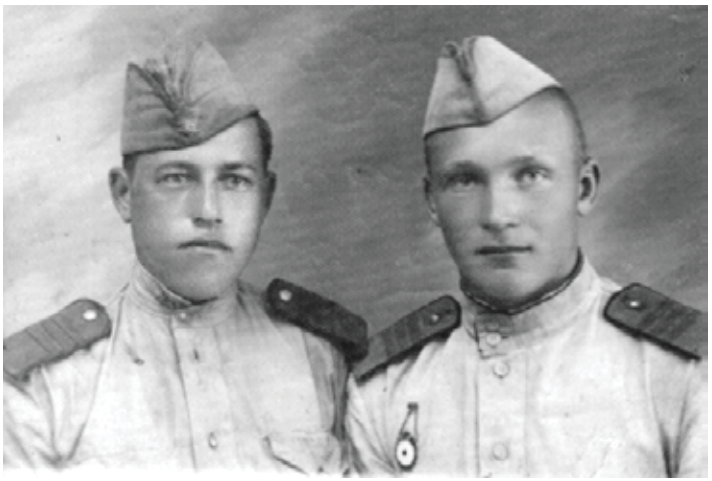
Примерно в то же время какой-то генерал, беседуя со мной, настойчиво предлагал, не дожидаясь конца войны, поступить учиться в танковое училище. «Хорошие офицеры ещё долго будут нужны нашей стране, и профессия офицера всегда будет в почёте!» — убеждал он меня. Он ведь не мог предвидеть событий 80-х — 90-х годов, после которых российский офицер совершенно утратил свой социальный статус! Но я стоял на своём: «Хочу стать врачом и служить людям на другом поприще!» « Ну, тогда будь непременно хорошим врачом! — пожелал мне генерал. Кажется, я оправдал его надежды, не подвёл!»

Позднее были памятные для каждого участника форсирование Одера, героизм и самопожертвование наших воинов, и огромные потери.

Мы форсировали Одер в районе города Бреслау. Помнится, ещё на подходе к реке погибло много моих сослуживцев. Немцы вели интенсивный пулемётный и минометный огонь по нашим подходившим войскам с дамбы, возвышающейся над местностью, где не было возможности укрыться. Однако сапёры сумели навести переправу. Мы обошли город, и он сдался. Забегая вперёд, скажу, что уже на обратном пути домой я побывал в этом городе. Меня поразило, что он был буквально напичкан военными учебными заведениями немцев, которые располагались в

подземных помещениях, укрытых от бомбёжек и обстрелов. Город был кузницей кадров для вермахта.

После Бреслау наша дивизия двинулась на Берлин. До победного дня успели дойти до города Гера, что на границе с Чехословакией. Здесь я и встретил День Победы. Конечно, никогда не забудется всеобщее ликование тех дней, пальба в воздух из всех видов оружия, взаимные поздравления и надежды на вечный мир и счастье в дальнейшем.



В поверженной Германии. 1945 год

Однако отдыхать и праздновать Победу долго нам не пришлось. Дивизия по тревоге была направлена на помощь восставшей Праге. Она перерезала путь к отступлению на Запад большой немецкой группировке войск СС, сопровождавшей важные архивы рейха. Документы оказались в наших руках. В дальнейшем они помогли открыть и придать гласности многие злодеяния фашистов.

После успешного освобождения Праги наша дивизия добивала остатки фашистов, пытавшихся укрыться от возмездия в лесах или уйти на Запад, чтобы там сдаться в плен союзникам. Конечно, было обидно, что война формально закончилась, весь мир празднует Победу над фашизмом, а

мы, прочёсывая местность вокруг Праги, ещё теряем боевых товарищей! Бои там гремели до пятнадцатого мая!

Чехи встречали нас по-братски радостно, цветами и поцелуями женщин. Помню такой случай. Двигались по просёлочным лесным дорогам всю ночь. Приближается тихое и тёплое весеннее утро. Невдалеке в полумраке уже просматривается какое-то селение. И в этой вполне мирной утренней тишине ясно различаем протяжный звук, похожий на вой. Насторожились. Рассыпались в цепь и вошли в деревню. Среди небольших аккуратных домиков доминантой возвышается церковь. Осторожно открываю двери, и вижу толпу молящихся на коленях людей. Выясняется, что местные жители, таким образом, воздают хвалу Богу и русскому оружию, освободившему их от немецкого рабства.

Кстати сказать, совсем не так относились к русскому солдату-освободителю поляки. Во время продвижения по территории Польши не раз приходилось останавливаться на отдых или ночлег в польских селениях или возле них. Не припомню случая, когда хозяева приглашали бы в свой дом или проявляли какое-то гостеприимство — благодарность за пролитую русскими при их освобождении кровь! А вот случаи исчезновения в Польше наших солдат и стрельбы в спину были! От ответных действий нас удерживал строгий приказ.

О немцах могу сказать, что это действительно очень законопослушный народ. «Власти объявили о капитуляции Германии, следовательно, и сопротивляться не следует!» — рассуждает немец! К партизанской войне они не приучены. Эксцессов на оккупированной нашими войсками территории Германии не помню!

Бои под Прагой запомнились гибелью моего верного оруженосца, как я его называл, рядового Нургили Вахитова. Видимо, восхищаясь моей образованностью, будучи старше меня по возрасту и почти неграмотным, он ухаживал за мной, как за любимым сыном: делился добытыми где-то сладостями, вареньем, фруктовыми консервами, которые чехи изготавливали и заготовляли великое множе-

ство; старался во всём быть полезным своему командиру отделения. Как-то мы остановились на отдых и он, оставив автомат, пошёл за водой к роднику. Там и встретил свою смерть. Через много лет после войны, будучи в Чехословакии, я нашёл его могилу и возложил цветы в память о совместной службе в годы войны.

Очистив от недобитых фашистов окрестности Праги, наша дивизия той же дорогой, как и пришла сюда, двинулась пешим строем домой, на Родину. Правда, военное снаряжение в этот раз везли на подводах. Медаль «За освобождение Праги, как говорится, «догнала меня» только через сорок лет.

Около двух лет проведя на фронте, я был трижды ранен, но, Слава Богу, не тяжело. От госпитализации всякий раз отказывался. Предпочитал долечиваться в своей роте, боясь отстать от ставших за это время родными сослуживцев, после излечения попасть в другую часть. Великая вещь — фронтовое братство!

В боях при непосредственном соприкосновении с противником участвовал много раз. Естественно, стрелял по врагу, но убитого именно мною человека никогда близко не видел. Как и должно быть, к врагу испытывал ненависть. Увидев поверженного врага, думаю, слёз бы проливать не стал. Уверен: чтобы побеждать врага, его надо ненавидеть!

Как получивший в боях три ранения, я был уволен из армии в первую очередь. Приехал в родное село. Было мне тогда девятнадцать лет! Созревшее на фронте решение посвятить себя избавлению людей от мучений, стать врачом, заставило в январе 1946 года поехать в Орджоникидзе, чтобы поступить учиться в медицинский институт. Для ускорения получения аттестата о школьном образовании поступил на курсы подготовки к поступлению в педагогический институт (таких курсов при медицинском — не существовало!). Первое время жил на вокзале. Потом комендант общежития пожалел меня и разрешил жить в не отапливаемом, полуразрушенном хозяйственном строении пединститута. Спасибо, поддерживало Советское го-

сударство, выдавая по два талона в день на право получения в столовой национального осетинского блюда — кодура — похлёбки из картофеля и бобов.

Успешно, сдав все экзамены на «отлично», получил свидетельство об окончании средней школы и, преодолев препятствие в виде руководства пединститута, желавшего видеть меня студентом своего математического факультета, поступил в желанный медицинский.

Несмотря на то, что на курсе примерно треть студентов составляли бывшие фронтовики и даже офицеры, награждённые орденами Александра Невского, как единственный отличник, был сразу назначен старостой курса. Все пять лет учился только отлично, за что и получал Сталинскую стипендию, в то время превышавшую должностной оклад начинающего врача.

В 1951 году с отличием окончил институт и в виде поощрения единственный из выпуска вместо воинского звания «лейтенант» получил звание «старший лейтенант».

После медицинской комиссии, признавшей меня пригодным к службе в армии, был вновь призван на военную службу на этот раз в качестве военного врача и направлен в Группу советских войск в Германии. В Германии вместо положенных трёх прослужил семь лет. Рвался на Родину, но, как хирурга-трезвенника, всегда готового к операции, всеми средствами удерживало начальство. Начиная с фронтовых лет, я в рот не брал спиртного!

Помог случай. Однажды мне пришлось оперировать начальника штаба сухопутных войск ГСВГ. Во время операции я применил методику немецких врачей, неизвестную нашей медицине, что и обеспечило её успех. Генерал и посодействовал в 1958 году моему переводу в Новочеркасский гарнизонный военный госпиталь. Уместно сказать, что целью своей жизни я считал и считаю самосовершенствование и, по мере сил, совершенствование общества, в котором живу. Именно поэтому постоянно учился. В Новочеркасске, например, после работы часто ходил ассистировать в операциях, проводимых самым известным в те

годы в городе хирургом, и многому у него научился. Дело в том, что, несмотря на кажущееся идентичное устройство организма всех людей, нередко встречаются и особенности, которые хирург должен вовремя распознать и учесть. А это даёт опыт.

В 1961 году я был направлен на Высшие академические курсы при Военно-медицинской академии (ВМА) имени Кирова. Шесть месяцев учился на курсах, затем стал слушателем академии. В слушательские времена принимал участие в переброске наших войск на Кубу в период Карибского кризиса. В одном из рейсов в условиях плавания в океане вдали от берегов пришлось оперировать и тем самым спасать от смерти и вернуть в строй штурмана судна.

По окончании Академии в 1963 году был оставлен в ней ординатором клиники урологии. До 1987 года, когда был уволен в отставку с должности помощника начальника клиники урологии по лечебной работе, сделал не одну сотню операций, вернул здоровье и поставил в строй сотни солдат и офицеров Советской Армии. Долгое время клиникой руководил участник Великой Отечественной войны, главный уролог министерства обороны СССР, заслуженный деятель науки РСФСР, доктор медицинских наук, профессор, генерал-майор Шевцов И.П., у которого я многому научился, за что ему очень признателен. Под его руководством в 1970 году защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата медицинских наук. В целом, надеюсь, работал неплохо.

В 1976 году стал Отличником здравоохранения СССР.

В 1977 году — Заслуженным врачом РСФСР.

В 1980 году — Врачом-урологом высшей категории.

В 2005 году — Лауреатом «Золотой десятки Победы», награждён знаком «Достоинство».

За военные заслуги награждён Правительством СССР орденом Славы, орденом Отечественной войны второй степени; медалями «За победу над Германией», «За взятие Праги», «За безупречную службу Родине» трёх степеней и многими юбилейными.

РОССИЙСКАЯ
СОВЕТСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ
РЕСПУБЛИКА

Тов. БОЙКО
Николай Илларионович
За Ваши заслуги в области
народного здравоохранения
Президиум Верховного Совета РСФСР
Указом от 25 мая 1977 года
присвоил Вам почетное звание
ЗАСЛУЖЕННОГО ВРАЧА РСФСР

Большой своей заслугой считаю то, что вместе с супругой (тоже врачом!) Азалией Игнатьевной, которая, как настоящая офицерская жена, более тридцати лет стойко переносила все трудности армейской службы, мы основали династию российских медиков. В любви и согласии мы прожили совместно пятьдесят пять лет!

Двум своим сыновьям привили любовь к медицине, как самой гуманной и милосердной профессии на Земле. Профессия врача предполагает наличие у человека большой

любви и сострадания к людям. И нам удалось воспитать эти качества в детях! Льщу себе надеждой, что они продолжат начатую мной династию! А пока факты:

Бойко Илларион Николаевич, 1956 года рождения. В 1979 году с отличием окончил ВМА. Около года участвовал в Афганской войне, возвращая в строй раненых солдат и офицеров Советской Армии. В настоящее время — доктор медицинских наук, профессор, подполковник запаса.

Бойко Владимир Николаевич, 1961 года рождения. В 1985 году с отличием окончил ВМА. Принимал активное участие в ликвидации последствий Чернобыльской аварии. Кандидат медицинских наук, подполковник запаса.

О себе могу сказать словами поэта:

Солдат я есть,
Солдатом был и буду
Покуда вижу солнце в вышине!

Горжусь тем, что никогда не нарушал клятву Гиппократа, данную в молодости. По сей день продолжаю оказывать медицинскую помощь моим соотечественникам. Участвую в работе ветеранской организации города Пушкина. Встречаюсь и беседую с молодёжью, стараясь возродить во многом утраченные ею в последнее время патриотизм, гордость за своё Отечество и готовность его защищать стойко и бескорыстно, как это делали когда-то мы».

СТАРШИНА АРТИЛЛЕРИСТ

Замараев Григорий Васильевич, участник Великой Отечественной войны с 1942 по 1945 год прошедший боевой путь от Москвы до Берлина. Был дважды ранен и контужен. За боевые дела награждён орденом Отечественной войны, медалями: «За отвагу», «За боевые заслуги», «За победу над Германией» и многими послевоенными. Родился Григорий Васильевич в 1921 году в селе Шатиловка Курской области в семье крестьянина-бедняка.

Мать Анастасия Иосифовна произвела на свет шестнадцать детей, причём только одного сына. Послевоенное лихолетье, трудности быта, отсутствие медицинского обеспечения в сёлах того времени приводили к большой детской смертности, особенно в самые первые годы жизни ребёнка. Из пятнадцати сестер Гриши выжило только восемь. Понятно, что жизнью единственного сына родители особенно дорожили. В народе тогда существовало поверье будто бы, чтобы оградить новорожденного от всяческих бед, матери следует выйти из дома рано утром и крёстным отцом или матерью выбрать первого встречного. В соот-

ветствии с христианской моралью крёстные родители несут ответственность перед Богом за крестника, а, следовательно, обязаны за него молиться! «Может быть, и помогло мне выжить в детстве и благополучно вернуться с войны то, что моей крёстной матерью оказалась Клавдия Петровна — впоследствии директор нашей сельской школы, человек щедрой души, добрый, отзывчивый и умный!» — говорит Григорий Васильевич.

Отец Василий Кузьмич, вернувшийся с Первой мировой войны одноногим инвалидом, физически не мог обеспечить материальное благополучие своей большой семьи тяжёлым крестьянским трудом. В селе в то время существовало частное животноводческое хозяйство, в котором инвалид войны и стал работать пастухом стада волов. Без преувеличения семья Замараевых жила в нищете. К тому же не выдержав непосильного труда, родители один за другим в 1928-м и 1929-м годах покинули этот свет. Забота о семье легла на старшую сестру, соседей и советскую власть.

В 1929 году Гриша пошёл в школу. Школа-семилетка располагалась в бывшем доме местного священника. К этому времени церковь была закрыта, а священник выслан. Учился мальчик с большим интересом, учителей слушал, как говорит сегодня, «с открытым ртом». С раннего детства ему очень хотелось больше знать об окружающем мире, но время было тяжёлое — не только книг даже школьных учебников не хватало. Одним — пользовались несколько человек. Ещё, будучи учеником пятого класса, Гриша участвовал в правительственной программе по преодолению безграмотности населения молодой советской республики. Программа называлась «ликбез» — ликвидация безграмотности. Грамотные советские люди, в том числе и дети, обучали грамоте взрослых людей! «В заранее оговоренное время, — вспоминает ветеран, — я приходил в дома односельчан и учил писать буквы, а затем и слова, в первую очередь имена детей и близких. Для обучения использовал кусок фанеры и мел. Ученики старались повторить на бумаге написанную мной букву или слово. Привыкшие к

тяжёлому крестьянскому труду, огрубевшие руки, с большим трудом привыкали к карандашу и ручке!» Но советский народ упорно учился, и это позволило ему многого достичь позже в науке, искусстве, технологиях. Если бы не тот ликбез тридцатых годов вряд ли у нас были космические корабли и полёты, атомные электростанции и атомоходы, автоматизированные системы управления и лазеры!

Естественно, юные учителя тридцатых годов вызывали заслуженное уважение у своих взрослых учеников и очень гордились этим. Наша страна в те годы с огромным напряжением сил преодолевала разруху, вызванную войнами и революциями, строилась и развивалась. Людям не хватало самого необходимого для жизни: пищи, одежды, обуви, но они верили в светлое будущее и самоотверженно трудились, чтобы его приблизить!

«С ранней весны и до поздней осени односельчане ходили босиком, — вспоминает Григорий Васильевич, — в лучшем случае в лаптях или чунях! Лапти из коры ивы издревле умели плести все русские крестьяне. Были специалисты и по изготовлению чуней — своеобразных калош, сплетённых их конопляных верёвок. Ткань для одежды крестьяне тоже получали из волокна конопли. Коноплю употребляли и в пищу. Для бытовых нужд ею засевали большие площади и, представьте себе, никто не помышлял о её использовании, как сейчас говорят, для «кайфа»! Это позднее нашлись «доброжелатели» русского народа, научившие его применению наркотических средств для получения «наслаждения», «блаженства», а, лучше сказать, для оскотинивания, лишения разума, да и физического уничтожения!

Рано оставшись сиротой, — продолжает Григорий Васильевич, — уже в начальных классах я зарабатывал на хлеб, помогая соседям по хозяйству. Жил в родительском доме в деревне Берзеновка, вблизи Шатиловки. Все дома в деревне были тогда литые из самана — глины, смешанной с конским навозом. Пол земляной, окна маленькие, крыша соломенная. Бедно жил народ. Запомнился 1933-й засушливый, неурожайный год. Многие односельчане в поисках счастья

уехали тогда на Дальний Восток. Видел, как через деревню проходили в лохмотьях, измождённые, завшивленные южане. Засуха того года больше охватила южные области. Люди в поисках пропитания целыми семьями двигались на север, в более сытные места. Сегодня власти Украины упрекают Россию в голодоморе. Голод был и в России, может быть, в меньшей степени. Упрекать русский народ нелепо — не он послал засуху в южные области страны! Из детства запомнилось и то, как определяли мой возраст. Родители умерли, церковные книги, где регистрировались новорожденные, пропали. Поставил меня врач на скамейку, осмотрел и говорит сестре: «Пишите одиннадцать лет!» Так и стал я числиться рождённым в 1921 году. Настоящей даты и года рождения не знаю. Помню и первые детские заработки. Посевы свеклы тогда одолевали долгоносики. Мы — дети — их собирали. За бутылку долгоносиков нам платили несколькими пряниками.

Видя моё бедственное положение, председатель сельсовета Белонов посодействовал отправке меня и ещё нескольких подобных ребят в Москву в ремесленное училище при Шарикоподшипниковом заводе им. Кагановича. Там мы учились ремеслу слесаря и одновременно проходили семилетнюю школьную программу на полном государственном обеспечении.

Ремесленники тридцатых годов

После окончания училища сделал попытку устроиться в городе, поехал к сестре в Керчь. Но там задержался не надолго — где-то заразился трахомой, вернулся в родную деревню и стал помощником кузнеца. В горячее время помогал сеять и убирать урожай колхозу. В 1940 году из-за трахомы получил отсрочку от призыва в Красную Армию. Работая в колхозе, встретил начало Великой Отечественной войны. Хорошо запомнились проводы призывников на фронт, гордость защитников Родины и слёзы матерей. Я чувствовал себя каким-то ущербным, обиженным — меня из-за той же трахомы в армию опять не взяли. Немцы до нас не дошли, и колхоз продолжал работать, все, отдавая фронту. С уходом молодёжи работы прибавилось, но планы по поставкам выполняли.

Пригодным к службе медики меня признали только в 1942 году. Вновь призванных жителей нашего района, переодев с солдатское обмундирование, посадили в теплушки и повезли. Куда никто нам не говорил. Через какое-то время выгрузились под Москвой, в районе Волоколамска. Меня, как достаточно грамотного, определили в артиллерийскую школу младших командиров. Около двух месяцев обучали основам артиллерийской науки: устройству 76-мм пушки и стрельбе из неё, затем присвоили воинское звание сержант и направили командиром орудия в отдельный пулемётно-артиллерийский батальон (ОПАБ). Батальон состоял из двух артиллерийских батарей по шесть орудий на конной тяге. Пушку таскали шесть низкорослых, мохнатых и неприхотливых монгольских лошадок.

С фуражом в то время дело обстояло неважно. Частенько их — бедняг — кормили распаренной хвоёй. Понятно, что от такого корма много сил не будет, поэтому на марше, да ещё по лесным дорогам и снегу, к шести лошадиным приходилось добавлять шесть солдатских!

Кроме артиллерийских батарей батальон включал две роты пехоты. Каждая имела взвод пулемётчиков, взвод автоматчиков и взвод связи. В целом наша часть обладала достаточной огневой мощью и мобильностью и предназначалась для борьбы с танками. 76-мм орудия легко пробивали броню, а пулемётчики и автоматчики отсекали движущуюся за танками немецкую пехоту. Такую часть можно было быстро перебросить на новое танкоопасное направление.

Война — это не только кровь, смерть, голод и холод, но и тяжкий труд! Сколько пришлось перекопать матушки-землицы при сооружении огневых позиций, наблюдательных и командных пунктов и жилых землянок! А сколько поработать пилой и топором, обеспечивая продвижение орудий в лесистой местности! Для меня война и началась с тяжёлого физического труда. В 1942 году немцы усилили натиск на Москву со стороны Волоколамска. Батальону был определён участок шоссе Москва — Волоколамск. Танковые колонны двигались в светлое время дня по дорогам, ночью немцы отдыхали. Нашей задачей было не пропустить фашистов через указанный участок дороги. Для обеспечения эффективной стрельбы орудий необходимо было вырубить полосы леса по обеим сторонам шоссе и подготовить три огневых позиции на опушке. Кроме того, от каждой позиции подготовить пути в глубь леса для укры-

тия орудий от авиации противника. Тактика применялась следующая. Под покровом темноты батареи выдвигались на одну из огневых позиций и при появлении танков вели огонь, не давая прорваться к Москве. Естественно, противник засекал батарею и, отступив, обрушивал на место её дислокации море артиллерийского огня или бомбовый удар авиации. Мы же на это время меняли позицию или скрывались в лесу.

Орудие меняет позицию

Бои шли непрерывно, многое забылось. Расскажу нетипичный случай.

Ночью заняли одну из огневых позиций, подготовились к бою, выставили боевое охранение. Около полуночи получаем информацию: на шоссе обнаружены танки, движущиеся со стороны Москвы. Быстро свернулись и выдвинулись навстречу врагу. Три орудия установили для стрельбы в лоб колонне, три — с фланга. Колонна танков подошла и, на наше удивление, остановилась на шоссе. Немцы чего-то ждут, и мы огня не открываем. Через какое-то время выяснилось, что они ожидают встречную колонну грузовиков, покрытых брезентом. По команде батарея открыла дружный огонь. Грузовики запылали и раздались мощные взрывы. Оказывается, они везли боеприпасы и горючее для своих танков. Танки не могли ни сдвинуться с места, ни ответить огнём. Так и была разгромлена колонна из де-

вяти машин и восьми танков. За тот бой комбат получил орден Красного Знамени, начальник штаба — орден Красной Звезды, ребята — по медали.

Там же под Москвой произошло моё первое непосредственное соприкосновение с немцами и первое ранение.

Сидим как-то в засаде, ожидая немецкие танки. Готовое к бою орудие — в капонире, снарядные ящики укрыты под брустверо м, расчёт — в окопчиках. Мой командирский окопчик чуть впереди, слева от орудия и остальных. Близится рассвет — птицы в лесу защебетали. И нет им никакого дела до человеческой войны. Я даже размечтался, расслабился. Вдруг слышу чей-то крик: «Немцы с тыла!» Приподнимаюсь из окопчика, оборачиваюсь и вижу прямо над собой немца с нацеленным на меня карабином и сверкающий в предрассветном полумраке, примкнутый штык-кинжал. Винтовка моя в окопчике, да и стрелять некогда. Наверное, сработал инстинкт самосохранения. Левой рукой ухватился за штык, правой за цевьё карабина. Немец дёрнулся, вырвался, перепрыгнул через меня и побежал. Ребята из расчёта тут же его уложили. А я совсем лишился фаланги большого пальца левой руки и половины указательного. Замотал руку бинтом и в санчасть не пошёл — посчитал рану пустячной. Через пару недель она действительно зажила сама. Так и живу без половины пальца! Вероятно, то была немецкая разведка, случайно наткнувшаяся на нашу позицию.

В целом, можно сказать, под Волоколамском мы свою задачу выполнили — немцы через наши позиции к Москве не прошли.

Время стояния в лесах запомнилось ещё и солдатской кашей, сдобренной мясом ежей. Тогда она казалась деликатесом! Когда натиск немцев ослаб, появились солдаты — «дезертиры». Рапорты об отправке на западный фронт командованием не приветствовались, вот они самостоятельно и уезжали на проходивших невдалеке поездах в Москву, там представлялись отставшими от своей части и таким нелегальным способом попадали на западные фронты. О

таких шутливо говорили: «Пошёл на семьсот грамм!». В частях, ведущих активные боевые действия, солдату хлеба давали не пятьсот, а семьсот грамм в день. Советские люди жаждали активных действий в борьбе с фашизмом!

В конце 1943 года нас перебросили на Белорусское направление. Советские войска тогда пытались помочь восставшим варшавянам, но задача для того момента оказалась невыполнимой. В 1944 году немцы так быстро бежали, что мы не успевали их догонять. Наш батальон двигался к Берлину во втором эшелоне, и мы занимались, как теперь говорят, зачисткой местности от остатков вражеских войск. Запомнился такой эпизод. Дело было уже в Германии.

Подошли к городу Вайдемерен. Этот небольшой городишко примечателен, пожалуй, только своей средневековой крепостью. Стены крепости кирпичные, трёхметровой толщины. Установили орудия на прямую наводку, стреляем — наши снаряды не приносит стене серьёзных разрушений. Подкатили 85-мм орудия — эффект тот же. А гарнизон крепости огрызается плотным пулемётным огнём. Чтобы ликвидировать очаг сопротивления, пришлось задержаться. Подвели под стену фугасы, пробили брешь. Фашисты сопротивлялись отчаянно. Видимо, гарнизон очень боялся ответственности за свои грехи на русской земле! Помогла выкурить немцев авиация. Крыши крепостных строений были резиновые и прекрасно горели. Оказалось, что запасов продовольствия и боеприпасов в крепости было сосредоточено на год!

А вот другой, уже в каком-то смысле комический эпизод. В конце войны настроение у нас повысилось, появилось желание смеяться и шутить!

Вошли в какой-то немецкий город. Немцы его уже оставили. Наши передовые части ушли вперёд. Остановились на отдых. Солдаты разбрелись по пустым немецким домам. Зовут меня ребята из окна в какой-то дом. «Заходи! кричат, старшина, — что-то любопытное покажем!» Открываю дверь, и на меня падает прислонённый с внутренней стороны к двери труп повесившегося старика-хозяина.

Вокруг хохот. Весело, видите ли, им! Обругал весельчаков за такие шутки. Окопный, не умный юмор! Но я вспомнил об этом случае, чтобы показать, как менялся человек в зависимости от успехов на фронте! Под Москвой тем же солдатам было не до шуток! Ну и, конечно, привыкли люди за эти годы к смерти. Она стала делом обыденным. Кроме того, именно в том богатом немецком доме мне в голову пришла мысль: «Зачем же они к нам в бедную Россию лезли, если у них в домах такое изобилие. Продуктов заготовлено на годы, шкафы, как в магазине, ломятся от одежды и обуви. В сараях и гаражах техника всякая. Чего же ещё им нужно!? Сама жизнь тогда натолкнула меня на размышления о большой политике!

Так мы и двигались во втором эшелоне 1-го Белорусского фронта, на территории Польши и Германии занимаясь зачисткой местности от оставшихся недобитыми фашистов. К этому времени у них вся спесь пропала, они стали жалкими и трусливыми. Пытаясь соединиться со своими, пробирались группами вдоль дорог. Бывало, видим движущийся отряд, даём пару снарядов впереди него и пару позади. Они тут же поднимают руки и сдаются в плен. Леса за границей редкие, расчищенные, укрыться негде. До Берлина наш батальон не дошёл всего сорок километров.

Своего командующего фронтом маршала Рокоссовского видел неоднократно. Человек он был простой, доступный, не отгораживался китайской стеной от солдат. Лошадей очень любил. Всегда интересовался их содержанием. Проходя по боевым позициям, частенько хлопал по плечу какого-нибудь солдата и спрашивал: «Довольствием не обижают? Махорку дают? Хватает! — отвечал довольный вниманием маршала солдат!» Если Жукова на фронте боялись, то Рокоссовского уважали и любили за его человечность.

Уже в Германии я был ранен второй раз. Дело было так. В погоне за отступающим противником остановились на ночлег в рощице. Выставили караул. Меня назначили начальником. Ночью пошёл менять часовых. Обошёл все по-

сты, возвращаюсь. Вдруг что-то еле слышно прошелестело рядом, и будто кто-то ударил меня проводом по лбу. По началу и боли особой не было. Пощупал голову — рука в крови. Осколок, к счастью, только скользнул по голове. Прорезал кожу и кость не глубоко. Попади он чуть правее и не разговаривали бы мы сейчас! Самостоятельно добрался до санчасти. Сестра перевязала рану и сделала укол. Врач хотел меня отправить в госпиталь, но я отказался — боялся, что после госпиталя уже не попаду в свою часть. Сжился с ребятами и командирами за три года. Мы стали как бы одной семьёй. По случаю ранения стал часто встречаться с той медсестрой. Позже она стала моей женой. Так что моя жена была в полном смысле боевой подругой! В любви и дружбе прожили с ней более шестидесяти лет! Фронтовая дружба она особенная, кровью скреплённая.

Окончание войны меня застало в каком-то маленьком городке под Берлином. Никогда не забудутся всеобщее ликование, слёзы радости в глазах видевших столько смертей огрубевших бойцов, беспорядочная пальба из всех видов оружия и удвоенная наркомовская норма увеселительного! Пили за вечную память о павших, за фронтовую дружбу, за счастливую долгую мирную жизнь доживших до Победы!

Боевые друзья — артиллеристы в поверженной Германии

Ещё не демобилизованным, с погонами старшины на плечах, в 1945 году продолжил трудовую деятельность. В частях нашей дивизии отобрали ребят покрепче 1919 — 1921 годов рождения. Сформировали, так называемый, кондепо. Организация эта включала около пятисот солдат и сержантов и шесть офицеров. Перед нами была поставлена задача: собрать у местных крестьян излишки сельскохозяйственных орудий и лошадей. На больших американских грузовиках ездили по округе и собирали телеги, плуги, сеялки, веялки и т.п., а также лошадей. Хозяевам, если, конечно, таковые объявлялись, оставляли расписки в том, что всё изъятое имущество будет оплачено. Собрали порядка семисот лошадей. Составили обоз из двухсот пятидесяти подвод, нагруженных сельскохозяйственными орудиями. На каждой подводе — возница и сопровождающий. Оба с автоматами. Обоз двинулся в сторону Белоруссии. Лошади и техника предназначались колхозам для восстановления производства. По дороге пришлось не один раз отражать нападения бендеровцев. Были настоящие бои с потерями с обеих сторон. Война для нас обозников девятого мая не кончилась! По мере продвижения по Белоруссии обоз постепенно таял. Помню, как радовались жители разорённых белорусских деревень нашим армейским подаркам! Когда всё собранное в Германии было роздано, обозников демобилизовали.

В этот период мне много приходилось общаться с мирными немцами. Немецкий народ поразил своим пристрастием к богатству, деньгам. Попроси педантичного немца что-либо сделать, сделает непременно, аккуратно и в срок. Однако за всё надо платить. За спасибо никто ничего делать не станет. К сожалению, сейчас и у нас в России стало также. Теперь можно услышать: «Даром даже кукушка не кукует!» Говорят, что теперь даже школьники за подсказку платят деньги. Мы были не такими корыстолюбивыми! Самоотверженно дрались с врагом и работали за идею добра и справедливости! Лично я и сегодня остался верен этому принципу, чем и горжусь! Безудержное и безмерное

потребительство, которым сегодня живут многие мои соотечественники, развращает, делает людей алчными, бесчувственными эгоистами! Будь мы такими во время войны — ни за что бы не победили!

После демобилизации в Смоленске сел на поезд с тем, чтобы ехать на родину, но встретил вербовщиков, набиравших рабочих для восстановления Ленинграда. Решил попытать счастья в городе на Неве, о котором много слышал, как о культурном центре страны. Желающих принять участие в восстановлении Ленинграда набралось около сотни. Вышли на станции Дно. Там нас накормили, потом распределили по строительным трестам. Вместе с будущими сотрудниками добрался до отдела кадров 16-го треста на проспекте Горького в Ленинграде. Здесь распределили по строительным управлениям. Я попал в УНР-53, ведущем работы в Пушкине. Приехали в Пушкин. Он встретил нас развалинами вокзала и почерневшими бараками на ныне прекрасной привокзальной площади. Завербованным для жилья отвели дом на углу улиц Коминтерна и Пушкинской. После попадания бомбы от дома остались только стены, крыши не было. Две недели жили под кустами сирени, укрываясь солдатскими шинелями. Сами привели в относительный порядок одну большую комнату, покрыли ржавым, обгорелым железом. Наша крыша светилась дырами, но всё же как-то укрывала от дождя. Получилось общежитие. Спали вповалку на обгорелом полу, для тепла тесно прижавшись, друг к другу. Я был назначен бригадиром. Днём работал вместе со всеми, расчищая развалины, ночью чинил обувь членам своей бригады. Порой просто привязывал проволокой оторвавшиеся подошвы сапог. Несмотря на все трудности быта, то время вспоминаю с большой теплотой. Мы — плохо одетые, полуголодные, измученные непосильным трудом — были очень дружны, внимательны друг к другу, по сути, жили одной семьёй. Ко дню рождения каждого одаривали хотя бы мороженым! Добрые были вокруг меня люди, отзывчивые, бескорыстные, верившие, что, одержав победу на огневом фронте,

обязательно победим и на трудовом! Одолеем все трудности, восстановим город и заживём счастливой мирной жизнью! Особенно бережно, нежно относились вчерашние солдаты к девушкам — молярам и штукатурам. Никакой пошлости, разврата, которыми больна сегодняшняя Россия, тогда и в помине не было! Деревенские малограмотные девчонки были для нас богинями, цветами, украшающими нашу совсем непростую жизнь! Оставшиеся в живых те мои давнишние сотрудники и сегодня мне близки как родные.

В УНР-53 проработал шестнадцать лет. Первым семейным жильём была девятиметровая комната, в которой стали жить втроём с женой и сыном. Она казалась дворцом! В квартире жило четыре семьи, жили дружно. Эксцессов не помню. Приходишь, бывало, на обед, замёрзший и голодный. На плите стоят несколько кастрюль с супом. Пощупал, нашёл потеплее, и налил себе тарелку. Так поступали все жители нашей так оплёвываемой сегодня коммунальной квартиры! Дай Бог нынешней молодёжи испытать то удовольствие, которое испытывали мы от общения с по-настоящему добрыми, отзывчивыми, всегда готовыми придти на помощь людьми! Разве не в том и состоит человеческое счастье, что на работу идёшь как на праздник, зная, что твой труд нужен людям и будет по достоинству оценен; и возвращаешься с радостью, ожидая встретить человеческое тепло и душевность!?

В те годы я заочно окончил автодорожный техникум и в 1961 году перешёл работать по специальности в автоколонну. Стал начальником автоотряда. Автоколонна № 1102 начиналась с одиннадцати полуторок ГАЗ-МА, подаренных нашему городу армией. В 1947 году было уже семьсот пятьдесят машин, которые обеспечивали все грузоперевозки УНР-53, всё восстановление города Пушкина. Лимитированного рабочего дня у меня тогда не было. Совершенно справедливо то время называли трудовым фронтом! Очень жаль, что молодое поколение забыло строителей,

восстановивших город из руин! Неблагодарность, пожалуй, самое скверное человеческое качество!

В 1972 году, выполнив основные работы по восстановлению города Пушкина, УНР-53 завершило своё существование, а я стал начальником гаража в автобусном парке Пушкина. Работал пока хватало сил.

В молодости я много лет занимался комсомольской работой, добровольно добросовестно трудился на выборных, нештатных должностях. В 1947 году вступил в ряды членов ВКПб. Сейчас ни в какой партии не состою, но считаю себя коммунистом. Убеждён, что идея коммунизма будет жить вечно, поскольку вечна людская мечта о справедливости! Не понимаю и не принимаю либеральной идеологии, когда смыслом жизни человека является получение максимального личного удовольствия. Когда в результате внедрения этой идеологии бывший единый, выигравший самую страшную в истории человечества войну народ, распался на индивидов, живущих каждый для себя, утративших понятие о долге и чести. Когда воровство и бандитизм достойно не наказываются государством. Когда при живых родителях появились тысячи сирот. Когда стариков дети сдают в богадельни или бросают на произвол судьбы, с нетерпением ожидая чаще всего жалкого наследства. Когда незначительная часть населения стала беситься от жира, а большинство — влачить беспросветное нищенское существование!

Где уж тут счастливая жизнь, за которую старшее поколение во время Великой Отечественной войны, да и сразу после неё, так дорого заплатило!?

ОПОЛЧЕНЕЦ

Николай Матвеевич Карпенко участник Великой Отечественной войны с первых до последних дней, кавалер орденов Отечественной войны и Красной Звезды, медалей — «За боевые заслуги», «За Победу над Германией», «За оборону Ленинграда» и многих других, родился в 1921 году в деревне Синяково Псковской области в крестьянской семье.

Отец Матвей Иванович и мать Василиса Ефимовна жили очень бедно даже на фоне своих совсем не богатых односельчан. Коля был вторым ребёнком. Две войны и революция совершенно разорили крестьянство России. Семья не имела ни коровы, ни даже козы. На беду же у матери с рождением сына не появилось молоко. Ребёнка полтора года кормили в основном жёвками — завёрнутым в тряпицу жёваным хлебом или даже жмыхом льняного семя (остатками после отжатия из семян масла). Но, как говорится в русской пословице, «Бог не выдаст — свинья

не съест!». Ребёнок всем на удивление выжил! О бытовых трудностях сестры узнал брат матери Пасуев Ефим Дмитриевич — крёстный отец мальчика — и, несмотря на то, что сам не отличался богатством, повинуясь христианскому долгу, взял ребёнка в свою семью, которая проживала в отдалённом селе Кожемякино. Дом дяди был более состоятельным. Мальчика откормили, поставили на ноги, он постепенно окреп и вырос полноценным человеком. Однако при живых родителях с малых лет стал сиротой.

В 1930-м году Коля вместе с семьёй дяди переезжает в Ленинград, где глава семейства устраивается дворником в Клубе имени Ильича — впоследствии Дома культуры завода «Электросила». В маленькой комнате при этом клубе и стала жить семья дворника. Правда, позднее бытовые условия несколько улучшились в связи с повышением дяди по службе. Он стал комендантом клуба и получил комнату побольше в коммунальной квартире дома на Тамбовской улице. Надо помнить, что в те послереволюционные годы страна, разрушенная войнами и революциями, жила очень трудно.

Семьи, имеющие отдельные квартиры, были большой редкостью. Но жизнь постепенно налаживалась, экономика оживала благодаря трудовому энтузиазму народа и политическому курсу государства на строительство социализма. Люди верили в светлое будущее и их надежды на глазах оправдывались! Страна решала задачу ликвидации вековой промышленной отсталости России. Это было время индустриализации и государство уделять больше внимания быту народа не имело возможности. Не создав собственной экономической базы, не подняв промышленности и сельского хозяйства, не став экономически независимой, наша страна была бы в кратчайшие сроки раздавлена и поделена соседями-злопыхателями.

В том же памятном 1930-м году Коля пошёл в школу. Правительство заботилось об образовании своих граждан. В молодой советской республике ликвидировалась безграмотность. Уже вскоре после революции 1917 года было

введено обязательное бесплатное, вначале начальное, а затем и среднее образование.

«Помню, что, учитывая моё бедственное сиротское положение, советская власть уделяла мне и подобным детям повышенное внимание, — говорит Николай Матвеевич, — помогала одеждой, обувью, продовольствием. В те годы у меня было обнаружено малокровие, я находился под постоянным медицинским наблюдением и мне бесплатно регулярно в качестве лекарства выдавали пивные дрожжи.

Воспитанием детей кроме учителей тогда занимались ещё и внешкольные работники — специальные воспитатели. Когда я учился в четвёртом классе наш воспитатель — я даже помню его фамилию: Першиц — заметив во мне особое пристрастие к авиации (хотя в тридцатые годы вся страна и особенно молодёжь жила мечтой о полётах!), посоветовал мне пойти в авиамодельный кружок при Доме пионеров и этим определил всю мою дальнейшую судьбу. Моё увлечение авиамоделизмом и достижения в этой области, вероятно, были столь велики, что уже в шестом классе средней школы мне было доверено самостоятельно вести такой кружок. Я стал штатным сотрудником Дома пионеров, и начал получать очень необходимую семье зарплату. Помню, с какой гордостью я принёс дяде в 1936 году свою первую получку в двадцать пять рублей! Было мне тогда пятнадцать лет. С этого времени районный отдел народного образования в период летних каникул стал посылать меня в пионерские лагеря, где я работал руководителем авиамодельных кружков, одновременно отдыхал и набирался сил для продолжения учёбы в школе. Кружковцы меня — мальчишку — стали называть по имени и отчеству. Конечно, мне это очень льстило! Такой работы в те годы было много — все мальчишки и девчонки грезили авиацией, «звёздами» тогда были не скоморохи, как сегодня, а герои-лётчики! Первые же знания о воздухоплавании и навыки в конструировании летательных аппаратов можно было получить в совершенно бесплатных авиамодельных кружках!

Для повышения моих теоретических знаний тот же Першиц позже направил меня в городскую детскую техническую станцию. Она тогда находилась в прекрасном здании бывшей фондовой биржи на стрелке Васильевского острова. Вот какое внимание тогдашние власти уделяли детям и их увлечению авиацией!

В 1937 году открылся городской Дворец пионеров на Невском проспекте в бывшем великокняжеском дворце. Там была создана детская аэродинамическая лаборатория, имевшая собственную аэродинамическую трубу, с помощью которой и сегодня изучаются аэродинамические качества летательных аппаратов. Занятия в лаборатории вели инженеры — конструкторы самолётов. Здесь юным авиаторам давали знания по основам авиастроения. Многие из тех кружковцев впоследствии стали инженерами-конструкторами и учёными. Там и я прошёл теоретический курс самолётостроения, после чего — дату я помню по сей день — седьмого сентября 1937 года был назначен руководителем авиамодельной лаборатории Дома пионеров Московского района Ленинграда. Было мне тогда шестнадцать лет, и я был учеником восьмого класса средней школы! Здесь я и проработал сорок пять лет. Горжусь тем, что за эти годы вырастил не мало энтузиастов авиации!

Одновременно с вполне успешной учёбой в школе и работой в Доме пионеров в то время я занимался в аэроклубе и уже самостоятельно летал на учебном самолёте. Аэроклуб тогда находился на Фонтанке, вблизи цирка, а аэродромы — в Обухове, Озерках и Горской. Естественно, моей мечтой была профессия лётчика. Но судьба распорядилась иначе. Однажды инструктор заметил что-то неладное в моём поведении, послал на медицинскую комиссию, а там обнаружились какие-то функциональные расстройства в моём организме. От дальнейших полётов меня отстранили для отдыха. Видимо сказалась общая перегрузка ещё юного организма.

В 1940 году я неплохо закончил среднюю школу. В Аттестате зрелости четвёрок и пятёрок было поровну. В 1941 году успешно поступил в Ленинградский университет, но учиться помешала война.

Помнится на двадцать второе июня 1941 года мы с друзьями, женой и полугодовалым сыном намечали выезд на отдых за город. Объявление о начале Великой Отечественной войны я услышал по радиотрансляции из чёрной бумажной тарелки, висевшей тогда на стене в каждой квартире, около двенадцати часов дня. Затем прозвучала известная речь наркома иностранных дел В.М. Молотова. Жил я тогда уже в многочисленной семье моей жены. Как и все, был так шокирован этим известием и речью, что подробности этого дня в памяти не сохранились. Мучили вопросы: Что делать с женой и маленьким сыном? Куда-то отправить из города или оставить здесь? Как и на какие средства они будут жить дальше? Сколько продлится война? Как она скажется на мирных жителях Ленинграда? Несмотря на свои двадцать лет я был уже зрелым, ответственным человеком. В связи с учёбой в аэроклубе у меня самого была отсрочка от призыва в армию. Теперь я понимал, что обстоятельства изменились, и в числе первых буду призван на военную службу. Да я и не мыслил как-то уклоняться! Такие мысли в ту пору считались кощунством!

Конечно, в предвоенные годы все понимали, что война неизбежна, и видели, что страна усиленно к ней готовится. Но начало всё же стало неожиданностью. Первые дни были какими-то суматошными. Удивляло, что фашисты очень быстро продвигаются по нашей территории. Ведь мы верили в нашу армию! Верили, что «нерушимой стеной обороны стальной разгромим, уничтожим врага!» и что это произойдёт быстро и на чужой территории.

Третьего июля после речи Сталина с близким другом пошли в нашу школу, чтобы по мучившим нас вопросам посоветоваться с директором. Учитель, участник Финской войны, красный командир — он был для нас большим ав-

торитетом. Оказалось, что он в родном мне Доме пионеров Московского района уже формирует вместе с Героем Советского Союза полковником Угрюмовым, её командиром, Вторую дивизию народного ополчения.

Пятого июля мы с тем же другом пришли в штаб формирования дивизии, чтобы записаться в добровольцы. Рядом с Домом пионеров шумела толпа молодых мужчин и девушек. В зрительный зал, где записывали добровольцев, стояла длинная очередь. После регистрации добровольцев отправляли в штабы формирования полков и батальонов дивизии, которые размещались в зданиях школ нашего района. Патриотизм советского народа был очень высок. Абсолютное большинство мужского населения Ленинграда желало с оружием в руках защищать Родину. Уверен, что случись сегодня такая же беда, после двадцати лет обработки сознания народа демократическими СМИ, желающих добровольно записаться в ополчение были бы единицы! Увы, единого русского народа-патриота не стало!

Когда подошла наша очередь, мы вошли в зал и за столом рядом с полковником Угрюмовым увидели нашего любимого директора школы Василия Яковлевича Гормакова. Он формировал роту связи дивизии, в которую и записал двух своих школьных учителей и нас — двух недавних выпускников. Все мы стали рядовыми Второй дивизии народного ополчения, и я получил специальность связиста на все четыре года войны. Несколько последующих суток ночевали дома, потом перешли на казарменное положение. Во время формирования дивизии связисты выполняли функции посыльных: по всему городу разыскивали военнообязанных, руководствуясь мобилизационными планами районного военкомата, и передавали его распоряжения.

Добровольные защитники Ленинграда

Хорошо помню, как ещё не переодетого в военную форму, но уже с вещевым мешком за плечами, меня провожала на фронт жена. Мы ехали в трамвае. Я держал на руках своего полугодовалого сынишку, он весело топал ножками по моим коленям и гукал. Жена сидела напротив и плакала, а я старался получше запомнить их милые образы. Никто кроме Господа Бога не знал, когда мы встретимся вновь и встретимся ли вообще! Немцы быстро приближались к городу.

Где-то десятого-одиннадцатого июля нам — ополченцам — вручили винтовки, по две обоймы патронов и противогазы. В штатской одежде двенадцатого июля строем дошли до Витебского вокзала и разместились по вагонам. Поезд тронулся куда-то на юг. Пункта назначения мы не знали. Было ясно только, что едем защищать Лужский рубеж. В четыре часа утра тринадцатого июля он остановился на станции Веймарн, и мы сразу попали под бомбёжку. Немецкие самолёты, сбросив бомбы, безнаказанно хладнокровно расстреливали из пулемётов вчерашних школьников, учителей, рабочих и инженеров. Нашей авиации не было видно. Вокруг всё горело и дымилось. От взрывов бомб в воздух взлетали доски, шпалы и изуродованные

тела, а земля тряслась как в лихорадке. В грохоте взрывов были слышны крики о помощи. На станции стоял сущий ад. Я лежал в воронке и старался втиснуться в спасительную землю. Человек привыкает ко всему, но первое впечатление от бомбёжки навсегда остаётся кровавой страницей памяти. Многие ополченцы окончили жизнь на этой станции, так и не успев даже добраться до передовой!

Помню, в тот день, когда окончился налёт, нас строем привели на боевой рубеж и приказали окапываться. Мы — довоенные знакомые — держались вместе. Выкопали окоп и сидим на его краю, отдыхая и ожидая кухню. Иванов — учитель химии — сидел напротив меня. Начался обстрел. Со стороны противника послышались негромкие хлопки миномётных выстрелов. Мы и внимания особого на них не обратили. Это было ничто по сравнению с утренним кошмаром. Вдруг хлопок… и сидящий рядом учитель оказывается без половины головы. Он ещё некоторое время сидит, как сидел, затем медленно падает. Мы, находившиеся рядом, долго не можем придти в себя и осознать случившееся. Это была первая смерть близко знакомого человека на моих глазах, первая жертва войне, принесённая нашей школой! Позже их было не мало!

Под Лугой наша ополченческая дивизия заняла боевые позиции и с месяц сдерживала натиск фашистов, рвущихся к городу, но к ним на помощь подошёл танковый корпус и мы стали медленно с боями отступать к Ленинграду. Где-то в этот период нас переодели в военное обмундирование, мы приняли Военную Присягу и стали полноправными красноармейцами.

В мои функции, как связиста — рядового роты телефонистов — входило при занятии очередного рубежа обороны дивизией налаживать телефонную связь штаба дивизии со штабами полков. Под огнём противника, где ползком, где короткими перебежками, лавируя между разрывами снарядов и мин, с катушкой провода за спиной, и винтовкой в руках я преодолевал это расстояние, а, убедившись, что связь командных пунктов существует, возвращался той

же дорогой в свою роту. По указанию командира дежурил у телефонного аппарата, принимая донесения и передавая команды начальников; восстанавливал связь в случаях её нарушения в результате обрыва проводов; при необходимости, выполнял роль посыльного для устной передачи приказаний командования дивизии полкам и батальонам.

Ополченцы в бою за город

Связь называли нервом армии. Без хорошей связи, в принципе, невозможно управление войсками. Если пехотинец рискует жизнью более всего во время атаки или авиационного и артиллерийского налёта, то телефонист рискует значительно чаще. Налаживая связь, он в любой момент может ещё и попасть в прицел снайпера! По команде он в любой обстановке должен немедленно покинуть укрытие и как можно быстрее передвигаться вдоль линии в поисках обрыва провода, невзирая на обстрел, бомбёжку, освещённость местности или наличие на позиции снайперов. Солдаты в нашей роте менялись так часто, что порой мы не успевали познакомиться!

Хорошо запомнились особо жестокие бои под Гостилицами во время нашего отступления. Здесь мы дрались с неделю. Село не один раз переходило из рук в руки и не раз

мне приходилось под шквальным огнём ликвидировать обрывы проводов. Но тогда Бог миловал!

Связисты устанавливают телефонную связь

В день замыкания кольца блокады Ленинграда — восьмого сентября 1941 года — мы оказались в районе Ораниенбаума. Этот день запомнился особо интенсивным артиллерийским обстрелом. Подобного тому, пожалуй, я больше за всю войну не испытывал. Земля вздымалась и, казалось, плакала от боли! Что уж говорить о людях! В тот день мы понесли огромные потери. Конечно, до меня, как рядового солдата, цифры не доводились, но память сохранила страшную картину побоища.

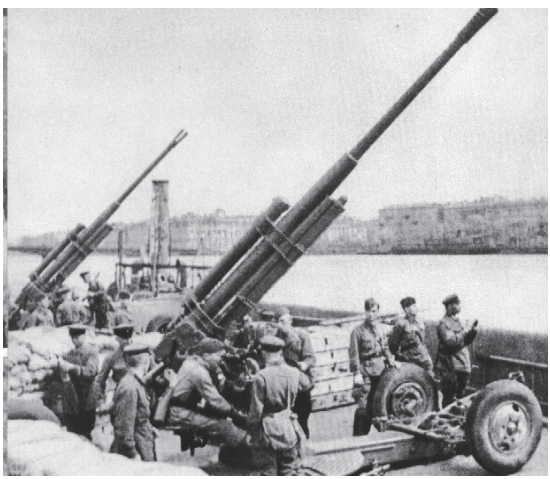
Я и сегодня могу восстановить её перед внутренним взором. Позиция была усеяна трупами! Кажется, в тот же день я наблюдал гибель от немецких авиабомб нашего линкора «Марат». Он разломился на части и затонул на наших глазах, и мы не в силах были помочь гибнущим морякам! Немцы в тот период обладали абсолютным преимуществом в воздухе. Наши самолёты появлялись редко, да и те быстро загорались и падали в неравных воздушных боях с противником.

В блокадном Ленинграде

Через какое-то время — память не сохранила даты, но была уже поздняя осень, поскольку я, стоя на посту, обморозил пальцы рук — с Ораниенбаумского плацдарма дивизию перебросили на переформирование на Васильевский остров, откуда, спустя несколько дней, пешком мы отправились на другой рубеж, под Колпино. Здесь дивизия, пытаясь прорвать кольцо блокады города, вела ожесточённые наступательные бои, медленно продвигаясь вдоль левого берега Невы к Ладоге. Где-то в районе Невского пятачка нашим подразделениям удалось переправиться и закрепиться на правом берегу Невы. Морозы в 1941 году были очень сильные, и Неву уже сковал лёд. Мне было приказано установить телефонную связь с правым берегом. Стояла глухая ночь, но лёд на Неве был освещён как ясным солнечным днём. Немцы непрерывно пускали ракеты, которые на специальных парашютах висели надо льдом подобно ярким фонарям. Ползу, стараясь втиснуться в невский лёд, и тяну за собой провод. Катушка на спине постепенно разматывается. Уже был готов торжествовать

победу, берег был близок, но тут меня и поймал в прицел немецкий снайпер. Хорошо, что он оказался неважным стрелком. С ранением в плечо я потерял прежнюю подвижность. Полежав некоторое время не двигаясь, чтобы убедить снайпера, что со мной всё кончено, и поняв, что продвигаться с катушкой провода, телефонным аппаратом и карабином дальше не могу, оставил катушку и аппарат на льду и пополз обратно. С огромным трудом добрался до своих. Выбраться на берег мне помогли. С потерей крови были совершенно утрачены и физические силы.

Потом с месяц лечился в госпитале, который находился в одном из зданий Политехнического института. Это было самое голодное время. Мирные жители Ленинграда гибли тысячами. Рацион раненого солдата составляли триста граммов хлеба — иногда его заменяли сто пятьдесят граммов сухарей — в день, а также двухразовое «горячее питание»: в шесть часов утра и в шесть вечера раненым давали так называемый приварок — полтарелки воды, сдобренной мукой, маленькими кусочками сушёного картофеля, или несколькими бобами. И всё же наш рацион был несколько калорийнее, чем рацион мирных жителей Ленинграда! Но город стоял и защищался.



Зенитная батарея на набережной Невы

После выписки из госпиталя попал на Карельский перешеек, в двадцатую дивизию войск НКВД, позже она стала именоваться девяносто второй стрелковой. Дивизия была недавно отведена с Невского пятачка и пополнялась выписавшимися из госпиталей. Кстати, по-моему, на этом пятачке побывали все соединения Ленинградского фронта поочерёдно! Штаб нашей дивизии находился в Песочной. Меня вновь определили в батальон связи, а конкретнее — в группу сбора и отправки донесений. Моей обязанностью стала доставка пакетов из нашей дивизии в штаб армии. 1942-й и 1943-й годы этим я и занимался. Зимой десяток километров ежедневно преодолевал на лыжах, летом — на велосипеде. И в лютый мороз, и в летний зной, и в пургу, и в дождь под обстрелом или во время относительного затишья донесение должно быть доставлено к месту назначения в срок. Невыполнение задания в то время каралось очень строго!

В 1943 году меня перевели в 317-й стрелковый полк тем же рядовым связистом в роту связи. Штаб полка находился в Каменке. Здесь обеспечивал телефонную связь командного пункта полка с батальонами и ротами, служил до 1944 года — начала нашего наступления в целях деблокирования Ленинграда. Летом 1944-го наш полк участвовал в освобождении Карельского перешейка. С боями дошёл до Выборга. Участвовал в установлении новой государственной границы СССР.

В ноябре 1944 года дивизию отправили на Первый украинский фронт, которым командовал маршал Советского Союза И.С. Конев. С войсками фронта, как говорится «на пузе пропахал пол Европы», дошёл до Одера. Здесь меня так же во время налаживания телефонной связи опять поймал снайпер. Получил серьёзное ранение в ногу.

Здесь будет новая граница СССР!

Вспоминается случай, произошедший уже в Германии.

Идёт жестокий бой за какой-то немецкий городок. Фашисты отчаянно сопротивляются. Артиллерия и с той и с другой стороны ведёт интенсивный огонь. И тут обрывается связь с одним из батальонов полка, находящимся в сложном положении. Несколько посланных связистов не возвращаются. Командир полка — молодой полковник недавно принявший полк — командует мне, находящемуся на командном пункте, срочно установить связь. Выскакиваю из траншеи и, пригибаясь к самой земле, бегу вдоль линии. Впереди, сзади, слева и справа непрерывно рвутся снаряды и мины. Падаю и бегу дальше. Рядом свистят пули и осколки. О смерти в это время не думаешь — главное: надо выполнить задание. От меня зависят жизни людей! Наконец, вижу место обрыва провода. Взрывом разметало в стороны несколько проходивших рядом линий. Провода перепутались. Поочерёдно соединяя провод, тянущийся с командного пункта полка со всеми остальными, на-

щупываю связь с нужным батальоном, ликвидирую обрыв и по проводу добираюсь до батальона. Оказывается, там погибли все связисты! Докладываю полковнику о восстановлении связи. И во время. Он посылает подкрепление, и положение батальона восстанавливается. Возвращаюсь в полк, командир благодарит меня и приказывает начальнику штаба: «Представьте Карпенко к награждению орденом Красного Знамени! Заслужил!» Однако этого ордена я так и не получил. То ли где-то застряло Представление, то ли исполнитель «бумаги» погиб, не успев выполнить приказание! Бои были жаркие. В этих боях я и получил второе тяжёлое ранение. С этим ранением пролежал шесть месяцев в госпитале. Там и встретил День Победы. Вспоминаю всеобщее ликование, объятия и взаимные поздравления совершенно незнакомых людей, радость доживших до Победы, скорбь о погибших и уверенность в завтрашней счастливой мирной жизни.

Проведя почти четыре года на передовой, конечно, я много стрелял из карабина и автомата по врагу. Убил ли я хотя бы одного человека? Не знаю — своими глазами не видел! В штыковые атаки ходить не приходилось. К фашистам относился, как это и должно быть, с ненавистью. Но в соответствии с древней русской традицией с поверженным врагом был великодушен — на пленных зло не срывал, не унижал и не издевался! И, когда на моих глазах один незнакомый старший лейтенант застрелил трёх пленных, я высказал ему своё отношение: «Считаю этот поступок недостойным русского человека!» Возможно, конечно, оккупанты принесли большое горе ему лично или его родным. Однако, когда враг повержен, сложил оружие, просит о пощаде, следует быть великодушным. Такими были наши предки, такими должны быть и мы!

В целом считаю, что свой долг советского гражданина и солдата выполнил достойно. Чем и горжусь!

Пока я лечился в госпитале после второго ранения, война закончилась, наша дивизия была расформирована, а я как педагог и студент был в числе первых уволен в запас.

Советское правительство заботилось об образовании своего народа, педагоги увольнялись в первую очередь, чтобы сразу приступить к восстановлению нарушенной войной системы образования, особенно в областях СССР побывавших в оккупации.

Десятого октября 1945 года я прибыл в Ленинград, а уже двенадцатого вышел на работу в свой Дом пионеров Московского района на свою прежнюю должность руководителя авиамодельного кружка. Интерес молодёжи к авиации за время войны не был утрачен, и моя профессия осталась нужна людям! Параллельно с основной работой до 1976 года трудился в пушкинском Доме пионеров, ныне Доме творчества юных.

Ленинград встречает победителей

Всю жизнь, общаясь с молодёжью, старался воспитывать в ней гордость за свою Родину, за её технические и научные достижения, за самоотверженность отцов и дедов, отдавших жизнь в годы Великой Отечественной войны.

К сожалению, в последние годы ставшее уже традицией первенство нашей страны в области авиации, да и не только авиации, утрачено. Но я — оптимист! Верю, что жизнь наладится, и наш народ вновь будет гордиться Отечеством,

а не смотреть с завистью и желанием подражать на Запад! Льщу себя надеждой, что это сбудется и мы — русские — снова станем настоящими, искренними патриотами! Честно говоря, из всех своих наград я больше всего горжусь Знаком ополченца, добровольно, в первые дни войны, с оружием в руках выступившего на защиту своей Родины!

Ежегодно девятого мая оставшиеся в живых бойцы ленинградской армии народного ополчения собираются вместе, чтобы вспомнить героическое давно минувшее время, побывать на местах былых боёв и помянуть павших за Родину».

Ополченцы, отстоявшие Ленинград

ОТ СЫНА ПОЛКА ДО ГЕНЕРАЛА

Генерал-майор Виноградов Леонид Андреевич, юный участник Великой Отечественной войны и боевых действий в Эфиопии 1977–1979 годов, кавалер орденов Красного Знамени и Красной звезды, боевых медалей «За оборону Кавказа», «За Победу над Германией», «За охрану государственной границы» и многих юбилейных; родился в 1931 году в семье военнослужащего.

Отец, Андрей Фёдорович, кадровый командир Красной Армии в 30-х годах окончил военное училище. Великую Отечественную войну начал командиром инженерно-строительной части в воинском звании «старший лейтенант», окончил — в Германии командиром дивизии. Был тяжело ранен и контужен. Стал генералом. Был награждён многими боевыми орденами и медалями.

Мать, Мария Максимовна, участница Великой Отечественной войны, имевшая военные награды, получила фи-

нансовое образование и большую часть жизни трудилась в банковской системе. Родила, сохранила в трудные военные годы и воспитала достойными людьми двоих детей.

Перед Великой Отечественной войной семья проживала в городе Ворошиловграде (Луганске), где в то время служил Андрей Фёдорович. Дети погодки — дочь и сын — окончили соответственно третий и второй классы средней школы, когда грянула война. Отец семейства уже на второй день со своей частью отбыл на фронт, не оставив никакой информации о своём будущем местонахождении. Полевая почта в начале войны ещё не работала. «Настроение у всех было оптимистическое, — вспоминает Леонид Андреевич. — Все считали, что война окончится нашей победой через непродолжительное время, поскольку верили словам из популярной тогда песни: «Красная Армия всех сильней!»» Однако командование и товарищи отца всё же позаботились об эвакуации семьи убывшего командира куда-нибудь подальше от границы, на Восток.

«Нас вместе с другими семьями командного состава посадили в товарные вагоны (теплушки), оборудованные примитивными нарами, несколько таких теплушек прицепили к воинскому эшелону, — рассказывает Леонид Андреевич, — и поезд тронулся. Не прошло и часа — мы только разместились и приготовились к длительному путешествию — как налетели немецкие самолёты. Паровоз загудел, и эшелон стал останавливаться. Начался какой-то кошмар, от которого и сейчас-то по прошествии стольких лет, сердце начинает бешено колотиться и мурашки бегут по коже. Некоторые вагоны запылали сразу. Сквозь пламя и дым люди выпрыгивали из ещё движущегося поезда и бежали, куда глаза глядят, подальше от железной дороги. Мама вытолкнула нас с сестрой из вагона, а сама задержалась, чтобы захватить документы. Кстати, это очень помогло нам впоследствии. Самолёты с чёрными крестами методично делали один заход за другим и сбрасывали бомбы на пылающий эшелон, который оказался к тому же гружёнными боеприпасами. Начали рваться снаряды и мины.

Вокруг свистели осколки и тупо шлёпались в землю пули крупнокалиберных пулемётов, из которых лётчики расстреливали убегающих, обезумевших от страха людей. Не помня себя, я бежал, задыхаясь, за каким-то мужчиной и просил его не оставлять меня. Помню, рядом с железной дорогой проходило шоссе и по нему гнали большое стадо скота. Некоторые бомбы попадали в стадо. Коровы ревели, в воздухе висели части коровьих тел и запах крови, смешанный с запахом дыма и взрывчатки. Налёт длился не менее часа. Не помня себя, я бежал и бежал. Несмотря на то, что впоследствии мне пришлось пережить не один налёт авиации, тот стоит перед глазами и сейчас! Сколько времени я бежал и как далеко не помню. Очнулся — совершенно обессиленным, лежащим на земле. Было тихо, взрывы прекратились. Темнело. Вдали догорали вагоны. Поднялся и побрёл к железной дороге. Нужно было искать маму и сестрёнку! Когда добрёл до остатков эшелона, там уже работали люди. Одни собирали раненых, другие — убитых, третьи приводили в порядок железнодорожное полотно. К раненым и убитым меня не пускали, но я заливался слезами и рвался. Ни мамы, ни сестры не нашёл. Безутешно рыдая, я много раз обошёл место трагедии. Взрослые, как могли, успокаивали меня, жалели. Стало темно. Мамы всё не было. Какие-то военные посадили меня в полуторку, укрыли шинелью и увезли в свою часть на станцию Морозовская, сказав, что примут меры к поиску моей мамы, а пока я поживу у них. Особое участие в моей судьбе принял капитан — командир той роты. К сожалению, мои поиски этого человека после войны ничего не дали. По-видимому, он погиб. Так девятилетним мальчиком я стал красноармейцем — солдатом Красной Армии. Надо сказать, я всегда гордился и горжусь этим почётным званием!

Хочется особо отметить доброту и отзывчивость, присущую тогдашнему русскому человеку. Люди, сами находившиеся в тяжелейших условиях войны, потерявшие свои семьи или не имевшие о них никаких сведений, не могли не откликнуться на чужое горе! Всеми силами старались по-

мочь, человеку, попавшему в беду. Очень жаль, что эти исконные качества русского человека — сострадание и взаимопомощь — под натиском навязываемой нам сегодня западной бездуховной культуры на глазах уходят в прошлое!

Как позже выяснилось, я оказался в девяностом полку связи, подчинённом непосредственно штабу Южного фронта. Боевых действий полк не вёл. Он обеспечивал связь объединений, соединений и частей со штабом фронта, который тогда находился в Каменске.

Добрые русские люди, как умели, подогнали солдатскую форму на мою детскую фигуру — моя одежда после бомбёжки пришла в полную негодность. Официально в то время держать детей при воинских частях не разрешалось. Не раз мой добрый покровитель спасал меня от отправки в тыл в детский дом.

Чем мог я помогал солдатам. Из того периода особенно запомнился тяжёлый для моих детских сил труд по наматыванию телефонного кабеля с больших бабин на катушки телефонистов, устанавливающих временную телефонную связь. После дня такой работы пальцы переставали мне повиноваться! Иногда помогал на кухне: чистил картошку, мыл посуду. Главное — уже тогда я понял, что мирное моё беззаботное детство окончилось, и я должен как все трудиться во имя Победы. Что, по мере моих сил, я и делал, не отказываясь ни от какой работы.

Южный фронт к тому времени стабилизировался. Офицеры полка по служебным делам часто бывали в штабе фронта. Однажды туда приехал и мой покровитель и случайно услышал, что какая-то женщина из политуправления просто извелась в поисках своих детей, пропавших во время налёта на воинский эшелон. Он разыскал её и сообщил, что у него в роте есть мальчик из того самого эшелона. Мама приехала и нашла меня. Сколько было радости при этой встрече, словами не передать! Это надо почувствовать!

Помню, как она, сидя со мной на руках напротив моего спасителя, рассказывала о своих злоключениях.

Счастливая встреча

Потеряв в неразберихе детей, она неряшливая, растрёпанная, с опухшим от слёз лицом, как безумная, долго бродила по окрестностям. Её и принимали за обезумевшую от горя. Какие-то военные из жалости подвезли её до Каменска. Там произошла случайная встреча с ещё одним добрым и отзывчивым человеком — офицером отдела кадров политуправления фронта. Он проникся сочувствием к женщине. Выслушал её исповедь, посмотрел документы, узнал о фронтовике-муже, её профессии и предложил работу фининспектора в политуправлении фронта. Он вселил в неё надежду, обещая помощь в поиске детей, объяснив, что у неё при этом появятся дополнительные возможности для связи с воинским частями фронта. Мама согласилась на предложение, и её надежды оправдались. Благодаря этому человеку, она нашла и меня, и сестру, и мужа. «Должно быть, сам Господь Бог помогал нашей семье! — говорит Леонид Андреевич. — Ведь до сего времени некоторые семьи, разъединённые войной, ищут своих родственников!»

Мама, конечно, взяла меня с собой в Каменск, и мы навсегда распрощались с одним из добрых людей, повстре-

чавшихся на моём жизненном пути! Прощание было трогательным, тёплым, родственным как будто мы предчувствовали, что больше не встретимся!

Как я уже говорил, держать детей в воинских частях тогда не разрешалось. Маме пришлось пойти на нарушение порядка. Она договорилась с командиром роты охраны штаба, и он взял меня к себе на свой страх и риск. Я был строго предупреждён о том, чтобы никому не рассказывал, что поблизости моя мама. Иначе её могли уволить с работы и отправить в тыл, а она не теряла надежды отыскать дочь. Находясь в высоком штабе, она имела возможность связываться с комиссарами воинских частей и узнавать: нет ли у них потерявшейся девочки.

К счастью, в начале лета 1942 года нашлась и моя сестра. Она также приблудилась к какой-то воинской части. Как и в моём случае, её судьбой были озабочены многие люди. Какой-то офицер оказался бывшим сослуживцем нашего отца. Он разыскал часть, в которой служил отец, и одиннадцатилетняя девочка в той неразберихе добралась до неё, где пешком, где на попутном транспорте преодолев более трёхсот километров! Оказалось, что отец слышал о разгромленном воинском эшелоне, предполагал, что там могли быть и мы, пытался отыскать наш след, но безуспешно. Не имея возможности держать дочь при себе, отец, снабдив её всем необходимым в дороге, отправляет её к своей сестре в Ворошиловград. Но сестра опять попадает под бомбёжку, теряет продукты и вещи. Её подбирают солдаты и отправляют в тыл. В результате она оказывается в Саранске. Маму не покидает надежда, она активно продолжает разыскивать дочь и мужа. Наконец на одно из её многочисленных писем откликается комиссар какой-то части. Он сообщает, что её дочь находится у них. Так всесильная материнская любовь, вера в людей и настойчивость помогли ей найти детей. Позже она нашла и мужа.

Как и в роте связи, в комендантской, я также был тепло принят солдатами. Они жалели меня, старались, как могли, чем-нибудь побаловать, облегчить мою солдатскую жизнь.

И здесь я делал всё, что скажут старшие: чистил картошку, мыл посуду на кухне, снимал густую смазку с оружия и боеприпасов, прибывающих с заводов. Когда появились раненые, ухаживал за ними. Постоянно общаясь с оружием, личного я, конечно, не имел. И из расположения части выносить не имел права. «Оружие — не игрушка! — объясняли мне мои воспитатели. Оно призвано убивать врагов. В руках же неумелого и подлого человека оно может принести большое горе!» С тех пор я хорошо усвоил эту истину.

Летом 1942 года немцы надавили — им была очень нужна кавказская нефть — наш фронт дрогнул и попятился к Сталинграду. Штаб фронта с политуправлением и комендантской ротой стали отодвигаться на Восток. В то время, когда штаб находился невдалеке от Туапсе — в селе Вишнёвое — произошли два события, о которых хочется вспомнить особо.

Надо сказать, что Леонид Ильич Брежнев — будущий глава Советского государства — в 1942 году занимал должность заместителя начальника политического управления Южного фронта. Моя мама по делам службы с ним часто встречалась, и они были хорошо знакомы. Да и женщиной она была интересной во всех отношениях, и не замечать её было просто нельзя. Я же при политуправлении жил инкогнито и старался меньше попадать на глаза начальства. Может быть, и видел его — не помню! Среди множества генералов он не был заметной фигурой. Но когда он стал начальником политического отдела восемнадцатой армии, готовящейся к высадке на «малую землю», я видел его часто. Леонид Ильич занимался чисто политической работой: пропагандой, агитацией, поднятием боевого духа войск, приёмом в партию и т.д. Он часто появлялся в частях и подразделениях, беседовал с солдатами, объяснял важность и сложность возложенной на них задачи. Человеком он слыл простым, доступным и общительным, но в то время, повторяю, ничем особенно не выделяющимся. Его звезда взошла позже. О последующих встречах с Леони-

дом Ильичом расскажу позднее в соответствии с хронологией событий моей жизни.

Другим событием, произошедшим в то время, была моя встреча с будущим маршалом авиации Савицким.

Штаб фронта, политуправление, а при нём и я — двенадцатилетний воспитанник войсковой части — располагался на высоком, обрывистом берегу Чёрного моря. Помнится, был ветреный, холодный и сумрачный осенний день. Море бушевало. Трёхметровые волны, увенчанные белой пеной, с грохотом обрушивались на земную твердь и, огрызаясь, как дикие звери, откатывались в бессильной злобе. Низкие облака оплакивали густо политую людской кровью землю. На горизонте показался советский транспорт. Он двигался из Батуми с боеприпасами, продовольствием и прочим военным снаряжением на помощь нашей обороняющейся здесь армии. В штабе его ждали с нетерпением — боеприпасы были на исходе. Пароход был уже хорошо виден, когда из облаков вынырнула группа крестоносных Юнкерсов и, выстроившись в очередь, друг за другом, начала бомбить практически беззащитное судно. Сбросив бомбу, очередной самолёт заходил на второй и третий круг. В воздухе возникла своеобразная карусель. Бомбы поднимали фонтаны воды вокруг маневрирующего судна. Но вот одна из них, видимо, попала в особо уязвимое место, и транспорт стал терять ход. Уткнувшись носовой частью в прибрежную мель, он замер. Корма стала на глазах погружаться в воду. Стараясь уничтожить не только транспорт, но и груз, стервятники набросились на него с ещё большей яростью. Мы с приятелем — таким же воспитанником — наблюдали картину гибели судна с высокого берега. От бессильной ненависти к фашистам наши кулаки сами сжимались до боли, сердца бешено колотились, затрудняя дыхание, горло перехватило от глотаемых слёз. Оставалось только надеяться на помощь наших истребителей. В то время фашисты ещё господствовали в воздухе, и наша авиация была малочисленной. Как будто сам бог услышал наши мольбы — в небе возникла пара советских краснозвёздных, тупо-

носых ястребков «ЯК –ов». Солдаты их называли «ишачками». Ведущий лётчик сразу пошёл в атаку на ближайший Юнкерс. Ведомый самолёт как привязанный следовал за ним, прикрывая хвост. Сразу загорелся и стал падать в море первый фашист, за ним второй. Нашему восторгу не было предела. Во всю силу своих ещё детских лёгких мы громкими криками приветствовали очередную победу. Через какое-то время появились немецкие истребители прикрытия бомбардировщиков. Они волчьей стаей набросились на нашу ведомую машину и оттеснили её от ведущей. Воспользовавшись незащищённостью задней полусферы, одному из атакующих фашистов удалось поджечь наш ястребок. Он задымил и, оставляя за собой чёрный шлейф, стал падать в море. От него отделилась чёрная точка, затем над ней возник белый зонтик парашюта. Лётчик, как нам казалось, стал медленно — медленно опускаться. Немецкие истребители сделали несколько, к счастью, неудачных попыток расстрелять нашего пилота в воздухе, затем бросили его и ввязались в бой с другими «ишачками», неожиданно возникшими из-за горного хребта.

Мы с приятелем, понимая бедственное положение сбитого пилота, не раздумывая, кубарем скатились с обрыва на песчаный берег. Там, полузатопленная волнами, покачивалась рыбачья лодка. Откуда только у мальчишек взялись силы, раскачивая с боку на бок, отчасти освободить её от воды. Уже через несколько минут промокшие до нитки, пронизываемые насквозь шквалистым ветром мы изо всех сил гребли к месту предполагаемого приводнения лётчика. И ведь успели. В меховом лётном костюме и собачьих унтах он недолго бы продержался на воде. С огромным трудом втащили отяжелевшего человека в лодку и благополучно доставили на берег.

Всё это время над нами шёл ожесточённый воздушный бой, и невдалеке рвались бомбы — фашисты добивали полузатонувшее судно. Но в то время не было ни капли страха за свою жизнь в наших ещё совсем детских сердцах. В них жило только чувство долга перед советским лётчи-

ком, сочувствие человеку, попавшему в беду. Это чувство долга перед обществом, в котором живёшь, сочувствие, соучастие, сопереживание по отношению к соплеменникам генетически передаётся от далёких предков русским людям. Кстати, о генетической памяти народа, называя этот феномен «коллективным бессознательным» много говорил известный психоаналитик Юнг ещё в девятнадцатом веке! Голос этого укоренившегося чувства русских людей можно на время заглушить, но его никогда не удастся убить совсем. В сегодняшней информационной войне врагам нашего народа порой удаётся добиваться победы. Но эти победы временные, частные. Вся история России свидетельствует о том, что страна наша после очередного нашествия врагов, как легендарная птица Феникс, всегда возрождалась из пепла и становилась, назло врагам, ещё более могучей, чем прежде!

В том далёком 1942 году мы даже не поинтересовались, кем был спасённый лётчик: ни его воинским званием, ни фамилией. Мы спасали просто советского воина, человека!

Прошло много лет. Я учился, служил Отечеству, стал генералом, членом Верховного Совета, депутатом двадцать шестого съезда КПСС. И именно на съезде произошла удивительная встреча с человеком, которого подростком спасал из беды.

В перерыве между заседаниями, стоя в фойе Кремлёвского дворца съездов, случайно услышал разговор нескольких генералов. Все они были в лётной форме, видимо, старые знакомые и оживлённо вспоминали давно минувшие дни Великой Отечественной войны. Вдруг прозвучало название знакомого села: «Вишнёвое». Я прислушался. Далее последовал рассказ о неудачном для одного из разговаривавших воздушном бое над Чёрным морем, в районе этого памятного и мне села. Рассказывал известный всей стране человек — маршал авиации Савицкий. По окончании беседы я подошёл, представился и сказал, что одним из его тогдашних спасителей — мальчишек — был я. Маршал крепко, по-мужски обнял меня и поцеловал. По-

том мы долго вспоминали те далёкие годы и события, тех советских людей, с которыми нас свела война, и тот сплочённый, действительно единый советский народ, победивший в 1941 –1945 годах, по сути, всю Европу.

Однако вернёмся в тот теперь такой далёкий тревожный 1943-й год. Где-то весной начали активно готовить штурмовые батальоны для высадки на «малую землю». Как и всякий мальчишка тех лет, да ещё и прижившийся в армии, чувствующий себя солдатом, я жаждал подвига. Как и всех советских людей меня вдохновляли и звали в бой с ненавистными фашистами выразительные плакаты тех лет: матрос с гранатой в руке, в бескозырке с развивающимися ленточками и ожесточённым лицом, смело бросающийся на вражеский танк; солдаты в матросских бескозырках и виднеющихся из-под гимнастёрок тельняшках, с винтовками наперевес, идущие в штыковую атаку (немцы не без основания звали их «чёрной смертью»!); молодой офицер с наганом в руке, своим личным примером поднимающий цепь солдат. Эти герои смотрели на нас с каждой стены, призывая к подвигу. Очень силён был в те годы дух не только солдат, но и всего советского народа! В том числе и детей войны. Хорошо сказал по этому поводу Владимир Высоцкий: «ребятишкам хотелось под танки!» О подвигах детей той войны много написано. Жаль, что читателей сегодня мало! Ну а нынешние СМИ полностью игнорируют эту страницу нашей истории. В результате нынешняя молодёжь уже ничего не знает о подвигах Александра Матросова, Лизы Чайкиной, Зои Космодемьянской, Леонида Гастелло, героях-краснодонцах! А ведь, чтобы быть патриотом, готовым защищать свою Родину, надо знать и гордиться своими предками! Политика нынешних властей в области воспитания патриотизма заслуживает только осуждения! Как очевидец и офицер скажу: мы бы не выиграли той войны, если бы в народе не было того высокого патриотизма, того боевого духа!

В общем, в свои двенадцать лет я очень хотел походить на героев. Из роты охраны я перешёл в один из штурмовых

батальонов и однажды уже с тральщика, который перевозил бойцов через пролив, меня снял какой-то комиссар. Уж очень я не походил на настоящего матроса в бушлате, сшитом на взрослого человека! Он висел на мне как на вешалке.

Позднее часть штурмовых батальонов перенацелили на обход противника по суше. Батальон, в котором был я, в мае 1943 года брал Краснодар. Принимать участи в боевых действиях мне, конечно, не разрешалось. Мал был!

Запомнился прошедший сразу после освобождения Краснодара суд над изменниками и прихвостнями фашистов. Все они были приговорены к смерти через повешение. Казнь осуществлялась на городской площади при большом стечении народа. Жалости к предателям Родины никто не испытывал. «По делам их судите их!» — сказано ещё в Библии. Думаю, что публичная казнь служит хорошим предостережением для потенциальных изменников и предателей!

После освобождения Краснодара Южный фронт разделился. Я оказался в составе четвёртого Украинского. Он освобождал Керчь, Севастополь и двинулся дальше вдоль Чёрного моря на Запад. Я очень гордился тем, что выглядел настоящим солдатом в форме, правда, без погон и оружия. В 1944 году вышли к границе СССР. Запомнилось мне и вручение первой моей награды.

Где-то уже у самой границы построили наше подразделение. Я стоял в строю вместе с взрослыми солдатами и офицерами. Командир полка, сказав добрые слова благодарности, всем вручил медаль за оборону Кавказа. Я чувствовал себя героем, причастным к нашим победам. Не уставал любоваться своей медалью. Даже носил её поверх шинели. Тогда, да и сразу после войны, кстати, так многие делали и на фронте и в тылу. Позже я получал и другие награды Родины, по статуту выше первой, но именно первая была для меня самой значимой и дорогой! В советской системе ценностей медаль, орден были ценностью более значимой по сравнению с денежной премией. Уж не говоря о

том, что деньги не являлись высшей ценностью, как ныне — при капитализме. Советские люди гордились наградами. Награда поднимала социальный статус человека, ибо свидетельствовала о его заслугах перед обществом! Разве это не справедливо!? Это значительно позже изменилось отношение к человеку в военной форме, к самой форме и наградам. Люди стали стесняться и военной формы и наград! Ангажированные новыми хозяевами жизни в России СМИ изменили систему ценностей народа в интересах жалкой кучки «доброхотов» и их зарубежных наставников. Я же, как и многие люди из моего поколения, помню другие времена, когда солдат (в широком смысле!) да ещё отличившийся в боях за Родину был первым человеком в нашем обществе! Кстати, так было во все времена и у всех народов и так будет! Ибо, что может быть важнее и почётнее, чем защищать от врагов свою Родину, свою землю!

В 1945 году в Чехословакии произошла моя встреча с отцом.

Стою я на перекрёстке дорог — наша колонна пропускает другую — мимо проезжает Виллис. Вдруг он остановился и попятился. Из него выходит высокий стройный полковник. Подходит ко мне и говорит дрожащим от волнения голосом: «Лёня, ты не узнаёшь меня!? Я же твой папа!» Затем пытается меня обнять и поцеловать. Я даже отпрянул от неожиданности. В первый момент я действительно не признал в этом человеке отца. Ведь прошло четыре года, да, к тому же, военных, которые можно приравнять к двенадцати мирных лет! Не даром дети войны быстро взрослели!

Связь с мамой я к этому времени потерял, жил при воинской части вполне самостоятельно. Отец, договорившись с моими командирами, взял меня к себе. Так и встретил я день Победы в Германии в дивизии отца.

Надо сказать, что мама, как это не редко тогда случалось, в 1943 году получила на отца ложную похоронку. К счастью, он оказался живым. В то время он тяжело раненым лечился в госпитале в Сочи.

Говорят, что чудес не бывает, но вот какую истории, связанную с этой похоронкой рассказывал отец.

Во время одного из авиационных налётов в командный пункт полка, которым тогда он командовал, попала бомба. Большинство из тех, кто там находился, погибли. Полк, по сути, лишился управления. После налёта похоронная команда собрала трупы, выкопала братскую могилу. Всё было подготовлено к торжественным похоронам. Тела убитых стали переносить к могиле. «Чувствую, — рассказывал отец, — что меня положили на плащ-палатку и куда-то несут. Положили на землю. Слышу, как рядом со мной переговариваются люди. Потом стали произносить прощальные речи. Поминают добрыми словами погибших, в том числе и меня. Клянутся отомстить фашистам. Всё слышу, но ни слово сказать, ни пошевелиться не могу. Ни язык, ни тело мне не повинуются. Так бы и похоронили, если бы стоящая рядом со мной медицинская сестра не заметила, как из моего глаза выкатилась слеза. Видимо, у меня от сильного нервного напряжения сработала железа, управляющая слёзовыделением. К счастью, сестра знала, что у мёртвых слёзы не текут. Спохватились. Отнесли меня в медсанбат, затем на самолёте доставили в госпиталь в Сочи. Там отходили. Оказалось, что я был сильно контужен, а штабной писарь поспешил и отправил похоронку».

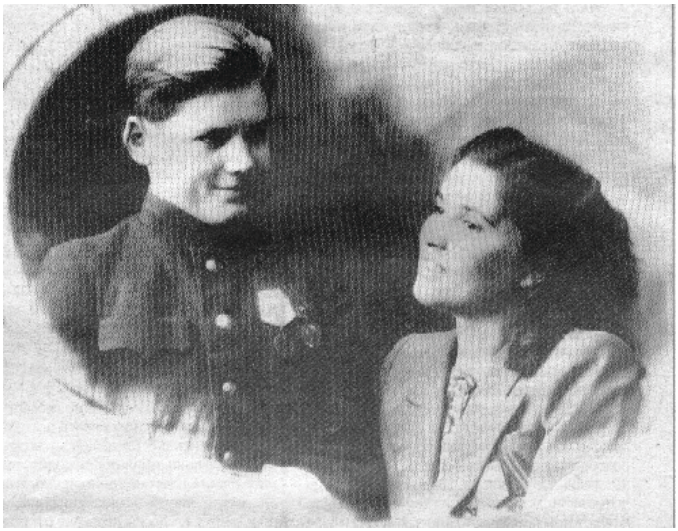
После войны отец получил генеральское звание. В 1947 году дивизия была передислоцирована в Подмосковье. Штаб расположился в Маршанске под Тамбовом. Там наша семья полностью воссоединилась и военный комиссар Маршанска вручил всем нам медали За победу над Германией.

В том же году без скандалов, шума и взаимных упрёков родители развелись. Мы с сестрой решили остаться с мамой и уехали в Тбилиси, где у мамы жили хорошие знакомые. Отец обещал оказывать детям помощь и поддержку до нашего становления на ноги и слово сдержал. Правда, связь с ним после развода мы практически потеряли.

Тогда же, уже в Тбилиси, у нас с сестрой возникла школьная проблема.

Все четыре года войны посещать школу мы не имели возможности, 1945-й и 1946-й годы жили в Германии, где русских школ тогда не было. Конечно, в последние два года самообразованием с помощью родителей мы как-то занимались. Но формально в 1947 году нам с сестрой следовало бы идти в третий и четвёртый классы соответственно. Но мы были переростками: мне было около шестнадцати лет, а сестре — семнадцать. Сидеть за одной партой с ребятами десятилетними было как-то неудобно! Мы решили, что нужно поступать хотя бы в седьмой класс. Пропущенный школьный материал осилим самостоятельно. Однако школьное руководство воспрепятствовало. Требовались формальные доказательства нашего участия в войне. Никаких справок у нас не было, поскольку отдавать приказом по части, как военнослужащих, нас, не достигших четырнадцати лет, запрещал Закон. Помогли военные медали «За оборону Кавказа» и особенно «За Победу над Германией» с изображением лика Сталина, которого в Грузии боготворили. Надо сказать, что медали «За Победу над Германией» давали не всем сразу участникам войны, а постепенно. В первую очередь её получили люди, служившие в действующей армии. Позже — все, кто в эти годы проходил военную службу. Так что дирекция школы и учителя, не говоря уж об учениках, их впервые увидели у нас. Это произвело должный эффект. Все они и учителя, и ученики внимательно рассматривали наши награды, восторгались, цокали языками, а некоторые даже целовали! Нашему поступлению сразу в седьмой класс поспособствовало также наше знание немецкого языка, который, живя в Германии, мы неплохо освоили.

Конечно, учиться, особенно вначале, было трудно, но, что такое трудности школьные по сравнению с пережитыми военными! В итоге школьную программу мы освоили и получили аттестаты зрелости одновременно со своими сверстниками в 1949 году!

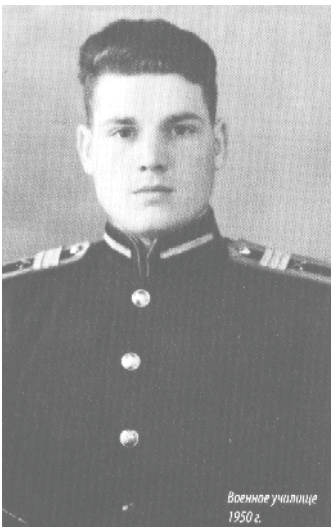


Окончена средняя школа

Мою военную судьбу определила война. После окончания школы колебаний в выборе профессии не было — поступаю в Тбилисское артиллерийское училище, и жизнь посвящаю служению Отечеству с оружием в руках! Но по существовавшему тогда положению в военные училища принимались юноши, достигшие восемнадцатилетнего возраста. Мне же к моменту подачи документов до восемнадцати лет не хватало несколько месяцев. Документы в училище не приняли. Выручила мама. Она написала письмо командующему артиллерией Советской Армии маршалу артиллерии Воронову. Вкратце описала моё военное детство, подчеркнула моё огромное желание служить Отечеству и попросила его содействия. И, представьте себе, через некоторое время мне присылают приглашение к начальнику училища. Генерал Белов встретил меня очень радушно. Поинтересовался подробностями моей военной эпопеи. В заключение беседы сказал: «Ты заслужил, несмотря ни на что, право учиться в училище. Тому свидетельство — твои награды! Сдавай документы, поступай и

учись! Я дам соответствующие указания! Желаю тебе хорошей военной карьеры!»

Так я стал курсантом. Учился прилежно, к воинской дисциплине давно привык. Она меня совсем не угнетала. Строгий порядок жизни мне даже нравился. Учитывая мой военный опыт и успехи в учёбе, вскоре мне было присвоено воинское звание «сержант» и я был назначен помощником командира взвода. Уже в училище на этой должности получил неплохую практику управления людьми.



Сержант Виноградов

В училище вступил в комсомол. Я много лет прожил в Грузии и могу сказать, что там всегда существовало какое-то неприятие всего русского, национализм, даже шовинизм — ощущение превосходства грузинской нации. Отсюда и отрицательное отношение к комсомолу, как одному из русских начинаний. Вступление школьников в комсомольскую организацию, мягко говоря, не поощрялось даже учителями! Особенно эта антисоветчина проявилась после выноса по инициативе Хрущёва тела И.В. Сталина из мавзолея. Многие тогда ожидали даже открытых выступлений грузинских сепаратистов. Очень сложная была

обстановка. Сегодня этот грузинский шовинизм и сепаратизм проявился во всей красе!

Однако вернёмся в 1952 год, когда я по первому разряду окончил Тбилисское артиллерийское училище. Первой моей офицерской должностью была должность командира батареи управления артиллерийского полка, дислоцированного в Тбилиси. Батарея была не из лучших. Отличалась разболтанностью личного состава, самоволками, пьянками и т.п. Училищные друзья предупреждали: «Ты на этой батарее сломаешь шею и загубишь свою карьеру!» Дело осложнилось ещё и тем, что после смерти Сталина была объявлена крупная амнистия и многие заключённые получили свободу. Мало того, вышло Постановление правительства: тех их них, кто не служил в армии, призвать на службу. Мне в батарею дали четырнадцать бывших зеков. Все они были переростками, часто старше меня по возрасту. К счастью, среди них оказался бывший колхозник по фамилии Левчишин, получивший срок, как тогда говорили «за колоски», то есть совершивший какое-то незначительное хозяйственное нарушение закона. Парень пользовался большим авторитетом, хотя на уголовника и не походил ни внешним видом, ни манерами поведения — простой, здравомыслящий парень! Я назначил его старшиной батареи, и он на всё время своей службы обеспечил строгий воинский порядок. Я увидел в нём Человека, доверился ему, и он по достоинству оценил это доверие! До сих пор вспоминаю его заботу обо мне — молодом лейтенанте, когда, скажем, мне на наблюдательный пункт, с которого я корректировал огонь батарей полка на полигоне, рискуя попасть под обстрел, ползком, солдаты доставляли обед! Левчишин помог мне заслужить благодарность командира полка: «Вот, — сказал как-то на совещании заслуженный, прошедший огонь войны, опытный полковник, — учитесь у Виноградова. Даже при наличии большого количества недавних зеков, он сумел вывести батарею в передовые!» Конечно, я был очень горд похвалой уважаемого человека.

После службы Левшин уехал на родину, куда-то в Сибирь. Мы переписывались лет пятнадцать. Потом переписка прервалась.

В 1954 году мне предложили возглавить комсомольскую организацию родного Тбилисского училища. Я не мог не согласиться. С моей стороны это было бы проявлением неблагодарности. К тому же надеялся получить опыт политической организаторской работы. Два года работал в комсомоле, но меня тянуло «на передний край», в войска.

1955–1957 годы командовал укрепрайоном на границе с Турцией. Укрепрайон представлял собой несколько ДОТов, артиллерийских орудий и пулемётов. Этими силами мы должны были в своём секторе сдерживать возможное нападение турок до подхода основных войск.

В 1957 году в нашу дивизию пришёл приказ Министра обороны СССР о новом порядке приёма офицеров в Академии. Отныне кандидатом для поступления мог быть офицер, окончивший нормальное трёхгодичное училище, имеющий достаточный опыт работы, в возрасте не старше двадцати семи лет. По этим критериям единственным кандидатом мог быть только я. Тогда большинство офицеров были участниками войны, то есть не подходили по возрасту, и не имели за плечами нормального училища.

Мне повезло! В 1957 году я стал слушателем юридического факультета Военно-политической Академии имени В.И. Ленина. Академия давала много интересных знаний из различных гуманитарных наук, существенно расширяла кругозор. Учиться было интересно. Но работа следователя или прокурора меня не прельщала. Особенно остро я это почувствовал после прохождения практики в должности военного следователя. Тогда же решил после окончания Академии, уже имея некоторый опыт, проситься на политическую работу.

На комиссии по распределения выпускников Академии в 1961 году сказал о своём желании. Меня соблазняли должностью заместителя прокурора в Тбилиси, где жила мама, но я был твёрд и своего добился: был назначен за-

местителем командира части по политической работе в Заполярье.

Вскоре после выпуска произошла моя вторая встреча с Леонидом Ильичом Брежневым. Произошло это так.

Получив диплом и предписание после отпуска явиться для дальнейшего прохождения службы в часть, я поехал к маме. При встрече шутливо представился: «Капитан Виноградов, дипломированный юрист, прибыл на побывку домой!» Как и всякая мать, она была обрадована успехами сына. И тут ей пришла идея, как старому знакомому, представить меня Леониду Ильичу: «Давай попросимся на приём! Хочется верить, что он мне не откажет! Думается, и ему будет даже интересно узнать, что стало с тем мальчиком, о котором он от меня слышал в 1943 году!» Она была умная женщина, по-видимому, ей самой хотелось узнать, как изменился этот человек, получив огромную власть. Брежнев тогда был Председателем Президиума Верховного Совета СССР — формально главой нашего государства! На правах бывшего сослуживца, она написала письмо Брежневу с просьбой об аудиенции. Через некоторое время получает ответ: назначено место и время встречи! Приходим. В приёмной нас встречает Голиков — помощник Леонида Ильича ещё со времён войны. Предупреждает о большой занятости Брежнева, просит беречь его время и ограничить встречу восемью минутами. Входим в кабинет, Леонид Ильич поднимается, и идёт навстречу с протянутой для приветствия рукой. Обнимается и целуется с мамой, дружески треплет меня по плечу: — Смотри-ка, каким стал тот мальчик! Совсем взрослый, капитан, Военно-политическую Академию закончил! Растёт наша достойная смена! Рад, рад за Вас, Мария Максимовна, и за нашу страну тоже! Очень нам нужны грамотные и преданные нашей идее люди! Куда назначен для прохождения службы? — Еду замполитом части в Заполярье! — Правильно! Начинать нужно с самого трудного!

И они оживлённо заговорили с мамой, вспоминая общих знакомых и их судьбу. Я в их разговор не вмешивался.

В заключение Леонид Ильич поинтересовался у мамы: не нуждается ли она в чём-либо. Мама ответила отрицательно. — Если будут неразрешимые проблемы, обращайтесь Мария Максимовна, не стесняйтесь! Мама поблагодарила. Мы попрощались. Аудиенция была окончена. Леонид Ильич произвёл на меня самое благоприятное впечатление: показался человеком скромным, простым и доступным. Я не почувствовал его высокого положения, оторванности от своего народа! В конце-концов, кто мы были с мамой такие!? Часть, в которую я был назначен, обеспечивала сохранность режима секретности на специальном объекте. С людьми быстро сошёлся, нашёл общий язык и с офицерами, и с солдатами. Работа пошла хорошо. Мы успешно выполняли свою задачу. Через полгода мне — молодому капитану — была предложена должность заместителя командира мотострелкового полка по политической части. Полк дислоцировался в Вологде. В этом полку прослужил до 1967 года. Кроме повседневной политической работы в этот период затратил много сил и времени на создание музея своей заслуженной, награждённой боевыми орденами в годы Великой Отечественной войны, дивизии. Так сказать, оставил память о себе! Правда, в 1964 году произошёл незначительный казус. Из-за бюрократизма и бездушия начальника политотдела дивизии сорвалось моё поступление в Военно-дипломатическую Академию — моя заветная мечта. Обиженный, я даже написал рапорт по команде с просьбой уволить меня из Вооружённых Сил. Но благодаря встрече с умными и отзывчивыми людьми, моими тогдашними начальниками, инцидент был исчерпан, и я продолжил службу.

В войсках ленинградского военного округа я стал начальником политотдела мотострелковой дивизии.

В 1977 году вместо предполагаемого перевода в Группу советских войск в Германии я оказался в Эфиопии заместителем главного советского военного советника при руководстве этой страны. В то время мы — Советский Союз — по мере сил поддерживал возникавшие тут и там по

всему Миру ростки социализма либо просто стремление народов избавиться от колониального ига. Уверен, что решали гуманную задачу!

В Эфиопии шла гражданская война. В стране, и особенно в столице Адис-Абебе, — полная неразбериха. И в это время на неё нападает соседнее государство — Сомали. Сомалийцы уже захватили значительную часть Эфиопии. Армия же эфиопов представляла собой нечто вроде Запорожской сечи — обоз с семьями, домашним скарбом и скотом. Вооружение средневековое, вплоть до копий и луков. Ускоренными темпами, день и ночь в специально отведенных местах советские военные советники готовили первые современные стрелковые батальоны, первые артиллерийские, танковые и зенитные подразделения. Создавали боевой флот республики. Существенную помощь оказывали кубинские товарищи, пришедшие из Анголы. Через семь месяцев созданные нами эфиопские войска нанесли первое поражение сомалийцам и гнали их до самого Индийского океана. Потом мы помогали правительству бороться с сепаратистским движением, так называемым национально-освободительным движением, находящимся на содержании у США, затем в Эретрее — на юге страны. В целом, с нашей помощью целостность Эфиопии была сохранена! Наши потери составили около пятидесяти человек. На войне всегда существует риск. Приходилось вновь побывать под артиллерийскими обстрелами и бомбёжками, увидеть кровь, смерть и разруху. Но Бог миловал! Был случай, когда сепаратисты, чтобы использовать в качестве заложника, украли нашего офицера. Целый месяц мы разыскивали его по саванне и горным ущельям. Побывал в таких селеньях, где люди сегодня носят только набедренные повязки и вооружены только копьями. Когда садился вертолёт, они кидались на землю от страха и молились своим богам! Но это были люди, и их нужно было спасать из современного рабства! В критических ситуациях иногда, конечно, приходила мысль: «Ради чего мне умирать здесь, в Эфиопии?» Но такие мысли мгновенно исчезали, когда видел людскую бла-

годарность за нашу помощь! Сейчас это кое-кому кажется наивным и даже смешным. Многие стали космополитами, эгоистами, считающими, что жить надо для себя и там, где жизнь в материальном отношении более комфортна! Это бездуховная, вредная и опасная позиция!

Деловая беседа с руководством Эфиопии

В 1979 году вернулся на Родину. За участие в боевых действиях Правительством СССР был награждён орденом Красного Знамени.

В 1980 году был назначен членом Военного Совета четвёртой Бакинской армии, стал генералом. Эта армия охраняла южную границу СССР. В то время там бывали сложные пограничные конфликты. Приходилось улаживать. В соседнем воюющем Афганистане тоже приходилось бывать. Посылали, как имеющего эфиопский опыт. Афганская война была особенная: без линии фронта и окопов. Вот мирно скребёт свою землю крестьянин сохой, только ты отвернулся, а он достаёт винтовку и стреляет тебе в спину! Я уж не говорю об удавках, которые набрасывали нашим офицерам на шею «мирные жители»!

Здесь уместно рассказать ещё о двух моих встречах с Леонидом Ильичом Брежневым.

Третья по счёту встреча состоялась в 1981 году на XXVI съезде КПСС в кремлёвском дворце съездов. Съезд ра-

ботал восемь дней, было много заседаний с участием Генерального секретаря ЦК КПСС. Между заседаниями он выглядел уставшим, и я не решился напомнить о себе. Однако уверен, что он бы не отказался от личной беседы. В отличие от нынешней, демократической, Советская власть была много ближе к народу, на него опиралась и отражала интересы большинства населения. Тогда реализовался принцип «Справедливость в большинстве» в отличие от нынешнего — «Справедливость в меньшинстве».

Последняя встреча состоялась осенью 1982 года. По-видимому, в связи с афганскими событиями Брежнев решил встретиться с военным и гражданским руководством районов, примыкающих к афганской границе. На Бакинском аэродроме Генерального секретаря встречали с почестями, музыкой и цветами. Я рискнул обратиться к начальнику его охраны генералу Саенко с просьбой о личной встрече с главой партии. У меня было, что ему сказать. За два часа до официальной встречи с военным руководством меня пригласили. Прибыл в резиденцию. Вошёл в кабинет. Он тяжело поднялся навстречу, протянул руку. И…я увидел, что он не воспринимает меня. Передо мной был очень старый, уставший от жизни и больной человек. Я начал с напоминания о его знакомстве с моей мамой во время войны. Он сказал, что Марию Максимовну помнит. Спросил, как мне служится. Задал ещё несколько общих, ничего не значащих вопросов. Беседа не клеилась. Она была совсем не такой, какую я ожидал. Саенко показал мне знаком: «Кончай!» Я поднялся, попрощался и вышел.

Надо сказать, что через час на официальной встрече с военным руководством Брежнев выглядел совсем иначе. В президиуме сидел подтянутый, бодрый, оживлённый и весёлый человек! На последующих концерте и банкете он тоже выглядел вполне адекватно. И куда только девалась виденная мной недавно дряхлость! Должно быть, в последнее время его в официальной обстановке поддерживали в нормальном состоянии какими-то сильно действующими средствами.

На следующий день мы его провожали на аэродром. Это был опять совсем другой человек. Его под руки поддерживали двое помощников. Он еле-еле переставлял ноги! Через пару месяцев Леонид Ильич умер. А ведь известно, что он неоднократно просился в отставку, но члены политбюро убеждали его не спешить. Кому-то было выгодно, чтобы он формально оставался у руля государства. Ещё древние знали: короля делает свита!

В целом о Леониде Ильиче Брежневе у меня осталось самое хорошее впечатление, как о человеке, так и о руководителе. Это нынешние ангажированные новыми хозяевами России СМИ делают из него посмешище, а время его правления называют застойным. Не было никакого застоя! Тот «застой» сделал бы сегодня счастливыми миллионы людей!

Наверное, служил я на своём посту неплохо, если в 1986 году мне предложили должность начальника общевойскового факультета — заместителя начальника родной Военно-политической Академии им. В.И. Ленина. Накопил опыт, было чем поделиться с молодыми офицерами! Что я по мере своих сил и делал до конца службы.

В 1992 году по возрасту я был уволен из Вооружённых сил. Надеюсь ещё успеть самое сокровенное передать молодому поколению. Хотелось бы, мобилизовать ветеранов надеть ордена, с гордо поднятой головой внимательно оглядеться вокруг, собрать все силы и употребить их на поднятие, увы, падающего патриотического духа нынешней молодёжи! Вот это и считаю своей главной задачей на последнем этапе жизни».

Добавим, что Леонид Андреевич и, выйдя в отставку, остался верен выбранной в юности военной профессии. Сегодня он председатель Совета ветеранов войны, труда, Вооружённых Сил и правоохранительных органов Пушкинского района Санкт-Петербурга. Активно участвует в жизни сегодняшней Российской армии, ведёт большую патриотическую работу. Совет под его руководством помогает ветеранам пережить нынешние трудные времена.

ЕМУ ПОКРОВИТЕЛЬСТВОВАЛИ ЕГИПЕТСКИЕ ФАРАОНЫ

Кандидат военных наук генерал-майор Носков Георгий Иванович, участник боевых действий Советской Армии в Египте 1970–1971 годов, кавалер ордена Красной Звезды и ордена За службу Родине, а также многих медалей, родился в 1936 году в селе Тарасовка Цюрупинского района Херсонской области в семье колхозника.

Отец Иван Иванович, колхозный механизатор, перед началом Великой Отечественной войны был призван на военную службу. Война застала его корабельным матросом в Одессе. Потом был боевой переход советских кораблей под непрерывной бомбёжкой немецкой авиации в Севастополь, ожесточённая борьба за героический город в составе морской пехоты, которую фашисты за её бесстра-

шие окрестили «черной смертью». Окончил Иван Иванович войну в Вене. За проявленное мужество и отвагу был награждён орденом Красной Звезды и медалями за взятие городов, оказавшихся на пути к Вене. Вернувшись в родное село, всю оставшуюся жизнь работал в колхозе.

Мать Вера Степановна — рядовая колхозница — родила, сохранила в трудные годы оккупации и воспитала настоящими советскими людьми двух сыновей, младший из которых поныне живёт в Тарасовке и крестьянствует.

Георгий Иванович, несмотря на нежный в те годы возраст, хорошо помнит оккупацию своего села: насилие, грабежи населения, алчность вначале немцев, затем румын. Особенно бежавших под ударами Советской Армии горе вояк-румын, по пути на родину обиравших беззащитное население «до нитки». В том же памятном 1943 году мальчик Жора Носков пошёл в школу. Время было военное, холодное и голодное, всем жилось трудно, но школа в селе (хотя и очень маленькая, и занимались в одном помещении одновременно два класса, и букварь был один на троих учеников, и тетрадей не хватало!) исправно работала, и все дети постигали азы грамотности в отличие от нынешних «демократических» времён, когда даже по официальным данным два миллиона детей школу не посещают! Семилетний мальчик хорошо запомнил свою первую учительницу строгую и добрую Надежду Никитовну, давшею ему самые первые уроки русской грамоты и благословившую на овладение знаниями в течение всей дальнейшей жизни. Семья, школа, пионерская и комсомольская организации, весь образ тогдашней советской жизни — воспитывали у молодого поколения коллективизм, исполнительность, трудолюбие и целеустремлённость — качества необходимые для процветания общества!

Жизнь в селе постепенно налаживалась, школа была отстроена и стала семилетней. В те времена существовало понятие «неполное среднее образование». После окончания семилетки ученики получали специальное свидетельство, дающее право на поступление в средние специаль-

ные учебные заведения. Юноша сделал попытку поступить в машиностроительный техникум в Херсоне, успешно сдал вступительные экзамены, но жизнь в Херсоне не пришлась по душе вольностью нравов тогдашней послевоенной городской молодёжи. Это обстоятельство вместе с тоской по родным заставили его вернуться домой и продолжить учёбу в средней школе. Учился он прилежно, особенно увлекался точными науками. Именно математика научила его настойчивости в достижении поставленной цели — решению казавшихся по началу неразрешимыми задач, воспитала важное качество необходимое будущему командиру! Послевоенные бытовые трудности заставляли молодёжь рано взрослеть, задумываться об окружающем, искать своё место в жизни. Отец, имевший военный опыт, посоветовал сыну связать судьбу с армией. Артиллерия же солдату войны казалась самым перспективным оружием. Кроме того, отец учитывал и особое пристрастие сына к математике. В патриархальной сельской семье в те годы слово отца было законом для детей, и Жора после окончания школы едет в Одессу поступать в Артиллерийское ордена Ленина училище имени М.В. Фрунзе. Конкурсные экзамены успешно сданы, и Георгий Носков становится курсантом. Уже вскоре выработанные ранее исполнительность, трудолюбие, целеустремлённость юноши были отмечены командирами-воспитателями, и уже после окончания первого курса училища курсанту Носкову присваивается воинское звание «сержант», он назначается помощником командира взвода, а на третьем курсе — и старшиной курсантской батареи. В это же время серьёзный и ответственный курсант — старшина Носков — был принят в ряды КПСС. Добрую память в душе нынешнего генерала оставили о себе командир курсантской батареи — участник Великой Отечественной войны, с удовольствием делившийся боевым опытом с молодёжью, и командир взвода, обучавший воинской дисциплине и порядкам, определённым Уставами Советской Армии. В целом училище осталось в памяти как эталон воплощения воинских уста-

вов в жизнь. Из преподавательского состава, естественно, более других запомнились преподаватели артиллерии. С их помощью были не только изучены артиллерийские системы, но и их боевое применение: организация марша артиллерийского подразделения, инженерное оборудование огневых позиций, боевая работа всех номеров орудийного расчёта, практическая стрельба с открытых и закрытых позиций. На всю жизнь запомнился тяжёлый солдатский труд артиллериста по инженерному оборудованию укрытия для орудия, боеприпасов и расчёта! Это не могло не сказаться во всей дальнейшей службе Георгия Ивановича. Уважительное, отцовское, товарищеское отношение к подчинённым всегда выгодно отличало нынешнего ветерана. Преподаватели училища — сами недавние активные участники войны — настойчиво приучали молодёжь стойко переносить трудности военной службы, старались на учениях создавать обстановку приближённую к боевой, давали курсантам возможность прочувствовать крайнюю напряжённость физических и духовных сил, которую сами испытали во время сравнительно недавних боевых действий, подготовить молодых офицеров к вполне возможной новой войне. В те годы «холодная» война грозила вот-вот перерасти в «горячую»!

В 1956 году, по окончании училища, лейтенант Носков в виде поощрения за добросовестный курсантский труд назначается командиром взвода 152 мм гаубиц-пушек 40-й Новороссийской пушечной семиорденоносной артиллерийской бригады Резерва Верховного Главного Командования, дислоцированной в городе Золочев Львовской области (Прикарпатский военный округ). Надо сказать, что в Вооружённых Силах СССР существовало всего две воинские части, отмеченные семью орденами! Понятно, что служба в такой части была очень почётной как для солдата, так и для офицера! Заметим, что в Советских воинских частях особенно в послевоенные годы свято чтились традиции, личный состав части всеми силами старался не посрамить своих предшественников — победителей фашизма!

Интересно, что командовал в те годы бригадой сын легендарного героя Гражданской войны Василия Ивановича Чапаева, имя которого было увековечено писателем Фурмановым, и его труд стал классикой советской литературы. Сын героя Гражданской не посрамил имени отца. Он был высокопрофессионально подготовленным, умелым, требовательным командиром и воспитателем подчинённых!

Боевая подготовка в бригаде была организована в соответствии с требованием того напряжённого времени по принципу: «Тяжело в учении — легко в бою!» Ежегодно с мая по сентябрь бригада в полном составе, вооружённая по штатам военного времени (офицеры и сверхсрочники с семьями) выезжала в летние лагеря вблизи польской границы, где, оставаясь в полной боеготовности, отрабатывала на практике тактические приёмы ведения современной войны. Теоретические занятия в классах и на материальной части чередовались с практическими маршами, оборудованием реальных боевых позиций, стрельбами дневными и ночными. Советское государство для поддержания своей армии в постоянной боевой готовности материальных ресурсов не жалело. Армия не испытывала недостатка ни в современном вооружении, ни в квалифицированных кадрах, ни в материальном обеспечении, как это происходит сегодня с Российской! Потому-то и была самой могучей в Мире!

В 1959 году отличному командиру взвода было предложено продолжить образование в ввузе. Командование увидело в молодом офицере большие потенциальные возможности. Поскольку в том году разнарядки для поступления в Артиллерийскую академию в части не было, старший лейтенант Носков меняет военную специальность. Он поступает в Минское высшее инженерное зенитно-ракетное училище войск ПВО страны. Войска противовоздушной обороны в это время выдвигаются по значимости на второе место после Ракетных войск стратегического назначения среди тогдашних пяти видов Вооружённых Сил СССР. Их развитию уделяется огромное внимание, им принадле-

жит решающая роль в грядущей войне. Молодой офицер хочет быть на переднем крае в боях за Отечество.

Пять лет обучения в Минске особенно запомнились ветерану трудностями в учёбе и быте. Основной контингент слушателей ввуза — младшие офицеры-техники, ранее окончившие радиотехнические трёхгодичные военные училища и имеющие опыт эксплуатации радиотехнических устройств: радиолокаторов обнаружения воздушных целей, радиотехнических станций наведения ракет, автоматизированных систем наведения зенитных орудий, автоматизированных систем сбора и обработки информации, устройств радиосвязи и т.п. Всем им в какой-то степени был уже знаком изучаемый материал. Георгий Иванович же был командиром-артиллеристом, о радиотехнике имел самые скромные представления и начинал её изучение практически с нуля. Однако его трудолюбие и настойчивость в достижении цели помогли преодолеть первоначально возникшие трудности, а через некоторое время и опередить товарищей по учёбе.

При приёме в высшее училище командование, конечно, предупреждало поступающих о том, что мест в общежитиях пока на всех слушателей не хватает, что большинству придётся снимать жильё в городе и государство не будет компенсировать эти затраты офицера. Однако желание получить образование, повысить профессиональную квалификацию обычно превосходило казавшиеся несущественными трудности быта. И только, столкнувшись с ними непосредственно, молодой офицер понимал, что жизнь семьи из трёх, а то и четырёх человек на денежное довольствие старшего лейтенанта при условии платы одной трети за снимаемое жильё совсем не простая задача! При всём при том жена слушателя не могла работать из-за отсутствия прописки! Иными словами учились молодые офицеры в пятидесятые-шестидесятые годы, как говорили когда-то «на медные пятаки»! Никаких развлечений типа посещения театров, концертов или ресторанов слушатель военной академии или высшего училища позволить себе

в те времена не мог! Оптимизм внушала будущая квалификация инженера или учёного и возможная служебная карьера. Этот оптимизм основывался на государственной политике СССР. Советское государство совершенно справедливо при реализации лозунга «От каждого по способностям, каждому по труду» оценивало не только интенсивность, но и сложность, квалификацию труда. Начавшаяся после Великой Отечественной войны научно-техническая революция потребовала высококвалифицированных кадров. Социальный статус образованного человека существенно вырос. Страна наша стала самой читающей и образованной в Мире! Несмотря ни на какие трудности люди стремились к знаниям (а не к диплому, как сегодня!).

Но вот все трудности преодолены, успешно прошла защита дипломного проекта, получен новенький инженерный диплом и такой желанный беленький ромбик с позолоченным гербом Советского Союза, называемый в офицерской среде «поплавком». Теперь свою судьбу во многом определяет сам выпускник ввуза!

В 1964 году инженер-капитан Носков получает назначение на должность командира радиотехнической батареи-заместителя командира зенитно-ракетного дивизиона в бригаду, дислоцирующуюся в Заполярье. Дивизион, к большому его удовольствию, был вооружён системой С-125, специально сконструированной для борьбы с низколетящими воздушными целями, особо выделяемой и близкой молодому инженеру в годы учёбы. Система считалась наиболее перспективной, поскольку вероятный воздушный противник интенсивно осваивал малые высоты. Для увеличения дальности обнаружения целей боевая позиция дивизиона была оборудована на сопке, возвышающейся над низкой болотистой тундрой. Жилые помещения для личного состава, семей офицеров и сверхсрочников находились у подножия сопки. Для того, чтобы уложиться в нормативы прибытия личного состава по боевой тревоге на рабочие места, требовалась отличная физическая подготовка, чему в подразделении, кроме боевой подготовки,

и уделялось должное внимание. На боевом дежурстве в готовности к немедленному пуску ракет дивизионы находились в течение месяца. Затем следовал двухмесячный «отдых», когда с разрешения командования личному составу разрешалось покидать расположение подразделения. Это время использовалось для плановой боевой подготовки. Потом снова следовал месяц безвыездного дежурства и т.д. Такова была служба в войсках ПВО страны! При этом надо учесть, что солдаты служили три года, а офицеры и сверхсрочники не менее двадцати пяти лет! У многих из них вся служба проходила «на точках»! (Тем, кто завидует несколько повышенным военным пенсиям, следовало бы подумать о том, как они зарабатывались!) При всём при том всё воздушное пространство над территорией СССР находилось под непрерывным радиолокационным контролем, а все наиболее важные объекты страны надёжно прикрыты зенитно-ракетными войсками и истребительной авиацией ПВО. Чего, увы, нет в современной России, несмотря на непрерывное приближение к нашим границам войск НАТО и откровенно враждебные заявлениям западных политиков!

Отличная боевая подготовка личного состава и техники батареи, которой командовал капитан Носков, продемонстрированные при стрельбе по реальной цели на полигоне способствовала выдвижению её командира уже в 1966 году на должность командира дивизиона. Молодой, но хорошо проявивший себя командир и организатор в 1967 году переводится в другой дивизион. Ему доверяется подготовка отстающего подразделения бригады к плановым боевым стрельбам. Инженер-капитан Носков успешно справляется и с этой задачей. По результатам стрельб и всесторонней проверки дивизион получает высокую оценку. Вернувшись с полигона, дивизион под командованием Носкова своими силами в скальном грунте оборудует жилое и подсобные помещения. Здесь его командир вновь проявил отличные организаторские и инженерные способности, что также не осталось вне внимания командования.

Обычным морозным днём февраля 1970 года инженер-майор Носков совершенно неожиданно, без всякого видимого повода был вызван в штаб бригады. Разговор с комбригом был коротким: — Свою машину оставьте здесь. В штаб корпуса в Североморске Вас отвезут!»

На его вопросы: «Зачем? Почему так спешно и таинственно?» — ответа не последовало. «Там всё узнаете!» — сказал комбриг. Всю длинную дорогу до Североморска офицер терялся в догадках: «Что происходит? В чём согрешил? Почему даже не предоставили времени дать распоряжения подчинённым и предупредить жену о своём отъезде? Куда меня направляют? Надолго ли? Зачем?» Ответа он не находил до самой встречи с командиром корпуса генерал-майором Куликовым, который сразу после приветствия объявил: — Как один из лучших наших командиров дивизионов Вы направляетесь в длительную командировку в одну из южных стран. Вас и несколько других товарищей на самолёте сегодня же отвезут в штаб армии в Архангельск. Там задачу уточнят. Желаю удачи! Вы свободны! — Но я же никому не передал дела! И семья ничего не знает о моём внезапном исчезновении! — попытался что-либо уточнить Носков. — Об этом не беспокойтесь! До свидания! Приём был окончен.

«На аэродроме собралось несколько таких же командиров дивизионов из разных частей нашего корпуса, — рассказывает Георгий Иванович. В Архангельск прилетели вечером. Переночевали в гарнизонной гостинице. Утром следующего дня состоялся Военный Совет армии. Руководил Советом командующий армией дважды Герой Советского Союза генерал-полковник Гулаев, лётчик-истребитель времён Великой Отечественной войны. Каждому из кандидатов членами Совета были заданы два обязательных вопроса: Сколько лет командовал дивизионом? Как дивизион отстрелялся по реальной воздушной цели на полигоне в последний раз? Критериями для отбора были отличные стрельбы и выслуга в должности командира дивизиона не менее трёх лет. Кратко проинструктировав отобранных и

потребовав не ронять честь советского офицера вообще и Архангельской армии, в частности, командующий сказал, что сегодня же нас доставят в Москву.

Проанализировав политическую обстановку, мы пришли к заключению, что отправляемся в Египет. Там уже давно, то затухая, то разгораясь вновь, шла война между Египтом и агрессивным Израилем, поддерживаемым США. И, как выяснилось вскоре, мы не ошиблись.

Уже на следующий день нас — капитанов и майоров — приняли в десятом управлении Генерального штаба СССР. Здесь нам было объявлено, что создаётся оперативная группа управления восемнадцатой особой дивизией ПВО под командованием генерала Смирнова. Дивизия в составе трёх зенитно-ракетных бригад, вооружённых системой С-125, формируется и будет в ближайшее время переброшена в Египет для оказания помощи дружественному правительству в борьбе с совершенно обнаглевшей израильской авиацией, практически безнаказанно нарушающей воздушные границы Египта и наносящей бомбовые и ракетные удары по войскам и объектам тыла республики. Инструктаж был более обстоятельным. Говорилось о высоком оказанном нам доверии и вместе с тем ответственности за порученное дело, необходимой моральной устойчивости, чести и достоинстве советского офицера и коммуниста, о том, что мы будем представлять за рубежом СССР, и по нашему поведению арабы будут судить в целом о нашей стране. Нам выдали гражданское платье. Личные вещи приказали отправить домой почтой. В этот день мы перезнакомились. Оказалось, что наша группа собрана из соединений и частей, дислоцированных в самых различных районах нашей огромной страны. Все мы имели опыт работы на маловысотных стрельбовых комплексах. Стала очевидной специфика египетской ПВО — борьба с низколетящими воздушными целями. Руководителем нашей оперативной группы управления был назначен генерал Громов, опытный офицер ПВО, участник Великой Отечественной войны. На следующий день группа на самолёте ИЛ-18

была доставлена в Каир. Над Средиземным морем самолёт постоянно сопровождали американские истребители. Они подходили так близко к нашему ИЛу, что в иллюминаторы было хорошо видно, с каким интересом нас рассматривают американские лётчики. Кстати сказать, страха мы не испытывали. Ведь официально СССР в войне не участвовал, тем паче с Соединёнными Штатами Америки.

В Каире нас разместили в гостинице полностью заселённой нашими советниками. Их здесь было не мало. Практически советник в то время был в каждой роте египетской армии. Утром нашу группу на автобусе доставили в Управление главного военного советника. Ехали по многолюдным шумным улицам вполне современного европейского города. Восточный колорит проявлялся разве только в виде обилия минаретов и мечетей да в непривычной для нас восточной одежде части жителей. Войны здесь не чувствовалось.

Главный военный советник министерства обороны Египта генерал-полковник Катышкин вкратце ввёл нас в политическую и военную обстановку в регионе, подчеркнул, что напряжённость непрерывно нарастает и по просьбе Президента Насера в Египет впервые вводится советское военное соединение — дивизия ПВО. Части дивизии будут поступать в ближайшие дни морским путём. После этого совещания генерал Громов распределил обязанности между членами нашей группы. Первой моей задачей стало руководство строительством стартовой позиции для прибывающего вскоре дивизиона севернее Каира. Работы очень спешно в две смены вела египетская организация. Затем я курировал строительство такой же позиции под Асуаном, где в то время нашими специалистами возводилась самая крупная в Египте гидроэлектростанция. Прибывающий дивизион должен был с воздуха прикрыть это строительство. Помнится, одолевала страшная жара в этой пустынной местности. Организм, адаптированный к Заполярью, с большим трудом переносил климат пустыни. И ведь при этом нужно было активно трудиться! Затем ге-

нерал Громов направил меня в Александрию порученцем генерал-полковника Щеглова, который лично руководил приёмом прибывающих воинских частей. Поручения бывали самые разнообразные, и только мой значительный опыт организаторской работы помогал выполнять поставленные задачи.

В это время шла напряжённая работа по разгрузке и распределению прибывающих зенитно-ракетных дивизионов по боевым позициям. Каждую ночь из прибывшего сухогруза нужно было выгрузить два дивизиона с техникой и ракетами, до утра успеть перебросить их на заранее подготовленные позиции и там привести в готовность к пускам. Если в течение ночи дивизион не успевал совершить марш до предназначенной позиции, то к рассвету должен был быть приведен к бою там, где его заставал восход солнца. Порученец возглавлял марш колонны дивизиона и нёс ответственность за своевременное и точное выполнение задачи. Впоследствии командованием войск ПВО было отмечено, что большая заслуга в своевременном развёртывании и вступлении в бой с израильской авиацией восемнадцатой дивизии ПВО в Египте принадлежит нашей оперативной группе управления. Следует сказать, что кроме дивизии ЗРВ в Египет тогда были переброшены два полка истребителей-перехватчиков, которые, к сожалению, в войне значительной роли не сыграли.

Советские воинские части дислоцировались на территории Египта до осени 1971 года. После смерти Насера и вступления в должность президента Саддата под давлением американцев личный состав, оставив технику, был возвращён в СССР.

В течение 1970–71 годов советские зенитно-ракетные войска и истребительная авиация вели практически непрерывные боевые действия с израильской авиацией, отражая налёты на объекты тыла и войска Египта.

После того, как части восемнадцатой дивизии были приняты, размещены на боевых позициях и приступили к боевым действиям, мне была поставлена задача сбора опера-

тивной информации о боевых действиях всех дивизионов в целях её дальнейшего обобщения и анализа. Я буквально летал от одного дивизиона к другому по территории Египта, чтобы получить самую свежую и достоверную информацию о пусках ракет, их результатах и параметрах целей. Собранная информация оперативно анализировалась и использовалась для корректировки тактики действия ЗРВ. Подчас отдыхать приходилось только в машине!

Во время бесчисленных поездок по Египту ознакомился с основными достопримечательностями этой древней страны.

Знаменитая пирамида Хеопса

Вспоминается первый бой нашего зенитно-ракетного дивизиона, который произошёл 30 июня 1970 года.

Радиолокатор обнаружения дивизиона под командованием капитана Малеука обнаружил две воздушные цели над территорией Египта на высоте четыре и дальности двадцать три километра. Через незначительное время цели обнаружила и станция наведения ракет. Когда цели вошли в зону поражения, были запущены две ракеты. Первая цель была уничтожена. Вторая, совершив резкий маневр, ушла от возмездия. После этого первого боя вражеские налёты

пошли потоком. В бой вступал то один, то другой дивизион. Особенностью той войны было то, что централизованное управление дивизионами с командного пункта дивизии оказалось невозможным. Израильтяне предпочитали пересекать Суэцкий канал на малых высотах. Такие цели часто обнаруживались радиолокационными средствами только на очень малой дальности, и командирам приходилось принимать решения на их уничтожение самостоятельно. Времени для доклада и получения целеуказания с командного пункта не оставалось. Если же цель обнаруживалась на значительной дальности, то задачу на её уничтожение получал конкретный дивизион. Иными словами, применялся смешанный метод управления войсками.

Успеху боевых действий нашей дивизии во многом способствовали новые тактические приёмы, рождённые в ходе войны. Генералу Громову принадлежит заслуга по созданию маневренных ночных группировок ЗРВ и в налаживании производства макетов техники дивизионов египетской промышленностью.

Из деревянных макетов создавались ложные группировки войск ЗРВ. Израильская разведка обнаруживала их. Затем следовал массированный налёт авиации. От взрывов бомб и снарядов воздух-земля макеты разлетались в клочья, а бомбившие их самолёты израильтян попадали под огонь маневренных группировок наших ЗРВ, в течение ночи передислоцированных в места ожидаемых массированных налётов. На вскрытых разведкой маршрутах полёта израильской авиации в течение ночи устраивались хорошо замаскированные засады ЗРВ, приносившие немалые потери врагу.

Особенно показателен бой двух дивизионов под командованием подполковников Кутынцева и Попова. В ночь на третье августа 1970 года дивизионы, покинув свои постоянные позиции, вышли в засаду, развернулись и привели технику в готовность к боевой работе. Руководил засадой лично генерал Громов, в помощники взял полковника Жаркова и меня. Утром станциями разведки и целеуказания

дивизионов на дальности около шестидесяти километров были обнаружены два израильских самолёта-разведчика, шедших вдоль Суэцкого канала. Дивизионам была объявлена готовность №1, спаренные зенитные установки ЗСУ-23/4 развернулись в сторону канала. При входе в зону поражения подполковник Кутынцев, за спиной которого стоял я, по моему совету, учитывая боевой опыт вопреки Курсу стрельб, произвёл пуск двух ракет по первому самолёту на дальности двадцать четыре километра. Первая ракета прошла мимо цели без подрыва, вторая уничтожила головной самолёт. Второй самолёт ушёл за Суэцкий канал, применив маневр по высоте. Часа через три начался массированный налёт примерно двадцати израильских Фантомов. Они шли с разных направлений на разных высотах. Израильтяне решили разгромить нашу группировку (вблизи располагались ещё два египетских дивизиона). В этом бою нашими дивизионами было уничтожено пять израильских самолётов. За успешное руководство дивизионами в бою оба командира были представлены к званию Герой Советского Союза. Генерал Громов был награждён орденом Красного Знамени, я — орденом Красной Звезды.

Боевая позиция дивизиона

Израильский стервятник наказан!

Успехи нашей дивизии в борьбе с израильской авиацией, безусловно, повлияли на то, что третьего августа 1970 года между воюющими сторонами было заключено перемирие. За время боевых действий дивизии ПВО в 1970–71 годах в Египте мы потеряли всего один зенитно-ракетный дивизион. Погибли десять военнослужащих. Израильтяне же понесли несопоставимые потери авиации! Войска ПВО СССР ещё раз после Вьетнама продемонстрировали Миру свои высокие боевые возможности!

Обломки израильского Фантома у «стены плача»

Боевые друзья в перерыве между боями

Осенью оперативная группа управления генерала Громова вместе с личным составом восемнадцатой дивизии на дизельэлектроходе «Россия» отбыла на Родину. Мне было приказано вернуться в свою часть в Заполярье. При расставании Генерал Громов поздравил меня с досрочным присвоением воинского звания «подполковник» и награждением орденом.

По прибытии в свою бригаду я подробно доложил командиру о результатах командировки. — Наслышан о Ваших боевых делах! Знаю о досрочном присвоении звания и награждении орденом. В свою очередь скажу, что мною подписано представление о назначении Вас заместителем командира полка! — поздравил меня командир бригады. Как было положено по Уставу, я принял положение «Смирно» и ответил: «Служу Советскому Союзу!»

Через неделю пришёл приказ о назначении меня заместителем командира 864-го зенитно-ракетного полка, дислоцированного в районе Мурманска. Полк должен был получать новую технику. Два его дивизиона перевооружались на систему С-200, поэтому сразу поехал на двухмесячные Гатчинские курсы переподготовки офицерского состава. Вернувшись в полк, приступил к оборудованию боевых позиций для новой материальной части. Строительство осуществлялось силами полка, при этом полк со-

хранял боеготовность и нёс боевое дежурство по охране важного объекта. Нагрузка на людей удваивалась. Видимо, со своими задачами справлялся не плохо, поскольку в начале 1972 года был назначен командиром 515-го зенитно-ракетного полка. Полк стоял на прикрытии Архангельска и окрестностей. Дивизионы были разбросаны на большой площади, а до одного летом можно было добраться только катером по воде, зимой по льду или вертолётом. Это, конечно, сильно затрудняло его снабжение и контроль. В этот период с одним из дивизионов ездил на полигон для боевых стрельб. Отстрелялись отлично. Полк был отмечен командованием в лучшую сторону. В этом полку впервые встретился с ядерными боеприпасами. Пришлось приложить много сил и времени при строительстве специальных сооружений для их хранения и поддержания в боеготовности. Ощущая недостаток чисто военных знаний особенно в области оперативного искусства (ведь я по образованию был инженером) поступил и успешно закончил заочно Военную Командную Академию ПВО им. Жукова Г.К.

В 1973 году был назначен командиром 146-й зенитно-ракетной бригады, прикрывающей Северодвинск. Пришлось налаживать отношения с администрацией города и взаимодействие с флотом.

В 1974 году руководил боевыми стрельбами своих дивизионов на Балхашском полигоне. Успешно поразить реальную цель на предельно малой высоте помог опыт египетской войны. Ракета была пущена на такой дальности, что цель не успевала сманеврировать и во всех случаях уничтожалась. После этого в Курс стрельб была внесена соответствующая корректировка. Опыт войны не пропал даром! В этом же году я был назначен заместителем командира дивизии и одновременно начальником ЗРВ. Дивизия располагалась в Карелии.

Этот период службы памятен тем, что, учитывая опыт войны в Египте (там значительная часть египетской авиации была уничтожена израильтянами прямо на аэродромах!), в войсках ПВО началось строительство укрытий

для самолётов-перехватчиков. Курировал эти работы в войсках маршал авиации Савицкий. К делу он относился очень ответственно (регулярно раз в месяц приезжал лично контролировать ход работ!), того же жёстко требовал от исполнителей. При моём непосредственном участии были построены арочные укрытия на двух аэродромах.

В начале 1976 года мне было присвоено воинское звание «полковник» и в этом же году я был назначен командиром 23-й дивизии ПВО. Штаб дивизии находился в посёлке Васьково под Архангельском. Дивизия включала две зенитно-ракетные бригады, зенитно-ракетный полк, два истребительных авиационных полка, два радиотехнических полка и части обеспечения боевых действий. Дивизия прикрывала с воздуха Северодвинск и Плесецк, в целом — территорию большую, чем всё государство Израиль! Части дивизии, в отличие, скажем, от дивизии сухопутных войск, располагались на огромной территории. Что, очевидно, сильно усложняет контроль и управление войсками».

Дивизия ПВО — большая и сложная структура с множеством разнообразной современной радиоэлектронной военной техники, различных специалистов её эксплуатирующих и соответствующей материальной базой. И ответственность командир несёт не только за её постоянную боеготовность, но и за все стороны существования этого живого организма, включая взаимоотношения в семьях военнослужащих!

Четыре года Георгий Иванович Носков успешно справлялся с этой сложнейшей задачей и заслуженно получил генеральское звание!

«Интересно отметить, — продолжает ветеран, — что практически вся моя военная биография связана с крайним севером нашей страны. И продвижения по службе были все в пределах одной десятой Архангельской армии ПВО, командовал которой в те годы генерал-полковник Гулаев. Крутой был человек, но справедливый и отходчивый! Ветераны десятой армии, собираясь на свои ежегодные встречи, непременно вспоминают его добрым словом!» —

Вся Ваша жизнь, Георгий Иванович, и военная карьера достойны всяческой похвалы и подражания! — не преминул заметить я. — Всего за пять — шесть лет Вы прошли путь от командира дивизиона до командира дивизии, от майора до генерал-майора! — Наверное, мне помогали египетские фараоны! Ведь я защищал их от давнишних врагов — израильских агрессоров! — смеясь, ответил генерал.

Выйдя по возрасту в запас, Георгий Иванович продолжает поддерживать тесную связь с армией, с частями и учреждениями войск противоздушной обороны нашей страны. Он с удовольствием делится своим богатым боевым опытом с молодыми офицерами, а жизненным — с военной и гражданской молодёжью. Уже много лет он возглавляет Совет ветеранов бывшего Пушкинского радиотехнического училища войск ПВО страны.

РОЖДЁННЫЙ ПОБЕЖДАТЬ

Полковник Числов Михаил Фёдорович, активный участник афганской войны 1979–1989 годов, кавалер четырёх отечественных и иностранных орденов и многих медалей, родился девятого мая 1947 года в деревне Дворяниновичи Кировского района Могилёвской области в крестьянской семье.

Отец Фёдор Кононович, участник и инвалид Великой Отечественной войны, с боями прошёл свой славный боевой путь к победе в самом рискованном виде Вооружённых Сил — пехоте. За проявленное мужество и отвагу награждён высшим солдатским орденом — Орденом Славы, прообразом которого послужил знаменитый Георгиевский Крест — самая почётная военная награда царской России — и медалями!

Мать Надежда Петровна — простая русская крестьянка, колхозница, хранительница семейного домашнего очага и воспитательница троих детей. Все трое, благодаря ней, получил хорошее, традиционно русское воспитание, образование и стали достойными членами общества.

Когда младшему сыну Мише исполнилось пять лет, семья переехала в Бобруйск, где советским государством ей был выделен земельный участок и государственная ссуда на строительство жилого дома. Таим образом, уже с раннего детства Миша узнал и полюбил труд. Как и все советские дети по достижении семилетнего возраста он пошёл в школу. В те времена неграмотных людей в стране не было, не было и детей, не посещающих школу. Это позорное явление появилось в современной России в результате так называемых реформ девяностых годов прошлого века.

В детские годы Миша одновременно с получением общего среднего образования, как и все советские дети, посещал городские и школьные кружки и спортивные секции, участвовал в жизни пионерской и комсомольской организации, ходил в походы по родному краю — всесторонне развивался морально и физически, готовился к жизни в советском обществе. Мальчика особенно привлекали зимние виды спорта: лыжи и коньки. Активные занятия физкультурой помогли ему вырасти физически здоровым человеком, пригодным к нелёгкой военной службе.

Как вспоминает Михаил Фёдорович, проблемы выбора профессии для него не существовало. С ранних лет он страстно желал быть похожим на своего отца — мужественного солдата войны — и родного дядю — полковника Советской Армии. Слушая разговоры старших, их военные воспоминания, он уже в детстве представлял себя на их месте, хотел вырасти похожим на этих смелых и мужественных людей.

В 1965 году по окончании средней школы Миша без всяких колебаний по направлению городского военкомата едет поступать в Ленинградское артиллерийское Ордена Ленина имени Красного Октября военное училище. На выбор вида Вооружённых сил повлияли восхищённые воспоминания отца и дяди о роли артиллерии — «бога войны» — в сражениях Великой Отечественной. Немалую роль в выборе училища сыграло, и желание ближе познакомиться с тогда ещё, действительно, культурной столицей СССР —

городом Ленинградом — с его величественным архитектурным обликом, историческими памятниками, музеями и театрами; впитать в себя культуру этого прекрасного города. Будучи хорошо подготовленным школой, он успешно выдерживает конкурсные экзамены и становится курсантом.

Три года пребывания в училище обогатили курсанта Числова глубокими знаниями артиллерийского дела и существенно повысили его общий культурный уровень. Как и у абсолютного большинства его сверстников — офицеров Советской Армии — об училище у него остались самые светлые воспоминания. Сколько раз уже позже, на службе, ему приходили на память наставления командиров-воспитателей и советы преподавателей особенно профилирующих дисциплин, помогающие решать сложные практические задачи, поставленные перед ним старшими командирами и начальниками! Не раз и не два помогали ему они и в боевой обстановке! Советские военные училища с их отлаженными, основанными на боевом опыте учебными программами, готовили настоящих профессионалов, знатоков военного дела, истинных патриотов своей Родины, готовых в любую минуту грудью встать на её защиту! И не даром Советская Армия считалась лучшей в мире не только по её оснащению техникой и вооружением, но и по кадровому составу, по его моральному духу! Офицеры и солдаты Советской Армии служили идее справедливости, а не новоявленным хозяевам нагло присвоенных ими материальных ценностей всего народа, как это происходит сегодня. Если за великую идею можно и жизнью пожертвовать, что и имело место на практике бесчисленно множество раз, то за хозяев тугих кошельков таковые вряд ли найдутся! В «профессиональной» армии США, образцовой для «наших» нынешних властей, подвигов во имя Отечества, подобных подвигу Александра Матросова, не отмечалось!

Уже на выпускном курсе училища курсант Числов, как отличник учёбы и активный член советского общество,

получил рекомендации для вступления в ряды КПСС. Это была его высокая оценка командованием! По той же причине по окончании училища в 1968 году ему было предоставлено право выбора первого места офицерской службы. Он выбрал Северную группу войск, которая дислоцировалась на территории стран Варшавского договора (стран народной демократии). Артиллерийский полк, командиром огневого взвода которого был назначен молодой лейтенант, квартировал в Польской народной республике. Боевая подготовка личного состава в части была хорошо налажена, и лейтенанту Числову оставалось только поддерживать традиции, что он успешно и делал.

Боевая учёба артиллеристов

О прекрасной организации боевой подготовки в Северной группе советских войск в целом и в их полку, в частности, он с восторгом вспоминает и сегодня. О том, что молодой артиллерист отлично справлялся со своими обязанностями, свидетельствуют неоднократные упоминания его фамилии в поощрительных приказах и скорое его выдвижение на ответственную должность командира гаубичной батареи. Артиллерийская батарея — сложный воинский организм, включающий около сотни офицеров и солдат, вооруженных личным стрелковым оружием; шесть артиллерийских орудий, боекомплект к ним, автомобильную технику и прочее, обеспечивающее самостоятельные боевые действия военное снаряжение. Совсем молодому

Михаилу Фёдоровичу Числову командование доверило обучение и воспитание сотни защитников нашего Отечества! Почётная и ответственная задача! Вспоминая годы службы в Польше, ветеран с нескрываемой гордостью говорит об отличных результатах боевых стрельб батареи, о длительных и дальних самостоятельных маршах батарейной колонны по польским дорогам, о своих тогдашних подчинённых, о хорошо выдержанных многочисленных проверках батареи командованием. Всего через шесть лет после окончания военного училища Михаил Фёдорович был назначен на должность начальника штаба артиллерийского дивизиона мотострелкового полка. Он стал первым заместителем командира дивизиона! Артиллерийский дивизион кроме трёх огневых батарей включает ещё ряд обеспечивающих боевые действия подразделений! Что это, если не раннее признание его высоких деловых и моральных качеств!? В те времена должности не продавались! Только советские офицеры могут правильно оценить высокие личные качества Числова как человека и офицера! Это была его заслуженная победа над трудностями военной службы

Новым местом службы теперь стал Закавказский военный округ. Здесь Михаил Фёдорович приложил не мало сил для налаживания боевой учёбы личного состава дивизиона по образцу Северной группы войск. Конечно, добросовестное, любовное отношение офицера к своим обязанностям и здесь было сразу замечено командованием. Остро ощущая недостаток теоретических знаний, Числов давно мечтает о продолжении своего образования в Академии. Наконец, его неоднократные просьбы были удовлетворены. Успешно выдержав вступительные экзамены, капитан Числов в 1978 году становится слушателем командного факультета Ленинградской военной артиллерийской Академии имени М.И. Калинина.

Три года учёбы в академии существенно повысили профессиональные знания и умения офицера-артиллериста. С большой благодарностью Михаил Фёдорович вспоминает своего начальника курса, ветерана Великой Отече-

ственной войны, Героя Советского Союза Клочкова Ивана Фроловича человека многоопытного, скромного, обаятельного, всегда готового протянуть руку помощи, поделиться профессиональным и жизненным опытом со слушателями, ныне заместителя председателя Совета ветеранов Ленинградского военного округа. Естественно, для командира-артиллериста наиболее значимой и памятной из всех кафедр академии была кафедра «Управления огнём и стрельбой» и её преподаватели, о которых и сегодня ветеран вспоминает с особой теплотой. Академия во многом помогла полковнику Числову с достоинством выдержать испытание войной, выпавшее на его долю.

В 1980 году, по окончании академии, хорошо подготовленный артиллерист для продолжения службы был назначен на должность начальника штаба реактивного артиллерийского полка, входившего в состав Второй гвардейской артиллерийской дивизии. Полк дислоцировался в городе Пушкине — городе, в котором с давних времён квартировали лучшие, гвардейские воинские части русской армии. Необходимо сказать, что командир этого полка в это время заочно учился в академии и подолгу отсутствовал. Поэтому Михаилу Фёдоровичу, по сути, пришлось исполнять обязанности и командира, и начальника штаба. И он с честью справился с этой нелёгкой задачей. Под его командованием полк добился больших успехов в боевой и политической подготовке. По результатам всесторонней проверки в 1984 году он был объявлен лучшим в Сухопутных войсках Вооружённых Сил СССР и получил переходящее Красное Знамя. Думается, можно не говорить о том, сколько сил приложил к этому его настоящий командир! Достигнутые успехи в том же году были отмечены Правительством Советского Союза орденом «Красной Звезды»! Это был первый орден полковника Числова и первая большая победа!

Естественно, перспективный, подающий большие надежды офицер не мог выпасть из поля зрения командования, поэтому, когда срочно потребовалась замена советни-

ка командира артиллерийского полка афганской народной армии, которая в то время боролась с контрреволюцией в своей стране, выбор пал на него. Вызванный на беседу в Генеральный штаб подполковник Числов на вопрос: готов ли он служить в «горячей точке», без колебаний ответил: «Всегда готов служить там, где более нужен моей Родине!» Будучи человеком зрелым и высокообразованным он, конечно, хорошо понимал трудности и опасность, которые его поджидают в этой неспокойной и специфической восточной стране. Но как настоящий советский человек, воспитанный на лозунге «раньше думай о Родине, а потом о себе!», он был человеком долга. В советской стране принцип альтруизма — служения людям, обществу — справедливо превалировал над принципом эгоизма — служение себе любимому!

В течение одной недели Числов сдал должность в Пушкине, выехал в Москву, а оттуда в Кабул. Там, в аппарате Главного советника министерства обороны Демократической республики Афганистан, он получил назначение на должность советника командира и начальника штаба 14-го артиллерийского полка 12-й пехотной дивизии 3-го армейского корпуса афганской народной армии. Так начался новый, боевой этап биографии офицера-артиллериста полковника Числова Михаила Фёдоровича, мужественного человека и высокого военного профессионала. Из двух лет службы в Афганистане на его долю выпало триста сорок пять суток непосредственного участия в боевых действиях, двадцать девять серьёзных боёв и боевых операций! По сути, каждый второй день Михаил Фёдорович ощущал себя в бою! Далеко не каждый воин-интернационалист может «похвастать» чем-то подобным! Надо сразу подчеркнуть, что как настоящий советский офицер, полковник Числов с честью выдержал это испытание волевых и физических качеств.

Афганский артиллерийский полк, в который получил назначение Михаил Фёдорович, стоял вместе с управлениями корпуса и дивизии в городе Гардез, что в двухстах

километрах от Кабула, имея в зоне ответственности пять провинций республики. Совсем крохотный, охраняемый войсками и окружённый минными полями военный городок расположился на окраине города. В состав полка входили три артиллерийских дивизиона. Каждый решал свою специфическую задачу: один — постоянно находился в составе группировки, охраняющей и обороняющей управления корпуса и дивизии, а также место дислокации самого полка; другой — был придан частям постоянной дислокации 12-й пехотной дивизии, находящимся во вражеском окружении; третий — выполнял самую сложную задачу: совместно с танковыми и пехотными частями обеспечивал доставку боеприпасов, горюче-смазочных материалов, продовольствия и прочих грузов осаждённым частям своей дивизии по территории занятой бандформированиями оппозиции законному правительству Афганистана.

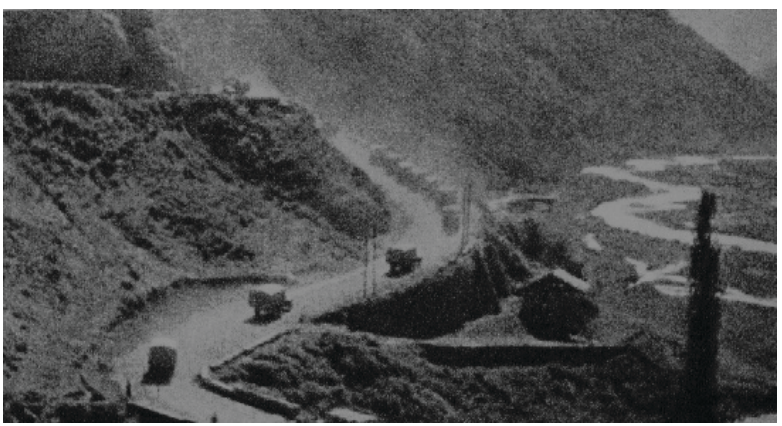
Афганистан потряс советского офицера. Он соединял воедино безжизненные пустыни и скалистые горы с шапками снега на вершинах даже в летнее время и отдельные оазисы, похожие на земной рай с его кущами, где прекрасно произрастали субтропические растения. Здешние люди не походили на европейцев ни внешностью, ни поведением, ни обычаями, ни одеждой. Казалось, в Гермезе полностью отсутствуют женщины. Во всяком случае, на улицах их невозможно было увидеть! Здесь не было ни одного здания европейского типа. Одни глинобитные мазанки, окружённые такими же обмазанными глиной трёхметровыми стенами, в беспорядке разбросанные по плато. С трудом можно было различить две кривые, узкие, заваленные отходами улочки, на которых сосредоточены все лавки и базары. «Впечатление было такое, — рассказывает Михаил Фёдорович, — будто в соответствии с афганским календарём, который отличается от юлианского примерно на шестьсот лет, попал в раннее средневековье! Афганцы и сегодня живут по законам Шариата, строго запрещающим ростовщичество, разврат, обман, предательство, воровство, алкоголь — широко распространённые сегодня

в протестантской Европе, да и в современной России — и поощряющим гостеприимство, сострадание, верность долгу. К сожалению, древние мыслители оказались правы: с развитием европейской цивилизации нравственность, увы, падает, чего, по крайней мере, пока, о нравственности народов Востока сказать нельзя! «Однажды мне пришлось видеть, как умирал, истекая кровью, главарь банды, — рассказывает ветеран. — Ни стона, ни слова о пощаде, напротив, полное отвержение какой-либо медицинской помощи! Я и сейчас вижу его глаза чёрные, полные ненависти и презрения к врагу. Как воин, этот человек не мог не вызвать уважения! Верующий мусульманин не боится смерти. Он уверен, что настоящая жизнь его ждёт после смерти земной. И она зависит от того, насколько достойно он примет во имя Аллаха эту смерть. Поэтому афганца можно убить, но нельзя покорить! Всё мужское население Афганистана — воины. Афганец может не иметь даже сапог, но иметь огнестрельное оружие. Не раз видел семилетнего ребёнка со старинной винтовкой английского производства в руках. Афганцы — прекрасные охотники, а значит стрелки и следопыты. Не редкость, когда афганец пулей сбивает летящую птицу!

Афганцы и сегодня живут в родоплеменном обществе. Они отлично дерутся за интересы своего племени или рода, но понятие «моя страна» у них почти полностью отсутствует так же, как и патриотизм в нашем понимании. Поэтому неудивительно, что даже отдельные высокопоставленные офицеры афганской армии продавали секретную информацию, например, о готовящейся боевой операции, или оружие, явно работая на противника. Был случай, когда душманы уничтожили целую колонну из двухсот автоцистерн с бензином, следовавшую из Советского Союза для нужд республики Афганистан, можно уверенно сказать, что по наводке кого-то из высших руководителей страны. Таким образом, было сорвано снабжение ГСМ афганской армии и на какое-то время подорвана её боеспособность.

Человеку, впервые попавшему в Афганистан, сразу бросается в глаза бойкая уличная торговля. Должно быть, это явление осталось со времён древнего Великого шёлкового пути из Китая в Европу, который проходил через современный Афганистан. Интересно отметить, что этим и пользовались афганские власти для набора солдат в армию. Они просто устраивали облавы на улицах и базарах. Все попавшие в сети становились солдатами. Отсюда и большой процент дезертиров! Насильно взятые в армию, люди легко покидали её ряды.

Основной задачей нашего полка было обеспечение бесперебойного снабжения боеприпасами, продовольствием, ГСМ частей дивизии, дислоцированных в зоне ответственности и находящихся, по сути, в осадном положении. Повторюсь: вся территория страны, кроме мест дислокации воинских формирований, находилась под контролем войск оппозиции! Иными словами, части дивизии располагались в населённых пунктах, со всех сторон окружённых враждебно настроенными к законному правительству отрядами боевиков. Свои укреплённые позиции правительственные войска покидали только на время выполнения какой-либо боевой операции. Большей частью они оборонялись от нападающих на них моджахедов.



Дороги Афганистана

Естественно, что двигающиеся к ним колонны с грузами подвергались постоянным нападениям. Поэтому впереди колонны грузовиков обычно двигались танки, за ними артиллерия, сапёры и пехота. Замыкали колонну также танки или БТР. Сапёры в необходимых случаях обеспечивали обезвреживание мин и фугасов, установленных боевиками на дороге. При очередном нападении боевиков орудия под огнём приводились в боевое положение, и артиллеристы сбивали противника с господствующих высот. Пехота довершала дело и занимала оставленные противником позиции. Только после этого колонна двигалась до момента следующего нападения. Затем всё повторялось: нападение, артобстрел, атака пехоты, продвижение колонны и т.д. И так всё время следования до пункта назначения. Напряжённость обстановки нетрудно себе представить! Как советник командира полка и начальника штаба я следовал в колонне на бронетранспортёре, руководил действиями плохо подготовленных афганских артиллеристов, а подчас и принимал непосредственное участие в стрельбе по целям. Не участвовать в операциях и отсиживаться в пункте постоянной дислокации полка мне не позволяла совесть и честь советского офицера. Ведь там я представлял всю Советскую Армию! — с гордостью говорит ветеран.

В управлении главного советника вёлся учёт участия в боевых действиях советских офицеров. Согласно этим данным триста сорок пять суток из двух лет я провёл в боевой обстановке. При этом по моим личным подсчётам, семь раз побывал на краю гибели!

Совершенно очевидно, что в тех условиях нападения на колонну следовало ожидать постоянно. И, тем не менее, первый снаряд всегда оказывался неожиданным! Иногда наблюдателям удавалось засечь огневые точки противника и тогда мы вели огонь прямой наводкой, но чаще для ведения огня с закрытых позиций приходилось привязываться к местности. И это под интенсивным огнём противника, когда рядом рвутся снаряды и мины, свистят и шлёпаются, во что-то попав, пули! Афганские солдаты по большей

части вообще не грамотные. Да и офицеры не далеко от них ушли! Знания афганского комбата были примерно на уровне советского командира орудия-сержанта! Советнику подчас приходилось эту работу выполнять лично, да при этом ещё и обучать афганцев! Другого времени практически не было: операции следовали одна за другой. Даже командир полка получил военное образование только на кратковременных советских офицерских курсах!

На память об Афганской войне и боевых соратниках

Служба советника вообще специфична. Одно дело служить в своей Советской Армии, даже находящейся в чужой стране, среди близких по культуре, образу мыслей, уровню подготовки, говорящих на родном языке людей, на которых можно положиться: не предадут, в спину не выстрелят, в беде не оставят, защитят! Совсем другое — в чужой языковой и культурной среде, среди малопонятного, неграмотного, но самолюбивого, гордого и воинственного народа, который на протяжении всей его истории не могли покорить никакие завоеватели и от которого можно ожидать всего, в том числе и самого худшего! Первое время, — говорит Михаил Фёдорович, — у меня даже переводчика не было. Пришлось в спешном порядке овладевать основами языка «фарси» хотя бы на бытовом и командном уровне. Помятуя о том, что «в чужой монастырь со своим уставом не ходят», сразу стал приглядываться к обычаям и нравам местного населения, изучать его психологию. Это

и позволило быстро найти контакт с сослуживцами и даже подружиться с некоторыми. Возникшая дружба не раз спасала мне жизнь! В особо опасных ситуациях афганцы назначали мне специальную охрану!

Операция по сопровождению колонны часто длилась несколько суток. Для ночлега выбиралось открытое место. В центре устанавливалась палатка командира и советника, палатки личного состава — на некотором удалении, рядом с готовыми к бою орудиями. Ещё дальше — боевое охранение. Надо сказать, что артиллерии душманы опасались более других видов оружия. Её эффективный, точный и маневренный огонь быстро подавлял их огневые точки. «Главное на войне, — говорит ветеран-артиллерист, даже в ущерб точности, как можно быстрее открыть огонь. Это производит сильнейший психологический эффект на противника. Он понимает, что уже второй снаряд может разорваться на его позиции и морально заранее сдаётся!»

Особо опасными, конечно, были операции в летнее время, при прохождении узких, покрытых густой зеленью горных ущелий. В таких случаях хорошо замаскированные духи нападали молниеносно и, нанеся ущерб колонне, также быстро исчезали в «зелёнке». Зимой активность боевых действий заметно ослабевала — на снегу хорошо различимы следы людей и техники, далеко видные дымы костров являются хорошими целями для орудий и авиации.

С большой неохотой говорит ветеран об особо опасных эпизодах своей боевой биографии. Его можно понять — трудно даются такие воспоминания!

«Ярко запомнился первый случай встречи со смертью, — рассказывает Михаил Фёдорович. В тот раз наша колонна остановилась перед входом в ущелье на хорошо просматриваемой местности. Вроде полная безопасность! Расслабились и вышли из машин. Три советских офицера-советника, в том числе и я, отошли немного в сторону, курят и разговаривают: делятся впечатлениями о пройденном участке пути. Вдруг рядом разрывается снаряд. Один из них падает, как подкошенный, а двое других в считан-

ные секунды оказываются в укрытии — под ближайшим БТР. Осматривая себя, они видят на своей одежде кровь погибшего, минуту назад весело смеющегося товарища! Комментировать наши чувства, думаю, излишне!

Постарайтесь представить себе, — продолжает Михаил Фёдорович, — как прыгающая, подобно лягушке, граната, выпущенная их гранатомёта в Вашу сторону, то касаясь земли, то поднимаясь над ней со специфическим свистом и огненным хвостом, кажется, летит прямо в Вас! Впечатление не их приятных! Сердце замирает, волосы поднимают шапку и укрыться негде! А мне это пришлось испытать много раз! Преодолеваем как-то особо опасный участок дороги, к тому же весь изрытый глубокими воронками. Неожиданно БТР, в котором я находился, застревает в яме и мотор глохнет. В ту же минуту гранатомётчики душманов открывают по нему интенсивный огонь. Хорошо, что они оказались плохо подготовленными стрелками, и мотор быстро завёлся. Иначе мы бы сейчас с Вами не разговаривали! А что я успел тогда почувствовать, словами описать невозможно!

Вспоминается и такой эпизод. Колонна возвращалась с боевой операции к месту нашей постоянной дислокации. Чувствуем себя уже дома. Сумерки. Приближается тёмная южная ночь. В брод преодолеваем одно из последних препятствий — неглубокий ручей. Рядом горы, покрытые «зелёнкой». Время летнее, жаркое. Дороги покрыты толстым слоем мелкой, как пудра, пыли, поэтому колонна растянулась: машина от машины отстоит на сотню метров. Начинается обстрел. Две машины в ручье запылали сразу. Афганцы из ближайших машин, бросив технику, разбежались. На месте боя остались: я в БТР с русским водителем и один афганский солдат. На счастье поблизости оказался тягач с гаубицей и небольшой запас снарядов. Втроём привели орудие в боевое положение. Из-за отсутствия оптики стал наводить орудие через ствол на вспышки среди зелени. Солдаты подносили снаряды. Экономя выстрелы, отстреливались до рассвета, пока не подоспела помощь. К

утру духи исчезли. Повезло, что, опасаясь артиллерии, они не пошли в атаку на нашу позицию. Защищать-то её было, по сути, некому! Прибывшие советские советники были поражены, увидев меня живым!

Если быть до конца честным, то меня и сегодня не покинуло чувство постоянной опасности. Видимо, там, в Афганистане, была основательно подорвана моя нервная система: сплю плохо, часто во сне попадаю в страшные ситуации, в целом нервы шалят!

И всё же главным чувством, которым руководствовались все советские воины в Афганистане было чувство долга. Мы просто выполняли данную нами Присягу. Родине было нужно, чтобы мы были там, мы и были! Советская Армия там лицо не потеряла: трусов почти не было, предателей и вовсе! На мой личный взгляд ввязываться в ту войну нам не следовало. Это были происки США. Таким способом они отомстили СССР за своё поражение во Вьетнаме!

Как я уже говорил, между боевыми действиями мы отдыхали в отдельном охраняемом городке. Через год ко мне приехала моя жена. Она у меня женщина боевая! При её непосредственном участии в афганском корпусе был создан женсовет советских военных советников, которых там было не мало, проводивший работу среди офицерских жён. Кроме того, она тогда была Служащей СА. За заслуги перед Демократической республикой Афганистан она была награждена медалью «За самоотверженность» и зелёной (цвета Ислама) шерстяной шалью тонкой ручной работы со знаками, обязывающими каждого верующего афганца оберегать её владелицу на всей территории страны! Это высшая женская награда Афганистана, особая честь, которой удостаиваются самые выдающиеся женщины этой страны!» — этими словами Михаил Фёдорович закончил своё повествование.

Остаётся только добавить, что за активное участие в боевых действиях и проявленное при этом мужество М.Ф. Числов был награждён вторым орденом Красной Звезды

и двумя орденами Афганистана: орденом За храбрость и орденом Красное Знамя.

В 1986 году он вернулся в родную гвардейскую артиллерийскую дивизию, стал командиром артиллерийского полка и получил воинское звание «полковник». Затем была служба в Артиллерийской Академии, где ветеран щедро делился своим боевым опытом со слушателями.

В 1997 году по выслуге лет полковник Числов уволился в запас. Однако он и сегодня остаётся офицером. Ведь настоящий офицер — это пожизненно, это свойство души Человека!

«Не знаю почему, — говорит он, но мне очень хочется вновь оказаться там, в огненном Афганистане. Может быть, потому, что именно там я испытал яркое чувство удовлетворённости хорошо исполненным долгом перед Родиной?! А может быть, ощутил счастье от того, что там, на полях сражений, представлял великое государство, постоянно ощущал его мощь за своей спиной?! Видимо, прав древний мудрец, сказавший, что для полного счастья Человеку необходимо иметь славное Отечество! А тогда у всех нас — советских людей — оно было! Хочется, чтобы ежегодно девятого мая наш народ отмечал не только Победу над фашизмом, но и День памяти о былом величии нашей Родины! Для всех «афганцев» есть ещё один святой день. Пятнадцатого февраля мы ежегодно отмечаем День вывода наших войск из Афганистана! Незабываемая дата!»

СУДЬБА ОФИЦЕРА

Полковник Ивлев Виктор Степанович, активный участник боевых действий Советской Армии в Афганистане, кавалер двух орденов и двадцати шести медалей, родился в городе Гродно 25 марта 1946 года. Я беседую с ним о его не совсем ординарном жизненном пути, который вполне может послужить хорошим примером исполнения долга перед Отечеством.

Отец Виктора Степановича — Степан Георгиевич — офицер Советской Армии, дорогами Великой Отечественной войны прошедший боевой путь от Москвы до Берлина, награждённый многими советскими государственными орденами и медалями, свою жену — в полном смысле боевую подругу Анну Константиновну — повстречал на фронте. Военная судьба родителей не могла не сказаться на их детях. Оба их сына стали офицерами Советской Армии.

Витя Ивлев — старший сын — среднюю школу окончил в городе Бресте, где в те годы служил его отец. Уже в

школьные годы Витя проявил себя как активный член советского общества. Успешно овладевая знаниями, он много времени уделял занятию спортом, неоднократно защищал честь школы и города в соревнованиях по лёгкой атлетике, участвовал в музыкальных коллективах. Имея неплохой голос, выступал на сцене в качестве исполнителя русских народных и советских песен. Жизненный путь его определился ещё в раннем детстве. Вслед за отцом, он решил посвятить себя службе в Армии. Жизнь закрытых военных городков и их обитателей он видел собственными глазами, и она его не только не пугала, но даже влекла. После окончания школы в 1964 году он успешно поступил в Ленинградское зенитно-ракетное командное училище. В отличие от ребят ранее не знакомых с военной службой, Виктор без всякого труда приспособился к тогдашним суровым требованиям воинской дисциплины и строго регламентированной курсантской жизни. Сегодня он с благодарностью вспоминает своих первых офицеров-наставников и преподавателей, подготовивших его к дальнейшей самостоятельной офицерской службе. Вспоминает гордость, которую испытывал, когда в 1967 году начальником училища был зачитан Приказ Министра обороны СССР о присвоении ему первого офицерского звания.

Харизматические черты личности курсанта Ивлева проявились и во время обучения в училище. За достигнутые успехи в учёбе и общественной работе он был принят в ряды КПСС. (Вопреки нынешней пропаганде в партию в те времена принимали только лучших!) Это обстоятельство обещало ему карьеру на общественном поприще, но судьбе было угодно поступить иначе: после окончания училища он оказался в Минской армии ПВО, где шло формирование зенитно-ракетных войск. Лейтенант Ивлев был назначен офицером наведения ракет на воздушные цели в формируемом дивизионе, который предполагалось вооружить комплексом С-125, предназначенным для борьбы с маловысотными воздушными целями. После небольшого курса переподготовки личный состав дивизиона, успешно прой-

дя испытания по проведению боевых стрельб по реальной воздушной цели в сложных условиях применения «противником» активных и пассивных помех, получил боевую технику. Дивизион был направлен в состав группировки Советских войск, дислоцированных на территории члена существовавшего тогда Варшавского договора — Германской демократической республики (ГДР). Советские зенитно-ракетные части прикрывали с воздуха отдельные территории и объекты дружественной Германии.

Последующие четыре года лейтенант Ивлев нёс постоянное боевое дежурство в составе маловысотного зенитно-ракетного дивизиона. Офицер наведения в отсутствии командира дивизиона исполнял роль стреляющего и не мог отлучаться с боевого поста на командном пункте в течение всей смены. Постоянное нервное напряжение долго не выдерживали даже молодые люди! Ведь воздушная цель могла появиться в зоне обнаружения радиолокатора в любой момент! Время было напряженное, холодная война между СССР и США была в самом разгаре! Советский офицер не мог не ощущать высокой ответственности за порученное дело!

Свободное от дежурства время лейтенант Ивлев не редко отдавал общественной работе. Как уже отмечалось, от природы он был лидером. Это не осталось без внимания командования, и в 1971 году он назначается помощником начальника политического отдела зенитно-ракетной бригады по работе с комсомолом.

Надо сказать, что советские воины кроме исполнения своих прямых обязанностей, находясь на территории дружественных стран, помогали местным властям налаживанию общественной жизни. Старший лейтенант Ивлев вместе с другими советскими офицерами в 1973 году участвовал в работе по организации Берлинского фестиваля молодёжи и студентов. На такие фестивали в те времена собиралась молодёжь многих стран под знамя борьбы за мир и социальную справедливость, и Советское государство придавало подобным мероприятиям большое значе-

ние. В том же году Ивлев Правительством ГДР был отмечен своей первой наградой — медалью «За отличное выполнение фестивальных поручений».

В 1973 году капитан Ивлев переводится в ленинградский военный округ. Он становится помощником начальника политотдела по работе с комсомолом ракетной бригады оперативно-тактического назначения и членом бюро Лужского горкома комсомола. В 1975 году — очередной перевод по службе в город Павловск на должность заместителя командира артиллерийского дивизиона по политчасти. Верный долгу Советский офицер место службы не выбирал — служил там, где этого требовала Родина!

Тяга к знаниям, любознательность, желание непрерывного повышения своей квалификации, воспитанные в советской школе и военном училище, в 1976 году заставляют капитана Ивлева поступить учиться на заочное отделение Военно-политической академии имени В.И. Ленина. Командование, высоко оценивая профессионализм и отношение к службе молодого политработника, назначает его на ответственную должность заместителя командира артиллерийского полка по политической части.

Хорошим испытанием организаторских способностей Виктора Степановича явились командировки на уборку урожая в Ставрополье и Казахстан, где он успешно руководил батальоном из пяти рот по сто автомобилей каждая, разбросанных по огромной территории.

В 1983 году многократно проверенный руководитель и организатор подполковник Ивлев назначается на особо ответственную, почётную и вместе с тем сложную и хлопотную должность Советника заместителя по политической части командира полка афганской армии. Из-за отсутствия Советника командира полка фактически он становится единственным советским советником в афганском артиллерийском полку, иными словами, исполняет роль наставника и командира, и замполита! На его плечи ложится не только политическая, но и боевая работа. К счастью, здесь в Афганистане, он встретил многих друзей

и сослуживцев, которые помогли ему быстро освоиться в очень своеобразной обстановке, присущей совершенно ему неведомой ранее восточной стране. Его, до глубины души русского человека, воспитанного на европейской культуре, единственного в афганском полку, окружали малограмотные афганские офицеры и по большей части совершенно неграмотные солдаты с мировоззрением в корне отличным от советского, обычаями и традициями мало напоминающими европейские! Большой преградой для общения было незнание языка обеими сторонами, а в первое время и отсутствие переводчика. Пришлось Виктору Степановичу в кратчайшие сроки овладевать основами языка афганцев. Помогли настойчивость и трудолюбие, воспитанные ещё родителями. Вспомним, что Афганистан — страна мусульманская, населённая очень религиозными людьми, живущими по законам Шариата мало известным европейцам; страна, которую на протяжении всей её истории не удалось покорить ни одному завоевателю; страна с гордым и воинственным народом, с раннего детства приучаемым к оружию; страна горная с трудно проходимыми для современной военной техники дорогами и тропами, проложенными по узким ущельям, окружённым почти отвесными скалами. Здесь за каждым камнем может скрываться невидимый враг, вооружённый снайперской винтовкой, на каждом шагу можно ожидать сюрприза в виде мины или фугаса, а в каждом ущелье — засаду! Можно представить себе, что чувствовал каждый советский солдат или офицер, попавший туда, особенно в первое время! Однако высокое чувство долга, воинская дисциплина и хорошая боевая выучка помогали советским воинам успешно решать поставленные перед ними задачи.

Боевые действия войск в Афганистане также носили специфический характер. Сплошная линия фронта в горной местности не может существовать. По всей стране в течение десяти лет возникали, уничтожались и возникали вновь отдельные очаги сопротивления моджахедов. Войну со стороны нашего противника скорее можно назвать пар-

тизанской. Каждый афганец, днём мирно торгующий на базаре или пасущий скот, ночью мог оказаться среди нападающих на места дислокации афганских правительственных и наших войск. Да и в самой афганской армии существовала пятая колонна — тайные враги правительства.

Сегодня Виктор Степанович с присущим ему юмором вспоминает времена, когда постигал традиции и обычаи этой загадочной страны. «Восток — дело тонкое!» — говорил известный киногерой.

Как и всякий человек, получивший боевое крещение, с особым чувством он вспоминает свою первую боевую операцию в составе афганского артиллерийского полка. «Кстати сказать, командовал полком индус по крови и индуист по вере, не знавший и не желавший знать обычаев своих мусульманских подчинённых!» — посчитал необходимым уточнить рассказчик.

Группировка, состоящая из советских и афганских войск, была направлена из района Кабула в район Джелалабада, где разведкой было обнаружено скопление моджахедов, с целью их уничтожения. Колонна из танков, реактивных установок типа БМ-13, артиллерийских орудий, бронетранспортёров, боевых машин пехоты и грузовиков с солдатами и обеспечением по узким горным дорогам двинулась в указанное место. Впереди шли советские воинские части, за ними — афганские. Виктор Степанович вместе с командиром полка возглавляли афганскую колонну.

Благополучно добрались до пункта назначения у границы с Пакистаном. Основные силы остановились, а часть группировки, в том числе полк, в котором служил Виктор Степанович, получила новую задачу: передислоцироваться и оборудовать огневую позицию в отмеченном на карте месте. Шли колонной, дорога петляла среди глубоких ущелий. Впереди четыре танка, затем две зенитно-пулемётные установки (ЗПУ), девять тягачей с гаубицами, четыре БМ-13 («катюши»); замыкали колонну грузовики с солдатами и обеспечением боевых действий. Тягачами служили отече-

ственные автомобили «ЗИЛ-151». Внезапно дорогу пересекло песчаное русло пересохшей от жары реки. Танки и ЗПУ препятствие преодолели, а тягач с гаубицей забуксовал и застрял на самой середине русла. Колонна остановилась. И в это время душманы из засады справа и слева от дороги открыли по ней бешеный огонь. Стрельба велась из миномётов, пулемётов и автоматов. Многократно усиливаясь горным эхом, она производила жуткое впечатление. Казалось, что враг повсюду, за каждым камнем. «Меня как ветром сдуло с брони машины связи. Пришёл в себя, огляделся, оказывается, лежу под бензовозом. Попади одна пуля в цистерну, в миг взлетел бы в объятия Аллаха! — смеётся Виктор Степанович. Некоторое время молчит, и уже серьёзно продолжает свой рассказ: Это сейчас смешно. Тогда было не до смеха! Ползком, прижимаясь к спасительной земле, перебрался под более безопасное укрытие. Смотрю, ко мне ползёт командир полка и лёжа, то ли от страха очумел, то ли таким уж был вышколенным строевиком, прикладывает руку к головному убору и лепечет: «Что будем делать, товарищ советник?» Тут уж невольно возьмёшь себя в руки. Наполовину словами, наполовину жестами командую: Орудия к бою! Половине стрелять по левым, половине — по правым скалам! Индус что-то прокричал, солдаты бросились исполнять приказание. Сам я из-за отсутствия оптических прицелов прямо в бою обучал наводчиков наводить орудия через стволы на огневые точки противника. Постепенно в бой включились все орудия, заговорили танковые пушки, заработали ЗПУ. Но моджахеды продолжали огрызаться мощным огнём. И тут, как озарение, вспомнился эпизод из фильма «Оборона Москвы». Там наши солдаты, выкопав углубление перед передними колёсами «катюши» и загнав туда боевую машину, добились почти горизонтального расположения направляющих реактивных снарядов и стали стрелять по наступающим немецким танкам. Кое-как объяснил задачу своему индусу. Он отдал соответствующее распоряжение и через некоторое время заработали наши «катюши». Эф-

фект оказался потрясающим. Не успевший сгореть порох реактивных снарядов при их встрече с препятствием горящим разлетался вокруг. Создавалось впечатление, будто горят скалы. Моджахеды, в ужасе побросав оружие и оставив на месте боя гору трупов, разбежались. Победа была полной, наши потери — незначительными. Вот как помог опыт участников Великой Отечественной войны через много лет после её окончания в Афганистане! — с нескрываемым удовольствием говорит Виктор Степанович. И недаром у всех народов существует заповедь подобная христианской «Чти отца твоего и матерь твою и благо тебе будет, и долголетен будешь на Земле!» А понимаю я её так: «Не пренебрегай, молодёжь, опытом старшего поколения! Используй его!» Нынешнему молодому поколению почаще бы следовало вспоминать эту истину! Кстати, о том же говорит и старинная народная мудрость: «Умный человек учится на ошибках чужих, глупый — на своих!»

Когда обстрел нашей колонны прекратился, я сел за руль ЗИЛа и, подстравив водух из шин, освободил машину из песочного плена. Моему примеру последовали водители других тягачей, и вся колонна продолжила движение.

Эта операция явилась моим боевым крещением! — говорит Виктор Степанович и грустью добавляет. — Первая седина в волосах у меня появилась той незабываемой ночью!

Другой памятный эпизод моей жизни произошёл там же, на пакистанской границе. Меня пытались похитить за обещанную плату солдаты нашего же полка. Избежать участи заложника удалось только благодаря афганскому капитану — начальнику контрразведки полка. Он, как и многие афганцы, солдаты и офицеры, симпатизировал русскому советнику. Руководствуясь принципом: «В чужой монастырь со свом уставом не ходят», я старался не нарушать обычаев и традиций этого народа. Это и вызывало в афганцах дружелюбие и уважение, без чего я не только не был бы спасён от похитителей, но и не смог бы успешно решать поставленные передо мной командованием задачи.

Получив по своим каналам информацию о готовящемся похищении, контрразведчик предупредил меня и устроил в моей палатке и вблизи неё засаду. Однажды ночью злоумышленники после короткой перестрелки были ликвидированы. Конечно, и самому мне пришлось принять меры предосторожности. Несколько ночей рядом с моей постелью лежал заряженный автомат, а под подушкой — пистолет с патроном в патроннике. Как говорится: «На войне, как на войне!» Этот эпизод напомнил мне о бдительности.

К счастью, всё обошлось благополучно. Подтвердилось на практике золотое правило этики: «Поступай с людьми так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой!» На моё доброе, уважительное отношение и люди откликнулись добром!»

Следует сказать, что находчивость, инициатива и высокая квалификация полковника Ивлева как офицера-артиллериста способствовали успеху в той операции всей группировки наших советских и афганских войск. Из-за особенностей местности артиллерия вела огонь по группировкам моджахедов с закрытых позиций. Наблюдательные пункты не могли быть выдвинуты вперёд и не имели возможность корректировать огонь батарей. Стрельба велась по указанным свыше целям. Связисты наблюдательных пунктов бездействовали. «Я подумал, — рассказывает Виктор Степанович, — почему бы их не использовать в интересах радиоразведки?

Поделился своими мыслями с командиром полка, и радистам-афганцам была поставлена задача по прослушиванию разговоров противника. В результате были выявлены основные очаги сопротивления, расположение огневых средств и командных пунктов моджахедов. Разведданные передали в штаб группировки советских войск. По полученным нашим полком данным о расположении сил противника был нанесён мощный артиллерийский удар, в результате которого крупная группировка моджахедов была разгромлена и задача всей операции успешно решена с ми-

нимальными потерями с нашей стороны! — с гордостью говорит Виктор Степанович.

Возвращение в Кабул в тот раз произошло без особых происшествий, если, конечно, не считать того, что шедший в полукилометре впереди афганской колонны войск советский танк нарвался на установленный на дороге фугас — крупную неразорвавшуюся советскую авиабомбу, обложенную снарядами и минами и снабжённую электрическим детонатором. От взрыва фугаса детонировали снаряды боекомплекта танка. Прогремел взрыв такой силы, что башня танка улетела на десяток метров, а я, сидевший на броне машины связи, оказался в придорожной канаве. Позднее подобных подрывов на минах техники и людей мне приходилось видеть немало, но первый, безусловно, был самым впечатляющим!

За ту операцию Правительством Афганистана я был награждён медалью «За отличие в охране Афганской границы», а чуть позднее — медалями «За отвагу» и «За отличие в военной службе». Не остался незамеченным я и советским командованием. Через некоторое время приказом Главного военного советника министерства обороны Афганистана я был назначен Советником начальника политического отдела восьмой пехотной дивизии».

Помрачневший от невесёлых воспоминаний ветеран показывает мне любительские фото, запечатлевшие отдельные эпизоды той необъявленной войны. Его можно понять: такие воспоминания даются нелегко!

На дороге Афганистана

Трофеи

Боевые друзья

Не менее памятными остались для Виктора Степановича кровопролитные бои 1984 года за Пандшерское ущелье, где дислоцировалась в то время самая мощная группировка моджахедов, щедро снабжаемая Соединёнными Штатами Америки через Пакистан оружием и продовольствием. Он с гордостью рассказывает о подвиге сослуживца — полковника афганской армии Шарафутдина — начальника штаба корпуса, в котором тогда служил. Человек, окончивший Военную академию в США и Академию Генерального штаба в СССР, признававший безусловное преимущество советского образа жизни и советского образования, оказался старшим начальником на окружённом, благодаря предательству, командном пункте корпуса. Он должным образом организовал оборону объекта, но силы были не равны! Немногочисленные солдаты и офицеры отбивались по-русски до последнего патрона! Оставшись в живых последним из защитников командного пункта, полковник Шарафутдин подорвал гранатой себя вместе с пытавшимися его пленить моджахедами! Воспитанная в нём русскими людьми идея долга перед Отечеством и презрения к предателям восторжествовала. Так называемые «циви-

лизованные» представители Запада на такой подвиг не способны! В армиях западных стран подобных случаев самопожертвования во имя Отечества не зарегистрировано! Европейцы эгоистичны. Им не понятны слова из нашей советской песни: «Раньше думай о Родине, а потом о себе!»

Тело было отбито у моджахедов, и полковник Шарафутдин как герой со всеми почестями был похоронен по русскому обычаю в Кабуле. Траурную процессию сопровождали советские и афганские войска, работники советского посольства в Афганистане, военные советники и многочисленные патриоты-афганцы. «Хочется верить, что подвиг по мировоззрению вполне советского человека полковника Шарафутдина надолго останется в памяти афганского народа!» — заключает свой рассказ Виктор Степанович Ивлев.

В 1986 году ветеран вернулся в СССР. За безупречное выполнение интернационального долга и проявленное при этом мужество в том же году он был награждён орденом Красной Звезды и повышен в должности. Ему было присвоено воинское звание «полковник».

Хочется отметить, что Виктор Степанович, воспитанный советской школой и Советской Армией, несмотря ни на что, остался верен советской системе ценностей и, прежде всего, — настоящим русским патриотом. Он и сегодня ведёт большую патриотическую работу, охотно делится опытом и знаниями с молодёжью. На вопрос: «Что Вы считаете главным приобретением в жизни? — он отвечает: Искусство общения с людьми!» И с ним нельзя не согласиться.

ЕГО ПОМНЯТ ВО ВЬЕТНАМЕ И НА КУБЕ

Полковник Лепихов Евдоким Ильич, участник боевых действий во Вьетнаме и один из создателей системы ПВО Кубы, кавалер ордена Красной Звезды и ордена За службу Родине, а также многих правительственных грамот и медалей СССР, родился в 1930 году в селе Волотово Курской области в крестьянской семье.

Отец Илья Максимович, колхозник затем шахтёр, в 1941 году был призван в Красную Армию и в том же году геройски погиб, защищая Родину от нашествия немецких фашистов.

Мать Ефимия Борисовна, колхозница, родила и после гибели мужа одна вырастила пятерых детей.

В 1935 году семья переехала в город Новошахтинск, где Евдоким Ильич пошёл в школу. Он успел окончить три класса, когда началась Великая Отечественная война. По-

сле ухода мужа на фронт мать с детьми перебралась на хутор Краснознаменка, поближе к родственникам, правильно рассчитав, что на земле большой семье будет легче пережить трудную годину. Однако всё сложилось не лучшим образом. С отходом наших войск хутор на несколько месяцев оказался в нейтральной зоне. Он не один раз переходил из рук в руки: то его занимали немцы, то возвращались наши войска. Непрерывные бои, кровь, огонь и смерть — всё это происходило на глазах юного Евдокима Ильича. Хорошо запомнились ему грабежи, расстрелы и насилие женщин немецкими варварами, голод и разруха, которые они оставляли после отступления. Запомнился ужас, который испытывал всякий раз с приходом немцев. Однако ненависть к оккупантам побеждала страх и давала силы. Хуторские подростки, как могли, боролись с врагом. Они тайком собирали брошенное на поле боя оружие и боеприпасы, прятали в погребах и стогах сена и при удобном случае передавали партизанам; собрав в каком-нибудь полу сгоревшем доме на окраине хутора артиллерийские снаряды и мины, устраивали взрывы — благо многие шахтёры были обучены подрывному делу. Гремящие то здесь, то там на хуторе взрывы, вызывали панику и страх возмездия у немецкого гарнизона. В 1942 году хутор был окончательно освобождён нашими войсками, фронт отодвинулся на Запад и занятия в школе возобновились. На хуторе существовала только начальная школа. В дальнейшем за знаниями детям приходилось ежедневно ходить в соседнее село, находящееся в семи километрах. Четырнадцать километров в день в весеннюю распутицу и зимние морозы, в дождь и снег приходилось преодолевать любознательному мальчишке! Но он не роптал. Занятия проходили в холодных неприспособленных помещениях, не хватало учебников, тетрадей, чернил и перьев, велика была только тяга к знаниям! К самообразованию, к книге, к художественной литературе любознательный мальчик приобщился в совсем раннем возрасте. «Читал всё, что только было можно найти в те трудные годы, читал, как говорят, запоем! Пом-

ню, «Войну и мир» проглотил за несколько дней! — говорит Евдоким Ильич. Любовь к литературе не могла не вызвать поэтических чувств. У меня сохранились стихи, написанные в двенадцать лет! С тех пор вновь и вновь при каждом удобном случае обращаюсь к стихосложению!» Он показывает толстую стопку тетрадей с аккуратно записанными стихами разных лет.

Окончил Евдоким Ильич среднюю школу уже в Новошахтинске. Последние три года приходилось ежедневно преодолевать пешком двадцать четыре километра! Ближе полной средней школы не было.

Любознательность, желание учиться и постигать тайны окружающего мира, несмотря ни на какие трудности, были свойственны многим советским людям, и это может служить хорошим примером для подражания современной молодёжи. Знания, полученные её дедами и отцами, помогли когда-то неграмотной и отсталой России превратиться в одну из передовых и могучих держав мира! На выбор жизненного пути после окончания школы большое влияние оказал родной дядя — военный лётчик. Надо сказать, что тридцатые годы прошлого столетия были временем всеобщего увлечения авиацией. Не обошло стороной это увлечение и дядю с племянником. Семь лётчиков — первых Героев Советского Союза, снимавших с льдины гибнущих челюскинцев (А.В. Ляпидевский, М.В. Водопьянов и другие); герои-лётчики, такие как Чкалов, Байдуков и Беляков, первыми совершившие перелёт через Северный полюс в Америку; девушки-лётчицы, устанавливавшие мировые рекорды по дальности полёта — были кумирами советской молодёжи. Советское правительство всячески поощряло тягу молодёжи в небо, в пятый океан. По всей стране создавались аэроклубы, где все желающие могли заниматься совершенно бесплатно лётным и парашютным спортом. Кстати, во время войны это дало возможность в короткие сроки из тех ребят и девчат готовить боевых лётчиков! И сколько таких, с детства увлечённых небом,

проявили на войне чудеса храбрости, самоотверженного служения Родине и стало Героями Советского Союза!

Евдоким Ильич, как и многие из его поколения, жаждал летать — некоторое время он даже занимался парашютным спортом, но подвело зрение. В лётное военное училище его не приняли. Взамен в военкомате предложили поступить в Гомельское радиотехническое училище войск наблюдения, оповещения и связи (ВНОС) ПВО страны. Понимая, что радиотехнике, электронике принадлежит будущее, он соглашается и, успешно сдав вступительные экзамены, становится курсантом военного училища. «В выборе специальности не ошибся! Всю жизнь занимался своим, любимым делом! Ведь очень многие в жизни занимаются не своим делом и потому несчастны!» — говорит Евдоким Ильич. И добавляет: «Кроме того, война больно ударила по нашему семейству — все мужчины нашего рода погибли! Я просто обязан был выбрать военную профессию, чтобы с оружием в руках встать на защиту мира!»

В училище он получил хорошую общую военную подготовку и начальную — радиотехническую. Войска ВНОС к этому времени уже стали вчерашним днём. Стране требовались другие специалисты. Поэтому досрочно, через полтора года, в 1951 году в училище был произведён выпуск. Получив воинское звание «техник-лейтенант», Евдоким Ильич в составе небольшой группы выпускников направляется в Москву для переучивания. В это время для защиты Москвы с воздуха формируется Первая армия ПВО особого назначения, на вооружение которой поступает первая в стране зенитно-ракетная система С-25 «Беркут». Срочно требуются специалисты. Военных училищ, освоивших это совершенно секретное тогда оружие, ещё не существовало — инженеров и техников для его эксплуатации, ремонта и боевого применения готовили прямо на заводах и в конструкторских бюро, где его создавали. Несколько месяцев техник-лейтенант Лепихов на Кунцевском заводе под Москвой изучал передающее устройство радиотехнического центра наведения ракет (РТЦН) РЛС «Б-200», за-

тем был переброшен в Ленинград в НИИ-380 для освоения новейшей техники дальней связи, передававшей по кабелю телевизионное изображение экрана радиолокатора дальнего обнаружения воздушных целей на центральный командный пункт ПВО. Наконец, в 1953 году он становится техником РТЦН «Б-200» в одном из полков армии, дислоцированном севернее Москвы.

Уместно сказать, что Первая армия ПВО ОН уже в 1956 году поставленная на боевое дежурство, надёжно прикрывала столицу от воздушного противника. Более шестидесяти её полков, с взаимно перекрывающимися зонами поражения, двумя поясами охватили Москву. Части армии одновременно могли обстрелять более тысячи воздушных целей более чем тремя тысячами ракет! Вероятность прорыва вражеского самолёта к сердцу страны была практически сведена к нулю! Чего, увы, нельзя сказать о современных боевых возможностях войск ПВО России!

Человек всесторонне развитый и коммуникабельный, любознательный и способный он быстро встраивается в коллектив инженеров и техников РТЦН и завоёвывает авторитет у своих сослуживцев. Давнее неравнодушие к литературе и искусству помогает ему создать при клубе воинской части прекрасный коллектив художественной самодеятельности. Он — и режиссёр, и исполнитель ролей в самодеятельный спектаклях, и организатор хора. Художественный коллектив под руководством Евдокима Ильича занимает призовые места среди ему подобных, и оценивается ценителями как близкий к профессиональному.

В 1955 году на полигоне в Капустином Яре Астраханской области состоятся показательные стрельбы зенитно-ракетной системы С-25 для руководства нашей страны и стран Варшавского Договора. Честь продемонстрировать боевые возможности новейшего советского вооружения ПВО выпала полку, в котором служил Евдоким Ильич. Полк по всем показателям был одним из лучших в армии.

На стрельбах оценивалась максимальная возможность зенитно-ракетного полка: одновременная стрельба по

двадцати воздушным целям шестьюдесятью ракетами. Роль воздушных целей играли девять металлических уголков, имитирующих самолёт, и одиннадцать беспилотных самолётов МИГ-15. Полк успешно справился с задачей, продемонстрировав большие боевые возможности системы, отличную подготовку техники и личного состава. Все цели были уничтожены! Офицер наведения группы каналов старший техник-лейтенант Лепехов цели обнаруживал на максимальной дальности, успешно руководил офицером пуска и операторами ручного сопровождения, чем способствовал успеху полка. Высокое руководство было довольно, полк получил отличную оценку, все участники боевой работы были поощрены. Лепехов получил возможность поступать в радиотехническую Академию, минуя обычную процедуру отбора кандидатов в корпусе, армии и военном округе, а поскольку прошедшей зимой он помогал готовиться к поступлению в командную академию начальнику штаба полка, то и сам был готов к сдаче вступительных экзаменов.

В 1955году он становится слушателем факультета стартового оборудования Артиллерийской радиотехнической академии им. Говорова. Хорошо знающий аппаратуру радиотехнического центра наведения ракет, он решил познать ракету и стартовое оборудование, чтобы видеть и понимать работу зенитно-ракетной системы в целом.

С большой благодарностью вспоминает Евдоким Ильич профессорско-преподавательский состав академии. Серьёзный академический теоретический курс способствовал глубокому проникновению не только в физическое процессы, происходящие в автоматизированной системе управления зенитной ракетой, но и в теорию обнаружения воздушной цели, выделения сигнала от неё из помех, методов наведения ракет и т.п. Всё это позволяло в дальнейшем успешно овладевать самостоятельно и другими зенитно-ракетными системами, поступающими в войска.

В годы обучения в Академии Евдоким Ильич одновременно повышал свой общий культурный уровень: по-

сещал театры, выставки и литературные вечера, читал и сам писал стихи. Заметив его увлечённость литературой, командование назначило его редактором академического литературного журнала, который пользовался большим успехом. Давно известно, что талантливые люди обычно проявляют себя в различных областях человеческой деятельности!

Академия закончена отлично, и в 1960 году инженер-капитан Лепехов получает назначение в туркестанский военный округ на должность старшего инженера зенитно-ракетной бригады по стартовому оборудованию.

К этому времени на смену первой, стационарной системе С-25 пришла новая, мобильная — С-75 с боевыми возможностями по дальности высоте поражения целей превосходящая первую. Быстро войдя в должность, Лепехов в постоянных командировках помогает офицерам бригады в освоении новой техники, обучает её эксплуатации и ремонту. Ему, как отличному специалисту, командование доверяет самостоятельную приёмку новых комплексов, поступающих в бригаду с заводов-изготовителей. Приёмка происходила на полигоне, куда прибывал обученный личный состав дивизиона. Здесь он получал технику, самостоятельно под контролем специалистов полигона готовил её к боевой стрельбе и, в случае успешной сдачи практического экзамена, отправлялся на место постоянной дислокации, где и становился на боевое дежурство. Понятно, что процедура требовала от руководителя больших знаний и опыта. Отлично зарекомендовавший себя молодой инженер уже через восемь месяцев назначается на должность главного инженера зенитно-ракетных войск дивизии ПВО, которая дислоцировалась в самой южной точке СССР — посёлке Мары. Здесь он параллельно около года исполняет должность начальника ЗРВ дивизии и за достигнутые успехи в поддержании техники ЗРВ в состоянии постоянной боеготовности досрочно получает воинское звание «инженер-майор».

В 1963 году он перемещается на должность главного инженера зенитно-ракетной бригады в Чарджоу. Бригада в сложных условиях выполняла особо ответственную задачу, с которой, как и в предыдущих случаях, майор Лепехов отлично справляется. Доказательством тому служит факт.

В 1966 году, как высококвалифицированный специалист ЗРВ, он направляется в длительную командировку в воюющий Вьетнам, где дружественный народ, далеко не на равных, мужественно сражается за свою независимость с американскими агрессорами. Истинно русский человек, умеющий сострадать и сопереживать, интернационалист Евдоким Ильич Лепехов не может не сочувствовать униженным и оскорблённым вьетнамцам. Он едет во Вьетнам на должность заместителя начальника учебного центра. Здесь, во вьетнамских джунглях, скрытно от разведки противника, он должен готовить из не слишком образованных вьетнамцев полноценных ракетчиков, защитников неба своей многострадальной Родины. Занятия советские офицеры проводили в сложнейших бытовых, природных и климатических условиях. Тропический влажный климат, мягко говоря, не способствовал ни здоровью, ни бодрости русского человека. Организм трудно адаптировался к внешней среде и специфической вьетнамской кухне. Примитивные учебные и жилые помещения, наскоро построенные в джунглях, укрывали от воздушной разведки противника, но не имели ни электричества, ни водопровода, ни канализации. Не было подходящих учебных пособий, весь расчёт строился на глубоких знаниях советских преподавателей. Не было технически грамотных переводчиков. Однако советские офицеры, как и было и положено в советское время, стойко переносили трудности воинской службы. Никакого роптания не было. Очень добросовестно относились к учёбе и вьетнамцы. Не имея достаточного образования для понимания физических процессов, происходящих в системе управления зенитной ракетой, они наизусть заучивали лекции и наставления. Все понимали: чем скорее вьетнамские ЗРВ встанут на защиту неба, тем

меньшие потери понесёт страна. Надо особо подчеркнуть, что практические занятия проводились на реально боеготовой технике, зенитно-ракетных дивизионов, которые в случае необходимости немедленно вступали в бой.

Боевая позиция дивизиона замаскированная бананами

Для подготовки вьетнамских боевых расчетов зенитно-ракетных дивизионов формировались группы по эксплуатации отдельных подсистем комплекса С-75: передатчики и антенные устройства, приёмники, индикаторы, блоки выработки команд управления ракетой и т.д. На подготовку боевого расчета отводилось два — три месяца. Обучение проходило под лозунгом: «Нужно не только уничтожить вражеский самолёт, но и сохранить технику и самим остаться живыми, чтобы продолжить борьбу до победы!» Слушатели курсов обучались не только технике, но и методам её эффективного боевого применения, борьбе с активными и пассивными помехами, применяемыми противником, самонаводящимися на источники радиоизлучения снарядами типа «Шрайк», только появившимися на вооружении армии США в то время. Надо сказать, что и советские офицеры-зенитчики сами получали хороший боевой опыт, который в дальнейшем использовался на Родине.

Первые два месяца обучения на рабочих местах зенитно-ракетных дивизионов, несущих боевое дежурство и в слу-

чае налёта немедленно вступавших в бой, находились советские офицеры и солдаты, вьетнамские курсанты стояли рядом, за спиной. Затем они менялись местами. Вьетнамцы проводили боевую работу, советские воины — контролировали, консультировали, при необходимости поправляли действия того или иного лица боевого расчёта.

Майор Лепехов на совещании с командирами боевых дивизионов

Постановка задачи командирам технических дивизионов

Подведение итогов боевых действий главным военным советником

«Командовать дивизионом во время налёта американской авиации в мои функции, как главного инженера, при наличии командира не входило, заменять выбывшего из строя тоже не приходилось. — Говорит Евдокии Ильич. Вот командовать боевыми действиями полка с командного пункта случалось. Но моей основной задачей была организация учебного процесса и эксплуатации боевой техники. Я составлял учебные планы и программы, организовывал учебные группы, проводил показные занятия, контролировал преподавателей, организовывал восстановление аппаратуры, в сложных случаях лично участвовал в ремонте и настройке. Приходилось выполнять и обязанности начальника учебного центра.

Вспоминается такой случай. Подготовили мы к самостоятельной работе вьетнамский зенитно-ракетный полк из восьми дивизионов. Выводить колонну на боевые позиции было поручено мне. Вызвал командира полка Буй Дан Ты и главного инженера, кстати, Героя Вьетнама, и объявил своё решение. Во-первых, из лучших специалистов создать оперативную ремонтную группу для скорейшего исправления поломок и неисправностей техники в пути, во-вторых, подготовить людей и технику к преодо-

лению самого сложного участка пути — водной преграды. Указал время готовности к выходу колонны. До переправы добрались благополучно. Незначительные поломки техники, особенно автомобильной быстро устранялись. Лично вместе с командиром полка осмотрел понтонный мост. Он показался мне не слишком надёжным, поэтому решил не следовать слепо инструкции, в соответствии с которой первой мост должна преодолеть кабина «П» — передающее устройство системы С-75. Подумал, если мост не выдержит её тяжести, и мы утопим эту кабину, то полк сразу лишится одного дивизиона! Без передающего и антенного устройств система работать не может. Поэтому первым решил пустить подъёмный кран, затем пусковую установку. Без них, в крайнем случае, можно обойтись. Проверив, таким образом, надёжность моста, пропустить по нему всю колонну. Интуиция меня не подвела. Кран мост преодолел, а тяжести пусковой установки не выдержал, и она утонула в Красной реке. Через незначительное время мост был восстановлен и полк, преодолев реку, в полном составе занял боевые позиции. О происшествии было доложено по команде. Из Ханоя прилетела группа офицеров для разбирательства. Комиссия установила, что моё решение было единственно верным, и я получил благодарность главного военного советника.

А вот другой случай, касающийся уже не техники, а, скорее, человеческого фактора.

Приезжаю в один из дивизионов, а там замполит проводит собрание, на котором обсуждается трусость, проявленная во время боя техником кабины «П». Кабина эта во время боевой работы вращается вместе с антенным устройством и в ней по инструкции может находиться только один человек. Поговорил с этим лейтенантом. Выяснилось, что у него своеобразная психическая болезнь — боязнь одиночества. Боялся он именно одиночества, а не «Шрайка», который мог влететь прямо в кабину — точность их самонаведения весьма высока! Следующий бой, вопреки инструкции, провёл вместе с ним в кабине. Бой

был серьёзный. По дивизиону было выпущено четыре «Шрайка»! Но благодаря своевременно принятым мерам, дивизион не пострадал. Я наблюдал за этим молодым парнем. За всё время боя у него на лице не дрогнул ни один мускул! После этого случая написал докладную записку в политуправление, где предложил программу психологической подготовки человека к боевой работе в условиях полного одиночества. Кстати, мой крестник в дальнейшем признаков боязни одиночества больше не проявлял!

Ещё памятный случай из того времени.

В тот день я находился на командном пункте полка в роли оперативного дежурного. Американская разведка засекла местоположение одного из наших дивизионов — помнится, командовал им тогда майор Осипов. В целях уничтожения дивизиона был организован, так называемый, «звёздный налёт». Самолёты шли на него одновременно с нескольких направлений. Дивизион оказался в тяжёлом положении. В бою он уничтожил два «Фантома», довольно удачно отвёл от себя три самонаводящихся «Шрайка», однако один из них взорвался вблизи станции разведки и целеуказания (СРЦ), повредив при этом наземный радиозапросчик, определяющий свой или чужой самолёт находится в зоне обнаружения. Дивизион в каком-то смысле ослеп! В воздухе в это время были и вьетнамские истребители. Они тоже могли быть поражены огнём дивизиона. Обычно американцы, не добившись успеха в подавлении дивизиона, через некоторое время налёт повторяли. Я принял решение передислоцировать дивизион на запасную позицию и вывести его из-под возможного удара. Технику свернули и переместили всего за тридцать пять минут! А через пятьдесят минут налёт повторился, но бомбы и снаряды падали уже на пустое место! Боевые возможности были технической службой быстро восстановлены, и дивизион снова стал громить противника!

За время моего пребывания во Вьетнаме дивизионами нашего учебного центра было уничтожено сорок семь американских самолётов. К слову сказать, всего же за время

войны во Вьетнаме американцы потеряли около шести тысяч самолётов! Особенно большие потери они несли тогда, когда ещё не опасались советских ЗРВ, и для ударов по площадям совершали массированные налёты. Самолёты шли к цели в плотных боевых порядках, и нашим первым зенитно-ракетным дивизионам порой удавалось одной ракетой уничтожать по два или даже по три самолёта!

Благодаря вводу советских зенитно-ракетных войск, организации учебных центров и подготовке вьетнамских ракетчиков были не только спасены города Вьетнама. Понеся огромные потери авиации, американцы были вынуждены вообще прекратить боевые действия!

Надо сказать, что кроме советских учебных центров ЗРВ в то время во Вьетнаме были и учебные центры, где наши инструкторы готовили вьетнамских лётчиков-истребителей. Были и китайские учебные центры, но поскольку между нашими странами были натянутые отношения, никакого взаимодействия между ними не существовало.

«Война — есть война! — говорит ветеран. Были у нас и потери. Люди погибали часто по своей беспечности. Американцы применяли шариковые бомбы. Металлические шарики, размером с теннисный мяч, порой имели взрыватели замедленного действия и срабатывали на позициях дивизионов, когда люди уже забывали о бдительности. Однако ни один дивизион за время моей службы уничтожен американцами не был! Естественно, мне не раз приходилось бывать под бомбёжками, но Бог, как говорится, миловал!

Вьетнамцы к советским людям относились, можно сказать, с обожанием. Ни о какой враждебности не может быть и речи! Хотя почти у каждого нашего офицера был телохранитель, действительно готовый прикрывать охраняемого своим телом. Я это испытал на себе. С местным гражданским населением общались мало — мешала языковая преграда и слишком разнящийся уровень общей культуры. Хотя мне и приходилось бывать в окрестных дерев-

нях, видеть разрушенные и сожжённые напалмом селения и участки джунглей, слышать слёзы и причитания матерей и детей, убитых горем. Тогда и написал вот эти строки:

Ужасно видеть мне, как здесь живые тени бродят,
Как плачут дети, потерявши мать,
Как в небе чистом самолёты янки рыщут,
Чтоб рушить всё и убивать!

Кто их родил душителей свободы?
Мы Богом созданы для счастья и любви!
Боритесь же за мир, народы,
Не мало здесь и так уж сожжено земли!

В затерянных в непроходимых джунглях деревушках жили очень отсталые, практически неграмотные люди. Но не могу не сказать о высоких нравах этого народа. Особенно женщин. Нация очень заботилась о своей чистоте. За связь с иностранцем вьетнамку могли просто убить! Хотя вьетнамское государство и всё общество и было озабочено ростом народонаселения. Ведь они готовились вести войну за свою свободу, как говорили, сто лет! Так, например, каждый солдат, несмотря ни на что, ежегодно имел отпуск и поощрялся в случае, если его жена за это время забеременела!

В целом, хочу сказать, что вьетнамцы — трудолюбивый, доброжелательный, гостеприимный народ со своими глубоко укоренившимися восточными традициями и заслуживает всяческого уважения!

Подготовив к самостоятельному несению службы личный состав двух зенитно-ракетных полков, обучив его эксплуатации и боевому применению боевой техники и проверив готовность на практике, наш учебный центр прекратил своё существование. Оставив гарантийную бригаду офицеров — специалистов по всем системам зенитно-ракетного комплекса С-75, мы в 1968 году вернулись на Ро-

дину. Прощание с вьетнамскими товарищами было до слёз трогательным.

За службу во Вьетнаме мне досрочно было присвоено воинское звание «подполковник» и вручён орден Красной Звезды. После довольно длительной командировки я вернулся в родную бригаду на свою должность главного инженера, а уже через несколько месяцев был назначен начальником зенитно-ракетных войск дивизии ПВО. Дивизия прикрывала более тысячи километров южной воздушной государственной границы СССР и включала кроме авиационных и радиотехнических полков четыре зенитно-ракетных бригады и зенитно-ракетный полк. Так что хозяйство у меня оказалось большое к тому же разбросанное по большой территории! Должно быть, в последующие годы со своими обязанностями справлялся неплохо, поскольку регулярно поощрялся командованием.

В 1971году наша дивизия была подвергнута всесторонней проверке Министерством обороны СССР. Одиннадцать дивизионов в воинских эшелонах отправились на читинский полигон для боевых стрельб. Бригады и полк были представлены отдельными дивизионами, оставшиеся продолжали нести боевое дежурство. На незнакомом полигоне заняли боевые позиции, развернули технику и стали готовиться к стрельбам. По условному объекту, который мы прикрывали с воздуха, было запущено одновременно тринадцать самолётов-мишеней. Все они были уничтожены огнём зенитно-ракетных дивизионов. Стрельбы проводились в сложных метеоусловиях, в незнакомой местности. Так что искусственных пассивных помех и ставить было не нужно! Естественных хватало! Зенитно-ракетные войска дивизии с задачей справились прекрасно, заслуженно получив отличную оценку. После стрельб меня вызвал в Читу командующий армией, чтобы лично поблагодарить за отличную подготовку вверенных мне частей ЗРВ.

Отдав двенадцать лет жизни охране южных воздушных границ Родины, получил назначение на должность начальника кафедры Пушкинского высшего училища радиоэлек-

троники войск ПВО страны. Однако здесь не задержался. Семья оставалась в Чарджоу, квартиры в обозримом будущем не предвиделось. По старой памяти получил приглашение от бывших сослуживцев снова вернуться в войска, теперь в ленинградскую армию ПВО страны на должность заместителя главного инженера ЗРВ армии. Честно говоря, войска мне были ближе и роднее, чем учебное заведение! Согласился. Через два года стал главным инженером ЗРВ — заместителем начальника зенитно-ракетных войск ленинградской армии ПВО страны. В 1976 году моя работа на этой должности была отмечена орденом За службу Родине.

В 1979 году мне была предложена вторая длительная командировка за границу. Теперь на Кубу советником главного инженера — заместителя начальника зенитно-ракетных войск вооружённых сил республики. Отказаться не мог, ведь дружественная нам страна, строящая социалистическое общество, находится в непосредственной близости от США — главного врага социализма — и воздушного нападения можно ожидать в любое время! То есть, техническое состояние и боеготовность войск ПВО должна быть на самом высоком уровне! Я просто был обязан применить здесь все мои знания и опыт! На этот раз в командировку отправился с женой и дочерью. Нас с почестями встретили в аэропорту начальник ЗРВ и его заместители. Поселили в двухэтажном коттедже с приёмной и тремя спальными комнатами. Впрочем, наслаждаться прелестями жизни в этой экзотической стране было некогда. Два года прошли в постоянных командировках по войсковым частям, разбросанным по всему острову; разработке инструкций должностным лицам и прочих руководящих документов, регламентирующих деятельность технической службы ЗРВ; организации учебных заведений по повышению квалификации инженеров и техников; проведении боевых стрельб дивизионов; контроле за состоянием боевой техники и т. п.

Надо сказать, что уровень общей и технической подготовки кубинцев существенно отличался в лучшую сторону от вьетнамцев. Многие из кубинских офицеров получили образование в СССР, часть — имела хорошее гражданское техническое образование. Работать с этими людьми было много легче. Как и во Вьетнаме бросалась в глаза глубокая вера людей в идеи социализма, уважение и любовь к руководству страны, готовность к защите Родины.

Кубинцы весёлый, темпераментный, очень гостеприимный южный народ. К Советскому Союзу и его представителям относились очень благосклонно. При малейшей возможности демонстрировали готовность оказать немедленную помощь. Они большие патриоты, гордятся своей страной, её историей и культурой. Кроме глубокой благодарности и уважения к этому народу я ничего не испытываю. Осталась в памяти близость руководства страны к своему народу, особое уважение и любовь к Фиделю Кастро и его сподвижникам, в частности, к братьям. С большим уважением мне рассказывали о старшем брате Фиделя, который организовал и много лет руководил образцовым совхозом, обеспечивающим продовольствием Гавану. Очень понравилось мне и товарищеское отношение между начальниками и подчинёнными в кубинской армии.

Я очень сожалею, что тёплые, дружеские отношения с Вьетнамом и Кубой после известных событий девяностых годов в нашей стране были разрушены! Друзей легко потерять, труднее найти!

В 1981 году я с грустью расстался с Кубой и кубинцами, многие из которых стали моими близкими друзьями. Моя служба на Кубе была отмечена несколькими благодарностями и грамотами Советского и Кубинского правительств.

Вернувшись на Родину, я написал рапорт с просьбой об увольнении в запас. Мои силы к пятидесяти годам были основательно подорваны. После увольнения из Вооружённых Сил СССР ещё несколько лет работал в гражданских учреждениях на менее ответственных и сложных долж-

ностях. Но в душе всегда оставался и остаюсь офицером Советской Армии. По возможности, веду патриотическую работу с молодёжью, рассказываю о военной службе, о былой боевой мощи нашей армии и флота, о чести и достоинстве всегда ранее присущих русскому человеку — потенциальному защитнику своего Отечества; о необходимости знать и гордиться своей историей, ибо в противном случае всякое рассуждение о патриотизме теряет смысл! В беседах с молодёжью анализирую прошлое и настоящее моей Родины. Стараюсь объяснять бессмысленность и вред сегодняшних военных реформ.

На встречах в школах и библиотеках люблю читать стихи великих русских поэтов. Иногда читаю и свои. Слушатели частенько удивляются: как Вы можете всё это помнить в Вашем возрасте? Отвечаю так: я люблю свою Родину, свой русский народ и не терплю несправедливости! Это и даёт мне жизненные силы!»

ОН ОХРАНЯЛ НЕБО ДАМАСКА

Подполковник Роженцов Альберт Евгеньевич активный участник арабо-израильской войны 1973 года, кавалер трёх орденов и многих медалей родился в 1935 году в деревне Русская Шульма Советского района Кировской области в семье сельского интеллигента.

Отец Евгений Александрович в годы Великой Отечественной войны — рядовой солдат Волховского фронта — храбро защищал город Ленинград. В жестоких боях получил тяжёлое ранение. За мужество и отвагу награждён несколькими солдатскими медалями. В 1944 году был комиссован и вернулся к своей довоенной деятельности сельского учителя. До самой смерти он сеял доброе и вечное в умах и сердцах сограждан. Преподавал в старших классах гуманитарные дисциплины. Много лет, будучи директором школы, достойно возглавлял школьный коллектив. Добрая память об этом человеке и поныне живёт в сердцах его многочисленных учеников и воспитанников.

Мать Анна Максимовна также всю жизнь посвятила образованию и воспитанию советских граждан на самом начальном и важном участке их жизни, когда человеку прививаются основы морали. Она была учителем начальной школы.

Многие ныне живущие ещё помнят, каким уважением пользовался в добрые старые времена учитель и особенно учитель сельский. Ведь он нёс культуру в самые отдалённые уголки нашей огромной страны! Работая с молодёжью, он определял будущее народа! Высокий социальный статус учителя поддерживался государством, чего, увы, нельзя сказать о нынешних временах! Учитель, как и должно быть, во все времена, вплоть до нынешнего, был непререкаемым авторитетом, образцом для подражания! Это не могло не сказываться и на детях учителей. Они просто не имели морального права ронять авторитет родителей!

В семье учителей Роженцовых детей было четверо, и все они выросли достойными своих родителей. Борис стал военным лётчиком-снайпером, Альберт — военным инженером, Владимир — врачом, Юрий — инженером-механиком. Советская средняя школа, независимо от того столичная она или провинциальная, руководствовалась одной учебной программой, унаследовавшей всё хорошее из старой гимназической; давала везде практически одинаковые знания, обеспечивала поступление в любой вуз, то есть позволяла сделать осмысленный выбор жизненного пути советским человеком!

Алик поступил в школу в 1943 году. Время было тяжёлое, шла Великая Отечественная война. Отец ещё не вернулся с фронта, семья, как и все советские семьи, во многом нуждалась (на попечение матери было трое детей!), но школы работали и все дети учились! Власти за этим строго следили! Не хватало учебников, тетрадей, даже перьев и чернил, но процесс подготовки будущего страны — следующего поколения советских граждан — не останавливался! В холодных, плохо отапливаемых помещениях, порой, не снимая верхней одежды и отогревая пузырьки с чернила-

ми в карманах, ребята овладевали знаниями, в них воспитывалась любознательность (любовь к знаниям!) и особое почитание людей, владеющих большими знаниями, — учёных! Потому-то поколение детей войны в 60-е — 70-е годы прошлого столетия и подняло нашу страну на недосягаемую сегодня высоту в науке и искусстве, в образовании и медицине, в производстве и высоких технологиях!

Алик учился добросовестно, занимался общественной работой среди сверстников, в старших классах возглавлял комсомольскую организацию школы, добился неплохих результатов в спорте — выполнил норму первого спортивного разряда по лыжным гонкам. Эгоистов, единоличников-одиночек, старавшихся жить вне общества, тогда не уважали и высмеивали! В стране процветал коллективизм, альтруизм. Люди жили девизом: «Раньше думай о Родине, а потом о себе!» Это сплачивало народ и позволяло добиваться больших побед! Алик жил, как и все его сверстники, ничем особенно не выделяясь.

Романтика, владевшая ребятами в те годы, привела его после окончания школы в Ленинградский горный институт. Он мечтал о походах с поисковыми партиями геологов по нехоженым тропам нашей необъятной Родины, об открытиях природных богатств, существенно улучшавших жизнь сограждан и могущество Страны Советов. Однако, не добрав одного балла, по конкурсу в институт он не прошёл — конкурсы в вузы в послевоенные годы были огромные. Чтобы приобрести трудовой жизненный опыт, устроился рабочим в Ленинградский метрострой. Ребята тех лет спешили стать взрослыми, самостоятельными, снять бремя заботы о себе с родителей. В 1954 году он был призван в Советскую Армию. В военкомате ему предложили дилемму: или пятилетняя служба на флоте, или трёхгодичное военное училище. Альберт выбрал учёбу. Тем паче, офицер в те времена имел очень высокий социальный статус. Ленинград нравился молодому человеку. За год он успел ознакомиться со многими его достопримечательностями. Чтобы продлить жизнь в этом прекрасном городе

— одном из центров мировой культуры — он выбрал Пушкинское радиотехническое училище войск ПВО страны. Теперь конкурсные экзамены были успешно сданы, и он стал курсантом.

Юношу сразу увлекла сложнейшая, по тем временам самая передовая техника автоматического наведения зенитных артиллерийских орудий на движущуюся с большой скоростью воздушную цель — вражеский самолёт. В училище существовала практика уже в первые дни знакомить первокурсников с техникой, которую им придётся эксплуатировать в дальнейшем. Обнаружение самолёта противника на дальности десятки километров радиолокатором, автоматическое его сопровождение и определение координат, вычисление координат точки встречи снаряда с целью и автоматическое наведение орудий в эту точку — не могли не произвести впечатления на впервые столкнувшуюся со всем этим молодёжь! Кроме того, её вдохновлял патриотизм: холодная война разгоралась, профессия офицера — защитника Отечества — была очень востребованной и престижной.

Курсант Роженцов, как, впрочем, и другие его однокашники, добросовестно постигал премудрости своей будущей специальности техника зенитной батареи. Училище было первым учебным заведением страны, готовящим специалистов по радиолокации, имело прекрасную материальную базу, опытных командиров-воспитателей и преподавателей, многие из которых прошли войну. Учебная программа была сложной и многогранной. Чисто военные дисциплины: тактика общевойсковая и войск ПВО; огневая, противохимическая, противоатомная подготовка; топография, инженерное и автодело; чередовались с техническими — электротехникой, радиотехникой, артиллерией, счётно-решающими устройствами. В завершение обучения курсанту нужно было освоить эксплуатацию и ремонт всей техники зенитной батареи. В то время на батарее техник был единственным технически грамотным человеком, и именно на нём лежала ответственность за

поддержание её в боевой готовности! Воспитание чувства ответственности в будущих офицерах обеспечивалось гуманитарными дисциплинами. Да и вся атмосфера послевоенных лет воспитывала чувство долга перед Родиной и ответственности за порученное дело в будущих офицерах. По сей день Альберт Евгеньевич с глубокой благодарностью вспоминает училище, заложившее основы его профессии офицера Советской Армии и инженера по радиотехнике. Школьные достижения в спорте пригодились и здесь. Спорту, физической подготовке командование уделяло самое серьёзное внимание. Не даром в шутку курсанты и выпускники именовали свою alma mater «радиотехническим училищем со спортивным уклоном»! Курсант Роженцов в составе сборной команды училища не раз защищал его честь на соревнованиях различенного уровня.

В 1957 году, получив диплом радиотехника и воинское звание «техник-лейтенант», он стал техником зенитной батареи в Уральской армии ПВО страны. В конце пятидесятых годов шло активное перевооружение войск на новую зенитно-ракетную технику. Знаний, полученных в училище, ему вполне хватило для самостоятельного овладения новой техникой — зенитно-ракетным комплексом С-75.

Лозунг Советской власти «Не останавливаться на достигнутом, постоянно двигаться вперёд!», воспитанная ещё средней школой любознательность, заставляли всех советских людей, в том числе и офицеров, стремиться к самосовершенствованию. Старший техник-лейтенант Роженцов в 1961 году поступает в радиотехническую академию. Специальность определила сама жизнь — инженер по радиотехнике. Пять лет учёбы в академии существенно повысили теоретический уровень офицера, помогли глубже понимать процессы, происходящие в сложной автоматизированной системе управления зенитной ракетой и более эффективно использовать её боевые возможности.

По окончании академии инженер-капитан Роженцов получает назначение на должность заместителя командира радиотехнической батареи зенитно-ракетного полка, при-

крывающего с воздуха город Баку с его промышленными предприятиями. Сложная боевая техника, ответственная задача, стоящая перед полком, постоянная боевая готовность к отражению воздушного противника потребовали много сил и времени молодого инженера для соответствующей профессиональной подготовки офицеров-техников и солдат-операторов. Капитан Роженцов успешно справляется с этой задачей, батарея выходит в число лучших в полку и Роженцов в 1968 году получает назначение на должность командира радиотехнической батареи в зенитно-ракетный полк, прикрывающий научно-испытательный полигон в Архангельской области. Добросовестный каждодневный воинский труд командира-инженера способствует его выдвижению в 1971 году на должность командира дивизиона.

В начале 1973 года отличному командиру дивизиона майору Роженцову предлагается длительная командировка в Сирию для исполнения интернационального долга — подготовки сирийских войск противоздушной обороны к отражению возможной агрессии Израиля. Сирийская арабская республика в то время встала на путь социалистического развития. Советский Союз активно помогал правительству Сирии, в том числе и в военном строительстве, прежде всего высококвалифицированными кадрами. Вызванный для беседы в Генеральный штаб майор Роженцов, не задумываясь, выразил готовность помочь сирийским товарищам в овладении советской зенитно-ракетной техникой и методами её боевого применения. Он становится военным советником командира зенитного дивизиона смешанного состава, стоящего на защите неба столицы Сирии Дамаска.

«Прибыв в Дамаск, сразу почувствовал напряжённость обстановки, — рассказывает Альберт Евгеньевич. — Всеобщая нервозность, постоянные разговоры о том, что ягуды вот-вот нападут, нарушение воздушных границ Сирии израильскими самолётами — обычное дело! Понял, что нужно срочно готовиться к худшему!»

Дивизион, в котором теперь служил майор Роженцов, включал кроме зенитно-ракетного комплекса С-75 ствольные зенитные батареи разного калибра. По вооружению и количеству личного состава во много раз превосходил советский и более соответствовал полку. Он располагался в пятидесяти километрах от Дамаска в пустынной, гористой местности. Альберт Евгеньевич оказался единственным русским человеком в окружении, правда, дружески и уважительно настроенных арабов. Переводчика в первое время не было. Пришлось срочно овладевать основами арабского языка хотя бы в рамках бытовой и специальной военной тематики. Хорошо ещё, что командир дивизиона подполковник Абдулязиз и некоторые офицеры прошли различные курсы обучения в Советском Союзе! В целом же уровень общей и военной подготовки офицеров-арабов был существенно ниже, чем советских, многие солдаты были совсем неграмотными!

На боевой позиции дивизиона

Понимая, что война не за горами, опытный офицер, прежде всего, налаживает боевую подготовку по советскому образцу. Не жалея времени совместно с подсоветным Аб-

дулязизом осуществляет контроль занятий с техниками и операторами, а при необходимости проводит занятия сам, используя в качестве переводчика одного из знающих русский язык офицеров в том числе и командира дивизиона. Как вспоминает Роженцов, арабы беспрекословно повиновались опыту советского офицера. Несколько месяцев упорных трудов существенно повысили боеспособность дивизиона. Оценку военному советнику выставила арабо-израильская война.

Война Египта и Сирии против Израиля с 6 по 25 октября 1973 года имела целью возвратить оккупированные Израилем в 1948 году арабские территории, решением Организации Объединённых Наций, предназначенные для арабского государства Палестина. Шестого октября египетские и сирийские войска перешли в наступление. Однако, продвинувшись за первый день на 12 — 15 километров в результате контрнаступления израильских войск были вынуждены вернуться на исходные позиции. С 11-го по 24-е октября сирийские войска вели оборонительные бои под Дамаском. 22-го октября по инициативе СССР Совет Безопасности ООН принял резолюцию, призывающую воюющие стороны прекратить боевые действия. 24-го октября на сирийском фронте бои прекратились. Надо сказать, что арабо-израильская война 1973 года была самой крупной локальной войной XX-го столетия на Ближнем Востоке, в которой использовалась самая современная на тот момент военная техника. Она характерна массовым применением танков, самолётов и вертолётов. За две недели только в небе Дамаска было сбито 64 израильских самолёта!

Израильтяне бомбят Дамаск

«Гуманизм» израильтян

Возмездие

Значительную роль для окончания боевых действий и заключения перемирия сыграли войска ПВО Сирии в целом и дивизион, в котором военным советником служил майор Роженцов. За девятнадцать дней боевых действий дивизион, не имея потерь, уничтожил пять израильских боевых самолётов!

Вот как описывает первый бой подполковник Роженцов.

«О начале боевых действий сирийской армии меня предупредили из Управления главного военного советника Министерства обороны Сирии. Я незамедлительно прибыл на позицию дивизиона и совместно с подсоветным командиром провёл контроль функционирования зенитно-ракетного комплекса. Аппаратура работала нормально. Затем мы обошли все рабочие места офицеров и операторов, проверили знание функциональных обязанностей в боевой обстановке, побеседовали об ответственности каждого номера боевого расчёта. Недочёты устранялись на месте. Такую же проверку готовности прошли и артиллеристы. Пытались доложить о готовности в штаб бригады, но связи не было. Израильтяне бомбили Дамаск. Перевели все средства дивизиона в готовность №1 и решили действовать самотоятельно. Всё оставшееся до заклю-

чения перемирия время лица боевого расчёта оставались на рабочих местах, радиолокатор кругового обзора непрерывно осматривал воздушное пространство.

Противник не заставил себя долго ждать. От начальника радиолокатора обнаружения поступил доклад: «Одиночная цель, азимут X, угол места Y, дальность Z. Движется в нашем направлении». Вот отметка от неё появилась на выносном индикаторе кругового обзора командного пункта. Командую «Включить аппаратуру и провести контроль функционирования!» и после доклада о готовности к стрельбе — «Обнаружить цель!» Абдулязиз дублирует команды. Офицер наведения обнаруживает цель и переходит в режим её автоматического сопровождения. После доклада «Цель в зоне поражения!» командую «Уничтожить цель двумя ракетами!» Слышу команды «Пуск первая! Пуск вторая!» С замиранием сердца следим по экранам, как взлетают ракеты. Вот они захвачены ждущими стробами, и отметки от них ползут (мне представляется ужасно медленно!) в сторону отметки от цели. Время как будто остановилось. Люди на командном пункте, кажется, даже перестали дышать в ожидании результата. Наконец, следует радостный доклад «Цель уничтожена первой ракетой!» На командном пункте раздаётся общий вздох облегчения и мгновенное оживление всех присутствующих — мы сбили первый вражеский самолёт!»

«Трудно выразить словами, — продолжает ветеран, — чувство удовлетворённости, которое испытал, когда увидел собственными глазами груду обломков, оставшихся от израильского Фантома и ощутил, что труды по подготовке дивизиона к боевым действиям не пропали даром! Вражеский самолёт не выполнил своей задачи: не сбросил бомбы и не пустил ракеты по объектам охраняемого города! Думается, те же чувства испытывал и подполковник Абдулязиз и весь личный состав дивизиона. Ободрённые первым успехом люди увереннее действовали при отражении последующих налётов израильской авиации, которые последовали один за другим.

Надо сказать, что благодарные за реальную помощь советским людям сирийцы относились к нам очень доброжелательно. Многие военные советники и работники посольства приехали в страну с семьями. Всем им в Дамаске были предоставлены неплохие квартиры.

При посольстве в Дамаске существовала русская начальная школа, и младшие дети не отставали от сверстников в учёбе из-за длительной командировки родителей. Детей старшего возраста нам было рекомендовано оставить в Союзе на попечение родственников или в специальном интернате в Москве. Правда, когда политическая обстановка накалилась, семьи на время боевых действий были эвакуированы в Киев. Затем желающие вернулись.

После заключения перемирия между воюющими сторонами нарушение воздушных границ израильскими самолётами продолжались ещё около двух месяцев, но в зону поражения средств ПВО они уже не входили. Несмотря на это мы поддерживали высокую степень боеготовности. От коварных ягудов можно было ожидать чего угодно!»

Прослужив в Сирии два года, Альберт Евгеньевич Роженцов в 1975 году вернулся в СССР. Советское Правительство отметило его воинские заслуги орденом Красной Звезды, сирийское — двумя национальными орденами.

По прибытию на Родину подполковник Роженцов получил предложение, учитывая его боевой опыт, вступить в командование зенитно-ракетной бригадой, но, испытывая давнюю тягу к занятиям наукой, попросил направить его для дальнейшей службы в научно-исследовательский институт. Командование пошло навстречу. Окончил воинскую службу Альберт Евгеньевич ведущим научным сотрудником НИИ.

«Хорошо выполненный интернациональный долг навсегда останется в моей памяти! — говорит сегодня ветеран. — Никогда не забуду и чувства гордости за свою могучую Родину — Союз Советских Социалистических Республик, — которое испытывал в годы службы в Сирии!»

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

Виктор Иванович Пиков — капитан первого ранга в отставке, ветеран Великой Отечественной войны, военной службы и труда; воин-интернационалист, кавалер ордена Красной Звезды и шестнадцати медалей — родился в 1928 году в городе Белая Церковь Киевской области.

Отец, Иван Михайлович, кадровый командир Красной армии, убеждённый коммунист, активный участник Великой Отечественной войны, принимавший участие в сражениях, как на западных фронтах, так и на восточном — в войне с Японией. Мать, Мария Владиславовна, медицинская сестра и верная офицерская жена, познавшая вместе с мужем все тяготы военной службы.

Великая Отечественная война застала Пиковых в городе Львове, где отец к тому времени проходил службу. Как кадровый офицер, он уже в первые дни войны вступил в схватку с врагом на западной границе СССР. Семья вместе

с фронтом, постепенно отступая на восток под натиском превосходящих сил фашистов, в конце-концов оказалась в эвакуации в Курганской области. Здесь Витя и продолжил учёбу в школе.

Как и большинство советских людей в то время, ещё подростком, он мечтал поскорее оказаться на фронте, чтобы принять личное участие в борьбе с ненавистными фашистами. Сколько же в те грозные для нашей страны годы подростков, Ванек и Сашек, Вовок и Петек, бросив школьные занятия, вопреки увещеваниям матерей, преодолевая неимоверные трудности, пробиралось к фронту! Сколько тогда было сынов полков, кораблей, батарей и эскадрилий, в мальчишеские годы несущих трудную и почётную солдатскую и матросскую службу и уже в нежном возрасте награждённых боевыми медалями и орденами! К сожалению, нынешние СМИ и власти об этом умалчивают! Видимо, не слишком они желают воспитания народа в духе высокого патриотизма! Одному из таких героев-подростков посвятил свою повесть «Сын полка» Валентин Катаев. Очень жаль, что в настоящее время она почти забыта! «Ребятишкам хотелось под танки!» — такими словами образно описал общее патриотическое настроение детей той войны Владимир Высоцкий. И его слова могут подтвердить все очевидцы.

Из тех же патриотических побуждений после окончания восьмого класса средней школы самостоятельно отправился поступать в свердловскую спецшколу Военно-воздушных сил и Витя Пиков. Но война близилась к концу, и повоевать на ней ему не пришлось. В 1945 году по окончании спецшколы он был направлен в Ейское лётное училище. Успешно сдал вступительные экзамены. Однако зачислен не был — от постоянного недоедания, тяжёлой физической и умственной нагрузки он выглядел много младше своих семнадцати лет. Обучаясь в спецшколе, он вынужден был самостоятельно зарабатывать на хлеб! Медицинская комиссия вынесла безоговорочный вердикт: «Подрасти, парень, окрепни физически и приезжай на сле-

дующий год!» Огорчённый неудачей, потерявший связь с родителями, без гроша в кармане Витя направляется во Львов к родственникам, где его и нашли уже воссоединившиеся родители. С их помощью он перебирается на Дальний Восток и там ещё раз проходит программу десятого класса школы. Он не может себе позволить провалиться на экзаменах в военное училище. Воинская служба давно стала его мечтой!

В 1946 году восемнадцатилетним окрепшим юношей он поступает в Тихоокеанское высшее военно-морское училище. Его давнишняя мечта осуществилась.

Сегодня Виктор Иванович с удовольствием вспоминает курсантские годы — годы становления личности офицера, идейной и жизненной его закалки. Наполненные воинским трудом и учёбой, недели, месяцы, годы летели быстро. Преподаватели училища, в большинстве своём участники Великой Отечественной войны, с удовольствие делились опытом с молодёжью. Учили тому, что необходимо на войне. Дни курсантов до отказа были заполнены учёбой, тренажами, матросской службой. На личные нужды (написать письмо, почитать книгу, побеседовать с друзьями) в сутки отводилось не более часа так называемого «личного времени» да и то часть его затрачивалась на подготовку к завтрашнему трудовому дню. «Тяжёлыми, но очень значимыми для офицерского будущего, запомнившимися на всю жизнь были годы обучения! С большой благодарностью вспоминают о них курсанты тех лет!» — с некоторой грустью говорит Виктор Иванович.

Наступил 1950-й год — год выпуска из училища в самостоятельную офицерскую флотскую жизнь. Печальное и вместе с тем радостное расставание с друзьями-однокашниками, со ставшим родным училищем, любимыми преподавателями; строгими, но доброжелательными командирами-наставниками. Как и всякий офицер, Виктор Иванович с волнением вспоминает выпуск: Приказ Министра обороны СССР о присвоении первого офицерского звания «лейтенант», вручение лейтенантских погон на-

чальником училища, первое облачение в офицерскую форму, чувство гордости полноправного защитника Отечества и прощальный вечер с друзьями.

Добросовестный курсантский труд не замедлил сказаться. Назначенный на Балтийский флот, Виктор Иванович в 1951–1956 годах успешно проходит все ступени офицерской иерархии от командира Боевой части III базового тральщика до командира корабля.

Надо сказать, что Балтика в период Великой Отечественной войны была буквально нашпигована морскими минами. Минные поля для усложнения доступа противнику к своим сухопутным границам и затруднения судоходства создавали обе воюющие стороны. После окончания войны мины стали обезвреживать в плановом порядке, но свои карты минных полей со временем устаревают, а карты противника не всегда попадают в руки победителей. Поэтому и после окончания боевых действий на морских просторах ещё долго продолжали греметь взрывы и гибнуть суда и люди. У тралового флота работы хватало!

«Особенно много боевых мин в пятидесятых годах оставалось в Рижском и Финском заливах!» — вспоминает Виктор Иванович. Заметно волнуясь, он с гордостью говорит, что только в Рижском заливе, командуя тральщиком, обезвредил девять морских мин. А ведь это, возможно, спасение от гибели девяти морских судов и сотен человеческих жизней!

Боевая работа по тралению тогда проводилась постоянно, что равносильно постоянной боевой готовности экипажей кораблей. Только люди, испытавшие военную службу в режиме постоянной боевой готовности, могут по достоинству оценить это! Постоянная боевая готовность предполагает возможность в любое время дня и ночи объявление боевой тревоги и постановку боевой задачи с немедленным выходом в море. Высокое нервное и физическое напряжение, которое ощущает при этом командир, нужно почувствовать самому, чтобы до конца понять тогдашнее состояние Виктора Ивановича!

«Морские мины времён Великой Отечественной войны, — продолжает свой рассказ Виктор Иванович, — делились на два класса: якорные и электромагнитные. Якорная мина — рогатый металлический шар диаметром около метра, металлическим тросом соединённый с грузом-якорем, лежащим на морском дне. Как сухопутные мины маскируются землёй, так и морские устанавливаются на некотором расстоянии от поверхности моря и приводятся в действие от соприкосновения с корпусом судна. Трал для их нахождения и дальнейшего обезвреживания — устройство, обнаруживающее трос и перерезающее его. При этом мина всплывает. После чего её либо расстреливают из корабельных орудий, либо, подойдя на шлюпке, закрепляют на один из её рогов-взрывателей устройство подрыва. Минёры после поджигания бикфордова шнура должны за время его горения удалиться от мины на безопасное расстояние». Сколько раз Виктору Ивановичу с мостика своего корабля с волнение приходилось наблюдать за действиями матросов-минёров, опасаясь за их жизни, а затем огромный столб воды, сопровождаемый грохотом взорванной мины и ощущать облегчение после удачно проведенной операции! Может быть, отчасти и поэтому так рано поседела его голова!

Действие электромагнитной мины основано на её притягивании к намагниченному металлическому корпусу корабля и дальнейшем приведении в действие взрывного устройства. Для обеспечения безопасности самого тральщика он предварительно подвергается операции размагничивания. Кстати сказать, большой вклад в дело обеспечения безопасности морских судов от таких мин внёс ставший впоследствии широко известным во всём мире академик Курчатов. Во время Великой Отечественной войны он занимался этой проблемой и своими разработками спас от гибели многие суда и тысячи человеческих жизней. Большинству он известен только как специалист в области атомной энергетики и ядерного оружия. При поиске таких мин тральщик тащит за собой специальный трал, который

обнаруживает на морском дне мину и, создав магнитное поле, имитирующее поле корабля, приводит ей взрывное устройство в действие. В этом случае боевая работа минёров более автоматизирована и менее опасна. Однако, как говорится, минёр ошибается только один раз! В своей работе он постоянно находится между жизнью и смертью! И это не может не отражаться на его психическом и физиологическом состоянии!

В 1957–1963 годах Виктор Иванович проходит службу на Черноморском флоте в должности командира корабля радиолокационного дозора. Эти корабли прикрывали узкие места в сплошном радиолокационном поле, существовавшем в СССР над всей территорией страны и на ближних подступах к её границам. Многоярусное радиолокационное поле создавалось радиотехническими средствами, которые входили в состав Войск ПВО страны, и позволяло своевременно обнаружить и уничтожить любую воздушную цель, нарушившую нашу границу. На командире корабля радиолокационного дозора лежала огромная ответственность за пропуск через свою зону обнаружения воздушной цели. Во времена «холодной войны» любая воздушная цель вполне могла быть носителем ядерного оружия!

1963–1971 годы Виктор Иванович служит в Камчатской флотилии тихоокеанского флота на должностях: командира тральщика, командира корабля радиолокационного дозора, заместителя командира дивизиона тральщиков, заместителя начальника штаба бригады кораблей.

В 1971–1977 годах он вновь на Черноморском флоте. Теперь он становится начальником оперативного отделения и боевой подготовки — заместителем начальника штаба Крымской военно-морской базы Черноморского флота. Надо сказать, что служебный рост советского офицера определялся только личными его качествами и отношением к службе!

В 1977 году накопленный двадцатисемилетний опыт офицера-моряка командование флота решило использо-

вать для обучения морскому делу тогдашних зарубежных друзей нашей страны, и капитан первого ранга Пиков В.И. направляется в Эфиопию, которая к тому времени встала на путь социалистического развития. Ему поставлена задача оказания помощи эфиопским морякам в овладении советской военно-морской техникой и методами её боевого применения. Виктор Иванович становится военным советником командира Военно-морской базы Эфиопии в городе Ассаб. Эфиопия в те годы вела активные боевые действия на нескольких фронтах: с Кенией и Сомали, покушающимися на её суверенитет, и внутренней контрреволюцией, желающей сохранения прежних колониальных порядков в стране. Это было время распада мировой колониальной системы. Народы Африки боролись за свою самостоятельность, независимость от европейских колонизаторов. Советское государство поддерживало справедливые требования угнетённых народов и помогало им оружием и советниками.

Советская помощь оружием

На базу в городе Ассаб поступали корабли советского производства. Опытные советские офицеры-моряки организовали систему переподготовки их новых хозяев-эфиопов. Человеку, когда-либо общавшемуся с африкан-

цами и азиатами, понятны трудности связанные с их обучением владению сложной современной техникой: языком общения, уровнем общей и технической подготовки, прилежностью в овладении новыми знаниями. К чести Виктора Ивановича он успешно преодолевал встречающиеся на его пути трудности!

Не надо забывать, что, находясь в зоне боевых действий, город Ассаб, а вместе с ним советские советники не раз подвергались артиллерийским обстрелам и бомбардировкам с воздуха и постоянно рисковали жизнью! Особенно привлекательной целью для врагов Эфиопии являлся расположенный в городе нефтеперегонный завод, взрыв которого мог привести к гибели и города и военно-морской базы. К счастью, средства противоздушной обороны его успешно прикрывали!

Кроме обучения друзей, рискуя собственной жизнью, советские воины-интернационалисты принимали участие и в боевых действиях на стороне Эфиопии. Капитан первого ранга Пиков разработал план высадки десанта эфиопской морской пехоты на территории Сомали и лично участвовал в высадке, чем во многом определил её успех. Десант разгромил сомалийские войска, и это принудило Сомали к заключению мира с Эфиопией.

Высадка самалийского десанта

Как и всегда в таких ситуациях в Эфиопии существовала пятая колонна, представители которой вели разведку в интересах противоположной стороны, устраивали диверсии, брали заложников и т.п. Виктор Иванович вспоминает случай, когда, работая над планом высадки десанта, он неожиданно увидел, как над его рабочим столом чёрная рука вырезает большим ножом дыру в фанерном потолке кабинета, видимо, с целью фотографирования документов. Поиски диверсанта результатов не дали, но с тех пор охрана помещения была усилена.

Как верная боевая подруга последовала за мужем в заграничную командировку его жена Надежда Георгиевна. Подвергая опасности жизнь, она все годы была рядом. Работая в эфиопском военном госпитале, она помогала раненым бойцам ввергнуться в строй. С ужасом и сегодня вспоминает она случай, когда неизвестные вооружённые люди рвались в её квартиру и только счастливый случай — неожиданное появление советских военнослужащих — спасло её от участи заложницы. Надежду Георгиевну без сомнения можно считать современной «женой декабриста», бросившей спокойный домашний уют ради того, чтобы быть рядом с любимым мужем!

К счастью, заграничная командировка четы Пиковых успешно закончилась в 1978 году. В этом же году за проявленное при исполнении служебных обязанностей муже-

ство капитан первого ранга Пиков Виктор Иванович был награждён орденом Красной Звезды и Почётной грамотой воину-интернационалисту Президиума Верховного Совета СССР.

Прослужив на флоте тридцать пять календарных лет, Виктор Иванович уволился в запас.

Прошло двадцать восемь лет с того дня, как он снял форму военного моряка. Казалось бы, срок достаточный, чтобы предать забвению время службы. Однако не даром считается, что офицерская служба, кроме действительной, включает службу в запасе и в отставке. Виктор Иванович и сегодня остаётся советским офицером-моряком. Он с гордостью вспоминает времена, когда вовсе не ради денег, наград и славы, а совершенно бескорыстно служил своему Отечеству. Он, по его словам, просто ощущал себя верным сыном, посвятившим ему свою жизнь! Как скромный русский человек, он не видит никакого героизма в своей службе — он просто исполнял свой долг! Поколение русских людей, к которому принадлежит Виктор Иванович, не могло плохо служить, потому что их служба была нужна Родине!

И после выхода в запас Виктор Иванович, пока позволяло здоровье, оставался активным членом общества, принимал самое деятельное участие в воспитании чувства патриотизма у современной молодёжи, её моральной подготовке к защите Отечества.

ЛЕНСО ВИНОГРАДОВ

Полковник Виноградов Юрий Иннокентьевич, участник боевых действий во Вьетнаме в 1968–69 годах, награждённый отечественным орденом Красной Звезды, орденом Демократической республики Вьетнам и многими медалями, родился в 1936 году в Москве.

Отец Иннокентий Николаевич, инженер по образованию, в первые дни Великой Отечественной войны был призван в Красную Армию и погиб в 1942 году, защищая родной город.

Мать Елизавета Михайловна, педагог дошкольного воспитания, родила троих детей, двое из которых умерли в раннем детстве в годы войны.

С пятилетнего возраста Юра рос сиротой. Чтобы прокормить детей в те грозные для страны годы, мать трудилась на двух предприятиях. Когда Юре ещё не было и шести лет, рано утром, уходя на работу, мать уже оставляла на его попечение двухгодовалого братишку. Семья жила в

коммунальной квартире небольшого деревянного дома на окраине Москвы вблизи железной дороги. Раннее детство Юры прошло под стук вагонных колёс, гудки паровозов и грохот взрывов авиабомб — железная дорога нередко подвергалась авиационным налётам. Предвидя это, отец до ухода на фронт успел с помощью соседей во дворе построить землянку, где и укрывались жители дома, услышав сигнал воздушной тревоги.

«Ярко запомнился из моего военного детства такой случай, — говорит Юрий Иннокентьевич. — Как-то ночью по радио объявили воздушную тревогу. Мама вскочила с постели, что-то на себя накинула, схватила на руки нас с братишкой и бегом во двор, в землянку. Начался налёт, послышался грохот взрывов, рвущихся невдалеке бомб. Земля сотрясалась, как в лихорадке, что-то сыпалось с потолка, был слышен вой моторов пикирующих самолётов. В землянке темно, но через щели в дверях иногда видно яркие проблески. Все находящиеся в землянке сидят, сжавшись в комок, закрыв глаза в ожидании своей участи. А мне очень любопытно узнать, что происходит снаружи. Встаю со скамейки и, приоткрыв дверь, выглядываю на свет божий. Помнится, картина ночного боя меня заворожила. Всё расцвечено яркими лучами прожекторов. Трассирующие снаряды зениток прочерчивают пунктирные линии то в одной, то в другой стороне тёмного ночного неба. На проходе луча прожектора то здесь, то там яркими серебряными фонарями вспыхивают аэростаты заграждения. Иногда в перекрестье прожекторных лучей виден маленький самолётик. И всё это под аккомпанемент грохочущих взрывов, которые, впрочем, зачарованный я в это время и не замечал!

Увлечённый увиденным, я некоторое время только кручу головой, наслаждаюсь необыкновенным зрелищем. Вдруг одна из бомб падает где-то, совсем рядом, и я, оторванный от земли воздушной волной, буквально влетаю в землянку. Там начинается переполох, все вскакивают со своих мест. Испуганная мама трясущимися руками ощу-

пывает моё тело в поисках ранений, а, не обнаружив их, награждает меня звонкими шлепками.

Из того военного времени сохранился в памяти и другой случай. Мама, как обычно, заперев комнату, ушла на работу, оставив нам какое-то пропитание и ключ. В случае тревоги я мог, открыв замок, убежать вместе с братишкой в укрытие. Кормлю малыша хлебом, размоченным в кипячёной воде. Вдруг слышится стук в дверь. Не поинтересовавшись, кто стучится, открываю замок и, от страха онемев, отступаю вглубь комнаты. На пороге стоит огромный живой немец! Ранее я видел немцев только на картинках и, конечно, люто ненавидел и боялся. Он протягивает мне самодельное блестящее алюминиевое кольцо и, как я с трудом понимаю, просит за него хлеба. Через какое-то время я, наконец, прихожу в себя, бросаюсь к двери, с грохотом её захлопываю перед его носом и закрываю на замок. Ещё долго после того, как заглохли его шаги, меня колотит нервная дрожь. Позже я не раз видел расконвоированных пленных немцев на улицах Москвы. Видимо, они не представляли никакой опасности, где-то работали и, кроме того, самостоятельно добывали дополнительное пропитание.

В 1943 году я пошёл в школу. До этого ни читать, ни писать я не умел — учить было некому и некогда! В школу тогда принимали с восьми лет, но мама уговорила директора взять меня семилетнего, поскольку братишка к этому времени умер, нянька ему больше не требовалась, а оставлять меня одного дома было всё же рискованно. В школе я хотя бы половину дня находился под контролем. Мама в это время работала на заводе, рабочий день длился двенадцать часов — Красная Армия очень нуждалась в оружии и боеприпасах!

Пожалуй, самыми сильными чувствами, оставшимися в памяти от тех времён, являются чувство ненависти к фашистам и чувство голода. Оно ещё долго не покидало моих сверстников и после окончания войны. О деликатесах я уж и не говорю. Нас очень впечатляли дымящаяся

паром, только что сваренная картошка и простой ржаной хлеб!

Моим воспитанием в детстве занимались школа с её пионерской организацией; соседка по квартире — старушка старообрядческого вероисповедания и родственники, жившие сравнительно недалеко: мамина сестра и её муж — паровозный машинист. Дядя и тётя иногда и подкармливали меня. Воспитываемый школой атеистом, старушку-соседку я уже учеником начальных классов старался убедить во вреде религии. Моя мама и близкие родственники к религии, по крайней мере, внешне, относились равнодушно. Возможно, конечно, они скрывали своё истинное отношение к Богу — за веру можно было получить неприятности на работе! Сами воспитанные в традиционной русской православной системе ценностей, происходившие из подмосковных крестьян, дядя и тётя воспитывали и во мне порядочность, честность и трудолюбие. За что я им очень благодарен!

С раннего детства я почувствовал тягу к знаниям. Первой книгой, которую я прочитал, был роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Это была единственная книга в нашем доме! Конечно, тогда я многого не понял. Понимание авторов пришло позже. Кстати, в школьные годы я был записан в трёх библиотеках. Многие книги прочитал, сидя в читальных залах — на дом редкие книги не выдавались. Заметив моё пристрастие к чтению, дядя выписывал для меня газету «Пионерская правда», которую я читал «от корки до корки» и несколько лет аккуратно вёл подшивку.

Мои родственники по отцу происходили из священнослужителей. Дед до революции 1917 года занимал довольно высокое положение в церковной иерархии, вырастил десять детей, некоторые из которых жили в Москве. Все они получили хорошее образование и воспитание. Одна из сестёр отца во время первой мировой войны была на фронте сестрой милосердия и тогда же вышла замуж за офицера. В предвоенные годы семья жила в Подмосковье, занимая часть небольшого домика. Алчные соседи, чтобы завладеть

этой жилплощадью, написали донос, оклеветав дядю, и он был арестован. Увы, негодяи существуют во всяком обществе! Важно только, как общество относится к ним. Тётя, оставшись одна с детьми, устроилась медсестрой на поезд дальнего следования. У неё, таким образом, после поездки появилось время для занятия детьми-подростками и огородом. В уютном домике этой тётки и происходили такие памятные мне встречи родственников в первые послевоенные годы.

В школе я учился средне. И отличные были оценки и посредственные. Никаких предметов особенно не выделял. Однако всегда много читал. Видимо, тогда возникший вкус к самообразованию, очень помогал мне всю дальнейшую жизнь.

Родственное окружение влияло на меня по-разному. Родственники со стороны матери — люди рабочие, не слишком грамотные, хотели видеть меня тоже рабочим человеком. Напомню, что в то советское время рабочая профессия была престижнее интеллигентской. Дядя-машинист специально брал меня в поездки, чтобы на практике показать труд машиниста, помощника, кочегара и прочей обслуги состава. Родственники по линии отца хотели сделать из меня интеллигента. Сами они, как я уже говорил, были людьми образованными и хорошо воспитанными. Кроме того, они все были очень музыкальны. Каждый играл на каком-либо инструменте, а то и на нескольких. Все хорошо пели старинные русские песни. Нередко, собравшись у сестры в Расторгуеве, они во дворе устраивали импровизированные домашние концерты с музыкой и пением. Маленький дворик при этом бывал буквально забит восторженными, благодарными соседями.

Несомненно, большое влияние на меня оказали пионерская и комсомольская организации. Каждое лето маме на заводе для меня давали путёвку в пионерский лагерь. Я и сегодня с большой теплотой вспоминаю время, проведенное в этих лагерях. Вспоминаются туристские походы по Подмосковью, строем с красным пионерским знаменем,

горнами и барабанами впереди и весёлыми, добрыми пионерскими песнями; драматические, литературные и военные кружки; пионерские костры с художественной самодеятельностью, акробатическими этюдами, песнями и танцами — всё это осталось яркой страницей моей жизни. И это впечатление о пионерских лагерях разделяют все мои сверстники, хотя бы один раз побывавшие в них. Мне жаль нынешних детей и подростков, которым этого не суждено увидеть и прочувствовать! Несмотря на существовавшие тогда бытовые трудности — страна ещё не успела оправиться от военной разрухи — я с благодарностью вспоминаю своё послевоенное детство. А ведь именно в детстве формируется личность человека!

Когда я учился в десятом классе, судьбы свела меня близко с офицерами Советской Армии. Мои двоюродные сёстры повзрослели и у них появились ухажёры — слушатели Академию и химической защиты. Участники недавно закончившейся войны они вспоминали боевые эпизоды, героизм и самоотверженность, проявляемые на фронте. Я с интересом слушал их рассказы, всё более проникаясь уважением к военной профессии. До этого знакомства после окончания школы я хотел поступать в Московское высшее техническое училище имени Баумана. Меня влекла профессия инженера, но я понимал, что мама вряд ли сможет помогать мне в студенческие годы. К тому же наше поколение стремилось поскорее становиться самостоятельными людьми. Считалось постыдным задерживаться на попечении родителей. Инфантилизм практически отсутствовал в то время в советском обществе.

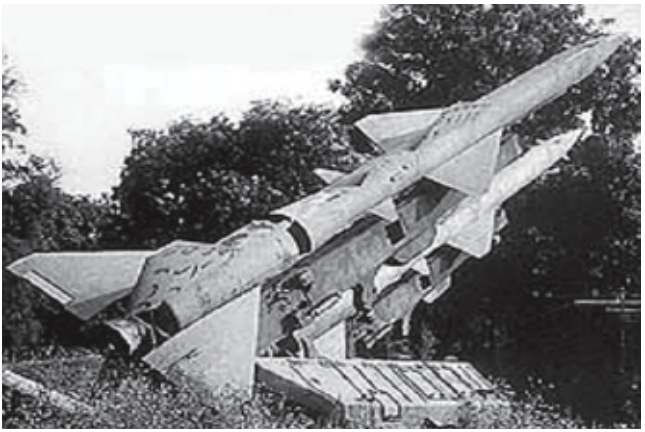
Решение подсказал один капитан. Он посоветовал заняться перспективным, зарождающимся направлением в инженерной науке и поступить в Пушкинское радиотехническое училище войск ПВО страны. При этом решались сразу две задачи: выход на самостоятельную дорогу и получение радиотехнического образования. В военкомате мне дали направление и проездные документы до Ленинграда. Приехал в Пушкин. Надо сказать, что и тогда, в

полуразрушенном состоянии, город сохранял величие и красоту Царского Села. На фоне ребят, окончивших провинциальные или сельские школы, москвичи и ленинградцы выделялись своей лучшей подготовкой. Образование в стране ещё носило следы военной разрухи. Я легко прошёл конкурсный отбор и стал курсантом.

Училище тогда готовило техников зенитных батарей, имеющих на вооружении кроме зенитных орудий радиолокационные станции, счётно-решающее устройство, автомобильную и прочую технику. Учебная программа была сложной и насыщенной, но меня заинтересовала, я справлялся легко, стал отличником. Особенно увлёкся радиотехникой. Она и стала моей специальностью на всю жизнь. В курсантские годы сверх учебной программы самостоятельно изучил телевидение, проштудировав много специальной литературы.

В 1956 году, окончив училище по первому разряду, с новеньким дипломом радиотехника и серебряными погонами техник-лейтенанта поехал служить на испытательный полигон «Капустин Яр», где в это время проходила доводка и испытание первого в нашей стране мобильного зенитно-ракетного комплекса (ЗРК). Позже он получил название «С-75». Я стал техником-испытателем.

Мы получали с заводов кабины с радиотехнической аппаратурой, стыковали их в единую систему, испытывали и передавали на эксплуатацию боевым расчётам зенитно-ракетных войск. Те под нашим контролем проводили предпусковые регламентные работы, затем стреляли по мишеням, имитирующим реальные воздушные цели, и уезжали на свои боевые позиции для несения дежурства по охране воздушного пространства нашей страны. Тогда войска ПВО перевооружались с зенитной артиллерии на зенитные ракеты.



Зенитно-ракетный комплекс

Особо яркой страницей воспоминаний о том периоде моей военной службы явилось испытание зенитной ракеты с ядерной боевой частью. Работа проводилась в обстановке большой секретности, с максимальным обеспечением мер безопасности личного состава полигона, семей военнослужащих и жителей окрестных населённых пунктов. В испытаниях одновременно участвовал полк, вооружённый стационарной зенитно-ракетной системой «С-25», на который был возложен пуск ракеты с ядерной головкой, и дивизион, вооружённый системой «С-75». Зоны поражения были совмещены. В единую зону были одновременно направлены четыре самолёта-мишени, лётчики которых своевременно выпрыгнули с парашютами. Далее самолёты управлялись автопилотами. Групповая воздушная цель шла на высоте десять километров. Ракета с ядерной головкой наводилась в середину цели. Ядерным взрывом были уничтожены два самолёта. По оставшимся были запущены три ракеты системы «С-75». В результате они также были уничтожены. Помнится, с закопчённым стеклом в руках во время ядерного взрыва я находился в своём окопе. День был яркий, солнечный. На небе ни облачка. Услышав команду «Пуск», высунулся из окопа и увидел теперь всем известный расширяющийся огненный шар. Опустился в

окоп и надо мной пронёсся фронт ударной волны. Всё как в теории! Присутствовавшие на испытаниях конструкторы и высокое начальство наблюдали картину в перископы. Результаты той стрельбы ЗРК «С-75» квалифицировались, как государственные испытания. После чего комплекс пошёл на вооружение войск.

В 1958 году командование, оценив мои знания телевидения, командировало меня в бригаду по созданию телецентра полигона. Силами офицеров был создан ретранслятор, который принимал телевизионный сигнал из Волгограда, выделял его из помех, усиливал и транслировал по всем объектам полигона. На нашей кустарной телестудии выступали руководители испытаний, конструкторы и демонстрировались кинофильмы. Работа и благородство её цели так увлекли членов бригады, что мы не считались со временем, чтобы быстрее обеспечить современным средством коммуникации оторванных спецификой секретного полигона от культурной жизни страны военнослужащих и членов их семей. Глубокая благодарность испытателей и командования явились наградой за наш труд.

Желание продолжать образование я ощутил ещё в стенах училища. Кроме физических процессов, происходящих в радиотехнических схемах, хотелось понимать и теоретические предпосылки. В 1959 году моя мечта осуществилась — я стал слушателем Минского высшего инженерного зенитно-ракетного училища. Учился увлечённо, целенаправленно. Имея техническое образование, хорошо представлял себе, что мне более всего потребуется в дальнейшей службе. Одновременно много занимался общественной работой. В 1963 году вступил в КПСС.

Пять лет, прожитых в Минске, существенно повысили и мой общий культурный уровень. Памятуя о том, что возможно придётся служить в оторванных от центров цивилизации местах, старался не упускать представившейся возможности посещать театры, концерты, музеи и библиотеки. Я уже знал, что служба в войсках ПВО — это посто-

янная боевая готовность, готовность к боевым действиям в любую минуту!

Хорошо сказал позднее о войсках ПВО мой однокашник:

ПВО — всегда работа,
ПВО — всегда война,
ПВО — всегда до пота,
ПВО — всегда без сна!

В 1964 году получил диплом инженера по радиотехнике, воинское звание «инженер-капитан» и назначение в Ташкентскую армию ПВО на должность заместителя командира радиотехнической батареи. Управление нашей зенитно-ракетной бригады находилось в городе Чарджоу на береге реки Амударьи. Западнее города — пустыня Каракумы, восточнее — пустыня Кызылкум. На юге — Иранская и Афганская границы. Климат резко континентальный: зимой — морозы и ветры, летом — жара и песчаные бури. Думается, не надо говорить — очень тяжёлый для человека, выросшего в средней полосе России. Адаптация к такому климату даже для молодого организма требует значительного времени и далеко не всегда проходит бесследно. Наша бригада состояла из девяти дивизионов и прикрывала воздушную границу с Ираном и Афганистаном, а также мост через Амударью, имеющий стратегическое значение.

Наверное, я проявил себя неплохо, поскольку уже через полтора года был назначен старшим инженером ракетной службы бригады и избран секретарём партийной организации управления. В этот период дважды с дивизионами ездил на полигон. Оба раза, в какой-то степени благодаря и моим трудам, отстрелялись отлично.

В 1966–67 годах наше правительства продало в то время дружественному Афганистану несколько ЗРК «С-75». Для обучения афганцев были командированы офицеры нашей бригады, как наиболее адаптированные к климатическим условиям этой страны. Хочу сказать, что они вернулись с очень хорошими впечатлениями об этом народе, о его глубокой благодарности за нашу помощь, трудолюбии и го-

степриимстве. Это ещё одно доказательство того, что раздоры между народами вносят политики!

Зенитно-ракетный комплекс на боевой позиции

В те годы я мечтал посвятить себя научной работе, поступить в адъюнктуру. Успешно сдал два кандидатских экзамена. Но судьба распорядилась по-своему. В апреле 1968 года меня вызвал командир бригады и предложил подумать о длительной командировке в страну с жарким и влажным климатом для оказания помощи друзьям СССР. Названия страны в разговоре и не прозвучало, но я понял, что речь идёт о воюющем с американцами Вьетнаме. Как советский офицер и коммунист, отказаться не мог, хотя и хорошо понимал, что война есть война и на ней всегда бывают жертвы. Без проблем прошёл медицинскую комиссию, комиссию по оценке моей инженерной подготовленности и выехал в Москву. Провожая меня, жена, конечно, плакала. В Москве была отборочная комиссия у

Главкома войск ПВО страны, где мне, наконец, официально объявили, что я буду преподавателем в учебном центре Демократической республики Вьетнам. К этому времени для борьбы с американской авиацией туда были доставлены десяток ЗРК «С-75». Советские специалисты должны были обучить вьетнамских товарищей их эксплуатации и боевому применению. Завершила отбор кандидатов беседа в десятом управлении Генерального штаба СССР. Все десять отобранных офицеров были лучшими специалистами войск ПВО по своему профилю. Старшим группы был назначен полковник Ушаков — начальник кафедры тактики одного из училищ. В группу входил и военный врач. Меня тронула забота правительства о своих гражданах! Всем нам были выданы комплекты гражданской одежды. Личные документы сдали в ГШ. Взамен удостоверения личности офицера я получил паспорт на своё имя, но специалиста по механизации сельского хозяйства. Своим самолётом долетели до Хабаровска, далее китайским с пересадкой в Пекине до Нанкина. Ранним утром пересекли воздушную границу Вьетнама и приземлились в Ханое.

Отношения с КНР в то время были сложными. Мы почувствовали это при пересадках в Пекине и Нанкине. Обслуга в аэропортах и гостиницах говорить по-русски отказывалась, хотя и хорошо понимала наш язык, вела себя с нами настороженно, явно опасаясь быть обвинённой в связях с советскими людьми. Нам, чуть ли не силой, вручались цитатники Мао Цзэдуна, прекрасно изданные на русском языке.

В ДРВ нас встретили работники военного отдела нашего Посольства, отобрали паспорта, выдали местные деньги и автотранспортом отправили на север страны, в джунгли, примыкающие к китайской границе. Именно там было создано вьетнамское военное училище ПВО с годичной программой обучения. Хочется отметить, что рядом почему-то дислоцировалась китайская стрелковая дивизия, правда, вьетнамцы уверяли, что это чисто строительная часть.

Меня поразила бедность и убожество этого учебного заведения. Учебные и спальные помещения представляли собой сараи, возводимые отделением солдат в течение одного дня из подручных материалов. Джунгли маскировали училище и давали материал для строительства. Защищать такое строительное чудо могло только от дождя! Всякое отопление отсутствовало, хотя температура воздуха зимой падала до пяти градусов. Электроэнергия подавалась только на два часа в сутки. Пол — земляной, по которому особенно ночами в изобилии ползали змеи. Поэтому носили мы чаще всего высокие резиновые сапоги, принимая все возможные меры от проникновения туда пресмыкающихся. Возле коек постоянно держали бамбуковые палки для борьбы с ними. От летающих тварей укрывались москитными сетками. Обязательной принадлежностью каждого был электрический фонарь, позволяющий своевременно обнаружить змей, скорпионов, ядовитых пауков и прочую нечисть! От зимних холодов спасались, укрываясь несколькими одеялами.

В джунглях Вьетнама

Хуже было в летнюю влажную жару. С приходом тепла среди нас сразу резко возросло количество кожных заболеваний. Особенно страдали участки тела потеющие и не-

проветриваемые. Раз в неделю вьетнамцы организовывали для нас баню. На костре солдаты грели котёл воды и выдавали каждому по ведру. В обычные дни мылись в ручье. Питьевую воду носили во флягах. Кормили нас в отдельной столовой. Кухня чаще всего была привычной, русской. Спасибо, что за нашим физическим состоянием тщательно следил наш врач. Кстати, он же оказывал первую помощь и вьетнамцам, поскольку был единственным во всей округе.

Несмотря на бытовые трудности, учебный процесс был налажен хорошо. Занимались по восемь часов в день. Четыре часа до обеда — теория, столько же после обеда — практические занятия на технике, для чего использовался вьетнамский дивизион, развёрнутый вблизи училища. Уровень подготовленности наших курсантов был самым разнообразным: от людей, имеющих высшее образование до вчерашних малограмотных крестьян. Следует отметить очень добросовестное отношение вьетнамцев к учёбе и взаимопомощь в группах. Нередко можно было видеть, как они до поздней ночи, при свете коптилок отрабатывают учебный материал. Ну и мы — советские преподаватели — времени, конечно, не жалели! Взаимоотношения между нами и нашими учениками сразу сложились хорошие. Хотя ни военной формы, ни знаков различия мы не носили, вьетнамцы относились к нам с глубоким уважением и благодарностью. Обращались к советским офицерам словом «ленсо» с добавлением фамилии, что означало «уважаемый советский товарищ такой-то».

Для преодоления языкового барьера у каждого советского преподавателя был переводчик, что дополнительно усложняло нашу работу, поскольку перед занятием необходимо было провести занятие с переводчиком, чтобы он сам понимал о чём идёт речь. Переводчик кроме основной функции исполнял функцию соглядатая, тщательно следящего за своим подопечным. Были случаи, когда они обследовали и наши личные вещи. Как я уже говорил, отношения СССР с Вьетнамом были сложными. С одной стороны он нуждался в помощи СССР, с другой — опа-

сался своего могучего соседа — Китая, с которым у Советского Союза в 60-х годах были испорчены отношения в связи с китайской культурной революцией и отходом Мао Цзэдуна от идеологии Марксизма-Ленинизма. Особенно это почувствовалось после вооружённого конфликта на острове Даманском, когда в результате столкновения обе стороны понесли людские потери. Кстати, после этих событий наша связь с ДРВ через Китай прекратилась. Сами вьетнамцы тоже были расколоты на приверженцев СССР и приверженцев Китая. В результате и друг к другу относились подозрительно. Мне не приходилось беседовать с вьетнамцем один на один, непременно всегда кто-то присутствовал рядом. Это, конечно, исключало искренность собеседника. Случались и провокации со стороны прокитайски настроенных вьетнамцев. Всё это не способствовало и нашему контакту с местным населением. Они были редкими. Хочется отметить высокую нравственность вьетнамских женщин. Многие из них для отталкивания иностранцев даже красили зубы чёрной краской. Должен сказать, впечатление не из приятных! Вьетнамцы очень заботились о чистоте нации. Я считаю это положительным качеством народа. Если наша машина по дороге в посольство за почтой останавливалась в деревне, нас тут же облепляли дети — плохо одетые, неряшливые и голодные. Они старались прикоснуться к нам ручонками. По их поверьям прикосновение даёт силу, исходящую от иностранца. Жилища крестьян очень бедные. Кроме койки, в доме нет никакой мебели. Окна маленькие, пол земляной, а вот двери запоров не имеют! Должно быть, у них отсутствовало воровство! Посредине дома — очаг из дикого камня. Дым выходит через отверстие в крыше. Основное занятие вьетнамцев — земледелие. Армия тоже тогда решала «продовольственную программу» — каждый наш курсант имел грядку и был обязан часть урожая сдать государству.

Во время моего пребывания в ДРВ в боевых действиях было некоторое затишье. Американская авиация в основном занималась разведкой, выявляла военные объекты и

боевые позиции вьетнамских войск, особенно ЗРВ. По всей стране бывали локальные бои. Обнаруженный зенитно-ракетный дивизион подвергался налёту с целью уничтожения. По договоренности с нашим правительством вьетнамцы, при нахождении в дивизионе советских специалистов, первыми в бой не вступали, оберегая их жизни. Наше училище, в конце концов, американской разведкой было обнаружено и по нему было нанесено несколько ударов. Учебный дивизион в бой не вступал, мы — советские специалисты — надев каски, укрывались в окопах. Потерь среди нас не было. Но память сохранила не слишком приятные ощущения. Никому не пожелаю испытать подобное! Подробности вспоминать не хочу!

Боевая тревога

Закончив один цикл подготовки вьетнамских специалистов-ракетчиков, мы стали собираться домой, в Союз. Всего мною по своей специальности было подготовлено семьдесят пять человек. Считаю, что подготовлены были неплохо. Уверен, что в дальнейших боях они это доказали. Ведь не даром американцы во Вьетнаме потеряли более тысячи самолётов! Какую-то долю отношу и на свой счёт! Правительство ДРВ моё участие в войне с американцами отметило орденом.

Домой добирались морем до Владивостока, далее — на самолёте. В море наш теплоход повстречался с американской военной эскадрой, в составе которой был огромный вертолётоносец. Американцы запросили: «Что вы имеем на борту?» Наш капитан ответил: «Тоже, что и вы!» Холодная война была в разгаре. Затем американские боевые вертолёты, имитируя атаки на наш теплоход, в течение часа отрабатывали свои учебные задачи. Страха не было — за нашей спиной тогда стоял Тихоокеанский флот и весь могучий Советский Союз!

В Москве мне предложили продолжить педагогическую деятельность в родном Пушкинском училище радиоэлектроники. Я не возражал. Через пару месяцев, уже в училище мне был вручён орден Красной Звезды за добросовестное выполнение интернационального долга.

Последующие шестнадцать лет, вплоть до увольнения из Советской Армии по возрасту в 1986 году, я готовил офицеров войск ПВО своей страны в должностях преподавателя, старшего преподавателя, заместителя начальника кафедры. Всегда уделял много внимания воспитанию курсантов в духе советского патриотизма, ибо в подготовке достойной смены своего поколения советских офицеров тогда видел основное жизненное предназначение».

ЧЕЛОВЕК ДОЛГА

Подполковник Абрамчук Иван Владимирович, активный участник боевых действий Советской Армии в Афганской войне, родился в Архангельске в 1958 году в рабочей семье.

Отец, Владимир Филиппович и мать Ульяна Матвеевна — простые советские люди, рабочие — всю свою жизнь добросовестно трудились на благо Родины в лесотехнической промышленности. Такими же честными тружениками, всей душой преданными своему народу и своему Отечеству, они воспитали и двух сыновей. В трудные для нашей страны послевоенные годы, сами они рано начали трудовую жизнь и, не получив высшего образования, мечтали образованными людьми увидеть детей. В те годы Советская власть предоставляла такую возможность всем желающим. Образование было не только бесплатным: студенты и аспиранты получали стипендию, в современной

терминологии, не ниже прожиточного минимума. Мечта старших Абрамчуков осуществилась — оба сына окончили вузы!

Старший сын Ваня уже в раннем детстве проявил лидерские качества характера: по собственной инициативе организовал ребят на создание и оборудования дворовой спортивной площадки, был вожаком в пионерской организации, успешно занимался несколькими видами спорта. Особенно привлекали мальчика лыжи, акробатика и лёгкая атлетика. Раннее неравнодушие к спорту развивали в нём волю, настойчивость в достижении цели, укрепляли физически и нисколько не мешали учёбе. Учился в школе Ваня отлично. Учителя были довольны скромным, целеустремлённым, трудолюбивым, любознательным мальчиком. Родителям было приятно слышать не редкие похвалы в адрес сына. По достижении четырнадцатилетнего возраста, как отличник и активист — общественник, он был принят в комсомол. Естественно, когда в 1973 году в школу пришла разнарядка на поступление в Ленинградское суворовское училище, Ване среди однокашников было отдано предпочтение. Он уже тогда, после окончания восьмого класса, в какой-то степени обладал качествами, необходимыми офицеру Советской Армии!

Вступительные экзамены Ваня выдержал блестяще и стал суворовцем. Военная служба с её дисциплиной и порядком, строго регламентированной жизнью и бытом, хорошо организованным учебным процессом не только не напугала, но и сразу понравилась. Он быстро освоился и нашёл своё место в воинском коллективе. Ребята с уважением относились к физически хорошо развитому, грамотному и, вместе с тем, скромному товарищу.

К большому удовольствию новоиспечённого суворовца, на территории училища (бывшего до 1917 года Пажеского корпуса — лучшего, привилегированного военного учебного заведения царской России!) был прекрасный спортивный зал, в котором тренировалась команда акробатов Ленинградского спортивного клуба армии. Пятнадцатилет-

ний подросток, набравшись мужества, однажды пришёл на тренировку и попросил тренера зачислить его в команду. Оценив по достоинству подготовку, тренер удовлетворил его просьбу. Командиры-воспитатели не препятствовали спортивным занятиям суворовца — учился он отлично. Результаты тренировок не замедлили сказаться — на спартакиаде суворовских и нахимовских училищ команда ленинградцев заняла призовое место и была поощрена начальником училища.

Отличная учёба, высокая дисциплина и спортивные достижения суворовца Ивана Абрамчука обеспечили ему возможность среди первых предстать перед комиссией по распределению выпускников по военным училищам СССР. Он выбрал для продолжения обучения военному делу имеющее хорошую славу в войсках Ленинградское общевойсковое училище, куда и был зачислен без вступительных экзаменов. Начался следующий этап в жизни будущего офицера.

Конечно, суворовцы, по сравнению с ребятами, пришедшими в училище со школьной скамьи, и в общенаучном, и в военном отношении были более подготовленными и потому, особенно на первых порах, считали своим долгом помогать вчерашним школьникам втянуться в армейскую жизнь. Курсант Абрамчук как всегда не отставал от товарищей. Никакой дедовщины, унижения старшими ребятами младших, менее опытных в то время не существовало. Это явление расцвело пышным цветом после «реформ» армии в 90-х годах, когда строгая воинская дисциплина была заменена либеральными «свободами», а настоящая боевая учёба отошла на задний план! У постоянно занятого солдата или курсанта на это просто нет времени! В курсантские годы Абрамчук, как и прежде, сочетал успешное овладение учебной программой училища с достижениями в спорте и общественной работой. Это не осталось без внимания командования и товарищей, и на втором курсе он был избран секретарём комсомольской организации роты. Сегодня военный пенсионер с удовольствием вспоминает училищ-

ных товарищей, командиров и преподавателей. Вспоминает хорошо усвоенную в те далёкие годы методику воспитания подчинённых свом личным примером, душевные беседы командиров-воспитателей и их наставления, и особенно запомнившуюся тогда, не раз повторенную заповедь командира курсантского батальона: «Хорошо подумай, прежде чем что-либо сказать или сделать!», которой с благодарностью и пользуется всю жизнь.

На третьем курсе, как передовик учёбы и активный общественник, он был принят кандидатом в члены Коммунистической партии советского союза. Ему была оказана честь, которой удостаивались не многие курсанты! Он снова стал секретарём комсомольской организации роты. В тот год напряжённая учёба и общественная работа не оставляли времени для активных занятий спортом. Только на выпускном курсе ему удалось серьёзно заняться лыжами, выполнить норму первого спортивного разряда и неоднократно защищать на соревнованиях честь родного училища. Полученная благодаря спорту физическая и духовная закалка помогает ветерану и сегодня преодолевать жизненные трудности, которых предостаточно в наше смутное время!

Всего две «четвёрки» вносят разнообразие в отличный оценочный лист — приложение к диплому об окончании военного училища подполковника Абрамчука! Как обладатель «красного диплома» молодой лейтенант получил возможность выбора дальнейшего места офицерской службы. На вопрос председателя комиссии по распределению выпускников училища: «Где бы Вы хотели служить? — он совершенно искренне, по-коммунистически, ответил: «Там, куда пошлёт Родина!» Всей предшествующей жизнью молодой офицер был подготовлен к бескорыстному выполнению долга перед Родиной, Отечеством, Народом! Чувство долга навсегда осталось его путеводной звездой! Это чувство заставляло его добросовестно исполнять любое поручение командования, любые должностные обязанности, которые в тот момент все ещё были впереди!

Первой офицерской должностью нынешнего ветерана стала должность командира мотострелкового взвода, в полку, дислоцировавшемся в далёком северном посёлке Алаккурти, на финской границе СССР. Как это всегда и бывало в Советской, в те годы лучшей армии Мира, в полку по прибытии молодых офицеров были организованы недельные сборы, на которых командование могло оценить их боевую подготовку с тем, чтобы наметить планы по её совершенствованию. Скромный, хорошо подготовленный, коммуникабельный лейтенант Абрамчук быстро занял своё место в полку. Старшие товарищи, и, прежде всего командир роты, пристально следили за его вхождением в первую офицерскую должность, а при необходимости — помогали и поправляли. Боевая подготовка в части была организована прекрасно: ни скучать, ни бездельничать, ни командирам, ни солдатам было некогда! Занятия по расписанию заполняли всё служебное время. А занятым боевой учёбой военнослужащим бредовые идеи и в голову не приходят! Надо сказать, что из-за существенного отличия места дислокации от типовых, полк был вооружён специфической, предназначенной для снежной и болотистой тундры бронетехникой, и молодому офицеру пришлось её осваивать самому прежде, чем обучать подчинённых. Хорошая училищная подготовка и личные качества способствовали успешному решению этой не простой задачи. Отметив это, командование назначает лейтенанта руководителем курсов подготовки механиков-водителей для всего полка. Первая важная и ответственная задача была успешно решена, и молодой офицер был отмечен в приказе по части. В те времена, когда превалировали не материальные, а духовные ценности, это было высокой наградой особенно для начинающего службу офицера! Свободное от службы время Абрамчук отдавал любимому спорту — лыжам. Уже на первом году службы он занял первое место на армейских соревнованиях и третье — на окружных. Взвод, которым он командовал, выделялся в лучшую сторону и по боевой подготовке, и по дисциплине.

В октябре 1980 года в дивизию пришёл приказ: отобрать лучших молодых офицеров для 40-й армии, дислоцированной в республике Афганистан. Во время собеседования с кандидатами, на вопрос начальника политотдела дивизии о его готовности продолжить службу в «горячей точке» Абрамчук, как подобает настоящему офицеру, ответил: «Именно для этого я и готовился и в суворовском и в военном общевойсковом училищах!» Достойный ответ лейтенанта был отмечен всеми присутствовавшими старшими офицерами!

Шестого ноября 1980 года лейтенант Абрамчук получил приказание сдать взвод преемнику и одиннадцатого убыть в штаб военного округа, в город Ленинград. Уже утром тринадцатого ноября отобранные в дивизии офицеры выслушали инструктаж и напутствие в штабе округа и получили предписания. Был определён двухгодичный срок пребывания в Афганистане и объявлено о праве выбора места дальнейшей службы. Самолёт на Ташкент уходил в час ночи. В оставшееся до отлёта время, заручившись обещанием невесты ждать его возвращения, лейтенант Иван Абрамчук зарегистрировал брак с любимой девушкой. Заведующая ЗАГСа ввиду чрезвычайных обстоятельств — отъезда жениха на войну — пошла на нарушение общего порядка, предусматривавшего месячное обдумывание этого серьёзного шага регистрирующимися, и оформила этот необычный брак. Здесь же, в невдалеке от ЗАГСа расположенной шашлычной, молодые сыграли свадьбу в обществе двоих близких людей. Было совсем не много вина, но много самых искренних и добрых пожеланий жениху, невесте и их будущим детям! Сегодня Иван Владимирович с удовлетворением отмечает, что в целом они исполнились. Насколько страшна война, молодые люди тогда плохо себе представляли! Молодая жена, проводив мужа на войну, вернулась в родительский дом, а муж утром уже сидел в тени навеса на ташкентском военном аэродроме, парился от здешней жары в своей зимней военной форме и перебирал в памяти события вчерашнего, знакового для него дня.

Он совсем не представлял, что его ждёт впереди! Войну он пока знал только по кинофильмам и книгам. Однако отголоски реальной близкой войны не заставили себя долго ждать. Вскоре на аэродроме приземлился «ИЛ — 18» и из его чрева солдаты стали выносить какие-то тяжёлые ящики и носилки с ранеными. Подъехали машины скорой помощи, и сидевшая в ожидании своего часа офицерская молодёжь бросилась помогать санитарам переносить носилки с ранеными. О содержимом ящиков было не трудно догадаться — термин «Груз 200» уже широко применялся журналистами. Приуныли, конечно, лейтенанты, посерьёзнели. Встреча с войной каждого заставит задуматься! Здесь, на аэродроме, Абрамчук впервые познакомился с людьми, получившими реальный боевой опыт и охотно делящимися им. «Думай, прежде чем что-либо сделать и ты убережёшься от многих неприятностей!» — говорили раненые. На удивление совпадали их наставления со словами училищного комбата! Его любимая заповедь, оказывается, хорошо отражала жизненный опыт солдат, вернувшихся живыми с войны!

К вечеру тот же самолёт «ИЛ-18», взяв на борт смену офицерам, прослужившим в Афганистане год, вылетел в Кабул. Приземлились на военном аэродроме. Переночевали в палаточном городке. Утром, проехав на автобусах Кабул из конца в конец, оказались в другом палаточном городке — управлении 40-й армии. Кабул поразил северянина своим экзотическим восточным обликом: низкими глинобитными с плоскими крышами домами, окружёнными такими же глинобитными глухими стенами — дувалами, за которыми надёжно скрывалась от мира личная жизнь хозяев; сравнительно редкими европейскими строениями; женщинами в паранджах, смуглыми мужчинами в невиданных ранее одеждах; оживлённой торговлей на узеньких, пыльных улицах; казалось находящимися совсем рядом горами со снежными вершинами; обилием мечетей и минаретов; громкими криками муэдзинов, созывающих правоверных на молитву. Казалось, что попал в средне-

вековый мир сказки из «Тысячи и одной ночи»! Позднее он узнал от старожилов и прочувствовал на собственном опыте, что «мирные» торговцы на улицах под просторной одеждой могут скрывать вполне современное оружие, и с наступлением сумерек становиться злобными, коварными моджахедами. Но всё это было впереди.

В управлении кадрами армии лейтенант Абрамчук получил приказ принять должность командира мотострелкового взвода, как оказалось позже, у своего однокашника по ленинградскому военному училищу. Полк стоял в двадцати километрах от небольшого городка Герат. Всё тем же самолётом прибыл на новое место службы.

Палаточный городок полка, состоящего из трёх мотострелковых и одного танкового батальонов, располагался на ровном, как блин, плато на высоте 2000метров над уровнем моря. Редкие кустики верблюжьей колючки неизвестно как произрастали на каменистой, красноватой, будто усыпанной битым кирпичом почве. Плато окружали плотным кольцом горы. Картина унылая, однообразная вселяющая тоску по совсем недавно покинутой Родине.

Взвод, который принял Абрамчук, имел задачей охрану и оборону пункта тропосферной связи. Несколько кунгов с аппаратурой, громоздкие параболические антенны и агрегат питания. Командовал этим хозяйством прапорщик. В его распоряжении — десяток солдат. И никаких оборонительных инженерных сооружений! Прежде всего, предстояло силами взвода выполнить огромный объём земляных работ: оборудовать окопы для стрельбы автоматчиков, пулемётчиков и гранатомётчиков, укрыть в капонирах БТРы, построить землянку для отдыха личного состава. И в то же время охранять и оборонять объект! Каменистая почва с трудом поддавалась кирке и лому. Солдаты трудились, что называется, в поте лица. А пример должен показать командир! Тут Лейтенанту очень помогла полученная ранее физическая закалка. Пример командира поднимал моральный дух солдат, удваивал их физические силы. Прежде всего, были оборудованы четыре окопа для

несения службы боевыми дозорами. На ровном плато нападающим укрыться негде, поэтому в светлое время суток дозорную службу нёс сокращённый наряд, в тёмное — усиленный в три раза. При этом по два солдата неотлучно находились на боевых постах, третий — отдыхал в БТРе. Сам командир позволял себе отдыхать только в дневное время, ночью было необходимо постоянно контролировать несение службы нарядом, особенно службу солдат-азиатов: узбеков, таджиков и туркмен, некоторые из которых имели родственников в Афганистане. Они считали, что им-то ничего не грозит и, утратив бдительность, могли уснуть во время боевого дежурства, что порой и случалось. Бдительность командира взвода и инженерное оборудование позиции не раз спасали охраняемый объект и личный состав от нападения моджахедов.

«Нападения случались чаще всего в тёмное время суток, — рассказывает подполковник. — Я даже не раз заметил, как после восемнадцатичасового выстрела сигнальной пушки в Герате из него в сторону гор тянулась цепочка людей. Это «мирные» жители города собирались для проведения очередной боевой операции — нападению на колонны советских и правительственных афганских войск, движущихся по проходящему невдалеке от нашей позиции шоссе. На большие и хорошо охраняемые колонны моджахеды не рисковали нападать, действовали выборочно. Обстреляв колонну грузовиков из автоматического оружия и гранатомётов, они мгновенно растворялись в ночной темноте. Обычно, застигнутые сумерками колонны останавливались до утра под прикрытием блокпостов, но отдельные командиры проявляли беспечность, за что и расплачивались жизнями! В Афганистане в то время шла классическая партизанская война! Ни линии фронта, ни видимого противника! Бывали случаи, когда подвергшуюся нападению колонну войск, я заворачивал с шоссе, укрывал за своими позициями и встречал огнём всех своих огневых средств нападавших. Часто моджахеды на поле ночного боя бросали своих раненых и убитых. С рас-

светом мы их собирали и сдавали местным властям. Как с ними поступали дальше мне не известно. Со временем полковые минёры на наиболее опасных подступах к обороняемому объекту создали минные поля из сигнальных и боевых мин. Ночные взрывы сигнальных мин вовремя предупреждали нас о нападении. Жертвы боевых — мы собирали по утрам. При этом солдаты, как американские ковбои, использовали верёвочные лассо для вытаскивания трупов моджахедов с минного поля на безопасное место. В режиме постоянного боевого дежурства взвод находился более двух месяцев. Те боевые позиции взвода я и сегодня хорошо помню. Ведь там я был крещён огнём!»

На охране радиостанции

Боевые товарищи

Некоторое время помолчав, видимо, воскресив их в памяти, ветеран продолжает.

«В целом наш мотострелковый полк выполнял три задачи: Охрана и оборона своего места дислокации, охрана участка шоссе от Герата в сторону Кушки и оборона движущихся по нему воинских колонн, участие в боевых операциях по зачистке населённых пунктов от моджахедов. Через два месяца наш батальон получил новую задачу: зачистка указываемых свыше населённых пунктов от сосредоточенных в них боевиков. Лицом к лицу с противником приходилось встречаться именно в таких операциях.

Задача на очередную операцию в целях сохранения тайны обычно ставилась командиру подразделения поздно вечером. Примерно в час ночи взвод, рота или весь батальон выезжали на операцию. В целях маскировуи бронетранспортёры двигались с выключенными фарами по узким, петляющим горным дорогам буквально наощуп. Ночи в южных широтах тёмные, особенно безлунные. Чёрное небо усыпано мириадами звёзд, совершенно не освещающих Землю. Приборы ночного видения в горах помогают мало, да и, к сожалению, частенько выходят из строя! Бывали случаи, когда командир БТРа, высунувшись из люка, управлял движением, поставив ноги на плечи водителя! Примитивный, конечно, но иногда самый эффективный способ управления! А ведь не редко дорога проходила над самым обрывом в пропасть!

В 15–20 километрах от намеченного населённого пункта БТРы останавливались. Далее подразделения двигались в пешем порядке. Впереди и по бокам — боевое охранение. Всегда существовал большой риск нарваться на засаду. И такие случаи бывали, но моему взводу везло! За всё время моего командования он потерял ранеными только пять человек! Ещё до рассвета подразделения наших войск плотным кольцом окружали афганский населённый пункт. На рассвете над ним появлялись вертолёты и уничтожали просочившихся через окружение, отстреливающихся и пытающихся укрыться в горах моджахедов. Пленить и выдать

местным властям оставшихся, или уничтожить сопротивляющихся было задачей мотострелков. С большой неохотой вспоминает Иван Владимирович о личных встречах лицом к лицу с врагом. Особенно о первой. «Обходим все дома в деревне. Автомат с патроном в патроннике наготове. Палец на спусковом крючке! — говорит, потупившись и помрачнев, ветеран. — Возле одного дома буквально натыкаюсь на крадущегося вдоль стены навстречу мне моджахеда. Я не видел его лица, только дуло калаша, направленное в мою грудь! К счастью, видимо, у меня оказалась лучше реакция, и я выстрелил первым! Иначе не видать бы мне молодой жены и не сидеть бы сейчас вот здесь! Долгое время после этой автоматной очереди по находящемуся совсем рядом человеку, пребывал в каком-то полубессознательном, похожем на сон состоянии! Казалось, что этот человек сейчас поднимется и будет стрелять в меня! Очень неприятное это дело, но вынужденное: или — или! — заключает человек не раз видевший смерть. Некоторое время он молчит, должно быть, вновь переживая какие-то эпизоды их всей военной жизни. Затем возвращается к прерванному рассказу.

«Больше думай, будь бдителен, никогда не забывай, где находишься, не лезь на рожон, тогда и выживешь — вот главное, что я вынес из той войны! — говорит ветеран. В связи с этим вспоминается такой случай. Приехал как-то на наш блок-пост проверяющий — начальник штаба батальона, недавно прибывший в Афганистан. Проверил боевую готовность личного состава, обошёл боевую позицию и решил отдохнуть. Ночь была тихая, тёплая. На чёрном небе среди млечного пути висела огромная круглая луна — просто романтика! Сел майор на камень и закурил. Не успел я предупредить его о необходимой осторожности, тем паче в такую ночь. Тут же послышался шлепок. Пула раздробила небольшой камень у самых ног расслабившегося человека. Огонёк сигареты в ночи и тень от лунного света являются хорошими ориентирами для стрельбы. Испуганный, необстрелянный майор на четвереньках по-

бежал в укрытие. Хороший урок ему преподал афганский снайпер! Думаю, будет долго помнить! В основном и погибали на войне люди из-за своей беспечности!

На память об Афганистане

Хотя и командировали нас — первую группу замены — в Афганистан на два года, но заменили через год. Соответственно права выбора дальнейшего места службы мы были лишены. — Продолжает Иван Владимирович. Поехал служить в Туркестанский военный округ. Попал в кадрированный полк, в котором солдаты, направляемые в Афганистан, проходили предварительную подготовку. В те времена к боевым действиям людей готовили всесторонне четыре месяца, в том числе физически, и психологически, не то, что во время чеченской войны! Вот командование и решило использовать мой боевой опыт! Там я стал командиром роты. Через год, опять по замене, оказался в группе советских войск, дислоцированной в Германской демократической республике. Там командовал разведротой и стал капитаном. Старался передавать свой опыт — учил солдат тому, что необходимо на войне. Далее был Дальневосточный военный округ и должность начальника штаба батальона. Затем командование решило, что мой опыт необходим на работе с кадрами — стал старшим помощни-

ком начальника отдела кадров мотострелковой дивизии, а позже и начальником. В качестве «душеведа» в 1994 году участвовал в отборе военнослужащих, направляемых на чеченскую войну. На базе нашей дивизии был сформирован батальон. Через двенадцать лет был переведен в Ленинградский военный округ. Все двадцать восемь лет военной службы я служил там, где был больше нужен моей Родине!» — Такими словами закончил своё повествование ветеран Афганской войны.

По стопам отца пошёл и сын Ивана Владимировича Абрамчука. Он тоже окончил Суворовское и Военное общевойсковое училище. Ему очень нравилось военное дело, и он хотел служить Родине. Но нынешние «военные реформы», разрушившие бывшую лучшую армию Мира, к большому сожалению, прервали родившуюся было офицерскую династию Абрамчуков!

«Сын у меня тоже — человек долга! — с гордостью говорит ветеран. Я его так воспитал! Верю, что наступит час, и он, как офицер, ещё пригодится Отечеству!»

МИРОТВОРЕЦ

Подполковник Солоха Юрий Борисович, активный участник умиротворения мятежной в девяностые годы прошлого столетия Чечни, родился в 1957 году в Иркутской области, на самом берегу великой сибирской реки Ангара.

Отец, Борис Петрович, авиационный техник, а позже инженер, всю жизнь добросовестно трудился в иркутском аэропорту и на авиационном заводе. Человек долга он неоднократно отмечался руководством как передовик производства. Тому же отношению к труду учил и своего сына.

Мать, Клара Петровна, свою жизнь посвятила делу здравоохранения. Заведуя здравпунктом завода, на своём веку слышала не мало слов благодарности от рабочих и служащих предприятия за своевременную и качественную медицинскую помощь.

Юра рос в семье единственным и любимым ребёнком. Родители прилагали все усилия для подготовки к само-

стоятельной жизни достойного человека советского общества. И труд их не пропал даром. Мальчик прилежно учился в школе, родителям никогда не приходилось краснеть за его плохую учёбу или дисциплину. Он рано начал проявлять лидерские качества, чему, безусловно, во многом способствовало его активное занятие спортом сильных духом и телом, мужественных людей — боксом. Одновременно Юра серьёзно занимался общественной работой. Проявив не плохие способности к рисованию, он был избран редактором школьной стенгазеты. Обязанности выполнял честно, принципиально и добросовестно. Нерадивые ученики школы не раз получали хорошие уроки со страниц руководимой Юрой газеты. В четырнадцать лет он был принят в комсомол, что ещё более укрепило его авторитет среди учащихся и учителей.

Окончив среднюю школу, в 1974 году он успешно поступает в Иркутский политехнический институт на строительный факультет, но во время понимает, что строительство не его призвание и покидает институт, чтобы приобрести жизненный опыт в рабочей среде и определить своё место в жизни. В то время Советская власть предоставляла возможность своим гражданам свободу выбора жизненного пути.

В 1976 году в соответствии с Законом СССР о воинской обязанности Юра был призван на службу. Год службы в отдельном разведывательном батальоне, который дислоцировался в городе Белогорске Амурской области, убедил молодого человека, что истинным его призванием является армейская служба. Сегодня не только без сожаления, но даже с удовольствием, он вспоминает тот год службы рядовым солдатом, приучивший его к воинской дисциплине и порядку, к жизни в воинском коллективе, где главным является взаимовыручка и чувство локтя товарища — качества так пригодившиеся ему позже, в обстановке приближённой к боевой. Самые тёплые воспоминания остались у него и о солдатах, и об офицерах того первого воинского коллектива!

Найдя своё призвание и получив достаточный жизненный опыт, Юрий в 1977 году поступает в Новосибирское высшее военно-политическое общевойсковое училище. В курсантской казарме зреет будущий офицер. Училище обеспечивает своего питомца теоретическими знаниями и практическими навыками необходимыми для исполнения обязанностей командира и воспитателя будущих подчинённых солдат и офицеров. Ветеран с благодарностью говорит о своих курсантских командирах и преподавателях особенно профилирующих кафедр, в частности, об умудрённых боевым опытом преподавателях кафедры тактики мотострелковых войск так многому его научивших в те теперь далёкие курсантские годы. Все четыре года учился курсант Солоха с интересом, хорошо понимая, что лишних знаний не бывает вообще, а знаний, необходимых на войне, тем более. В училище он по-прежнему в свободное от занятий время активно занимается любимым боксом и достигает при этом хороших результатов — становится кандидатом в мастера спорта и чемпионом военного округа. Одновременно продолжает сотрудничать в стенной печати, участвуя в выпуске училищной стенной газеты, что очень пригодилось ему в дальнейшей службе политработника Советской Армии. Ещё в стенах родного училища он вступает в ряды членов Коммунистической Партии Советского Союза.

Наступает 1981 год, училище закончено. Сформировавшийся молодой политработник лейтенант Солоха получает назначение в Дальневосточный военный округ на должность заместителя по политической части командира роты мотострелкового полка. Пять лет непосредственной работы с солдатами, связанной с их боевой учёбой, оставили глубокий след в памяти Юрия Борисовича. Именно в те годы он на собственном опыте убедился в эффективности принципа обучения «делай, как я!»; в том, что расхлябанность, недисциплинированность, дедовщина и т.п. существуют в тех подразделениях и частях, где плохо поставлена боевая учёба личного состава. Дедовщина — не

товарищеское отношение к молодым солдатам — появляется там, где командир подразделения делает основную ставку на сержантов, допускает их злоупотребления властью и сам лично мало участвует в воспитательной работе. Он вспоминает о том, как, упорно работая персонально с попавшими в роту двумя чеченцами, поначалу совершенно игнорирующими командиров, ему удалось сделать из них образцовых солдат. Вспоминает новаторские методы подготовки механиков-водителей БМП на виртуальном тренажёре, когда «всухую» или, как он выразился «пеша по машинному» лично проходил с солдатами сложную трассу на полигоне и при этом достигал хороших результатов обучения. « В конце концов, вся жизнь воинской части определяется тем, на какое место там поставлена боевая учёба личного состава. У постоянно занятого солдата и офицера «дурным» мыслям просто некогда появляться! — говорит Юрий Борисович. — В нашем полку на первом месте была боевая подготовка, потому и ЧП не бывало!»

В 1986 году старший лейтенант Солоха становится начальником клуба танкового полка, дислоцировавшегося в Уссурийском крае. Экзотическая природа: вековая дремучая тайга, округлые, поросшие лесом сопки, хрустальночистые ручьи и речки, разнообразный богатый животный и растительный мир — настроили молодого офицера на романтический лад. Здесь он увлекается охотой. Надо заметить, что настоящие воины во все времена были прекрасными охотниками. Этот вид спорта формирует человека-коллективиста: мужественного, отважного, готового к риску, хорошего следопыта и стрелка — качества необходимые не только на охоте, но и на войне. Потому-то в советское время этот вид спорта был особенно широко распространён в войсках и занятие им поощрялись командованием всех рангов, начиная от Министра обороны СССР! Тот же романтизм гарнизонного начальника клуба способствовал организации в городке вокально-инструментального ансамбля, ставшего известным далеко за пределами гарнизона. «На концерты и танцевальные ве-

чера в клуб съезжалась молодёжь даже из очень отдалённых деревень и посёлков!» — с гордостью говорит Юрий Борисович. Однако офицер чаще всего место службы и должность не выбирает. Он — слуга Отечества, служит там, где это необходимо Родине!

В 1987 году по замене капитан Солоха был переведён в Центральную группу войск. Мотострелковый полк, в котором он стал исполнять должность начальника клуба, дислоцировался в Чехословацкой Советской Социалистической республике. И на новом месте службы уже опытный политработник налаживает клубную работу. Ведь воин, как и всякий труженик, должен иметь качественный отдых для восстановления его физических и духовных сил! А ратный труд не из лёгких! Это хорошо известно каждому, кто прошёл армейскую или флотскую школу! Увлечённый своим делом Солоха и здесь не раз поощрялся командованием.

Наступили не спокойные, смутные времена. Великая страна — Союз Советских Социалистических Республик, государство и его институты, благодаря предательству её руководителя Горбачёва и его команды, начали трещать и разваливаться. Это не могло не отразиться на судьбе Содружества социалистических стран — странах Варшавского договора. Содружество прекратило своё существование. В 1988 году начался вывод советских войск из стран народной демократии. Грандиозная операция проводилась поспешно, бесплановo. Процесс более походил на бегство наших войск под свист и улюлюканье, организованное новыми властями бывших стран социалистического лагеря, в миг оказавшимися у руля не без помощи наших извечных противников в странах Европы и Америки. Военные городки, построенные на деньги советского народа, поспешно передавались новым властям, либо просто оставлялись без всякой компенсации. Командиры советских воинских частей в кратчайшие сроки обязывались вывести личный состав и технику в неподготовленное место, часто просто в чистое поле. Люди располагались и в зимнее морозное время и в осенне-весеннюю непогоду в палатках, боевая

дорогостоящая современная техника — под открытым небом! Это было откровенное предательство интересов ещё существовавшего государства властями. Нет сомнения, что Горбачёву было хорошо известно, что без армии государство долго оставаться суверенным не может! Позже он признался, что целью его жизни была борьба с Советским государственным строем, а, следовательно, и с Советским государством! Надо сказать эту задачу он успешно решил, за что и был «удостоен» мировой закулисой Нобелевской премии!

В период развала государства и первого погрома армии волею судьбы и начальства Юрий Борисович Солоха оказался в танковом полку в Белоруссии, а после расформирования полка стал, как и многие офицеры и прапорщики, — «вольной птицей»! Им было предложено либо самостоятельно искать место дальнейшей службы, либо увольняться из армии. Капитан Солоха, сменив военно-учётную специальность, стал работником райвоенкомата города Ленинграда.

Девяностые годы в России недаром называют лихими. Лихо подвергалось разграблению нашими наиболее наглыми и алчными гражданами общенародное богатство, лихо рушились «демократами» — западниками привычная система ценностей и мораль народа, его традиционная культура, высокоразвитые наука и образование — все устоявшиеся основы жизни нашего общества. На границах бывшего СССР то и дело возникали военные конфликты между группировками, рвущимися к власти и богатству. На всей территории разваливающейся страны резко обострились националистические и сепаратистские настроения. Особенно выделялся Кавказ с его темпераментным населением — лакомый кусок для «наших западных друзей». Провоцируемая ими гражданская война в Чечне то затухала, то разгоралась вновь.

В 1999 году городской военкомат Санкт-Петербурга получил директиву выделить их своего состава офицеров для организации работы военных комендатур на освобождён-

ной от бандформирований территории мятежной Чечни. Майор Солоха оказался в числе избранных. Он получил назначение на должность заместителя по работе с населением коменданта Грозненско-сельского района с центром в селе Толстой-Юрт. Интересно, что когда-то, будучи молодым офицером, в этом мирном селе Толстой проиграл в карты значительную сумму, которая была оплачена ставшим ему другом местным чеченцем. Думал ли тогда Лев Николаевич, что через полторы сотни лет здесь возникнет война с горцами!? Однако история повторилась. В 1999 году другому русскому офицеру майору Солохе пришлось вновь налаживать мирную жизнь в здешних местах!

Военная комендатура, в которой теперь служил Юрий Борисович, имела задачей обеспечение восстановления государственности на территории трёх чеченских сёл. Кроме коменданта и его заместителя подразделение включало мотострелковый взвод и радиостанцию. Всего порядка тридцати человек. Время было тревожное. Ещё не успел угаснуть пожар в сердцах гордых и свободолюбивых чеченцев и разгорячённых русских военных. У населения сохранилось много оружия. Отдельные выстрелы и автоматные очереди ни у кого не вызывали удивления. Ещё гремела канонада артиллерийских орудий, обстреливающих скопления не сложивших оружия боевиков. Не были редкостью их нападения на места расположения частей и подразделений российских войск и транспорт, движущийся по дорогам. Поэтому первым делом личного состава комендатуры было оборудование боевых позиций, налаживание патрульной службы и охраны. Одновременно необходимо было реагировать на сигналы о террористической деятельности боевиков. Помещение комендатуры окружили бруствером их мешков с песком и колючей проволокой-путанкой. На особо опасных направлениях отрыли ячейки для стрельбы. Установили БМП и БТРы, оборудовали позиции для пулемётчиков, гранатомётчиков и снайперов. Был установлен комендантский час, в течение которого передвижение по селу без особого разрешения воспреща-

лось. По улицам курсировали БТРы с десантом на броне и пешие патрули из нескольких человек с ручным пулемётом. Боевое охранение комендатуры бдительно несло службу, понимая, что нападения боевиков можно ожидать в любой момент. Обстановка была по настоящему боевой!

Боевое охранение

Вместе с тем было необходимо учитывать, что здесь живут наши сограждане: чеченцы, дагестанцы, русские, калмыки за последние десять успевшие забыть мирную жизнь! Многие, невыдержив постоянного многолетнего нервного напряжения, нарушая Заповедь Пророка Мухаммеда, начали пьянствовать. Местному населению война, хаос, разруха всего и вся надоели до крайности. В большинстве своём оно ратовало за восстановление советской власти. Не редко можно было услышать: «При коммунистах было кому пожаловаться на тяготы жизни да и милиция защищала человека!» Стены многих сохранившихся домов были украшены красными звёздами — символом советской власти. В надежде на установление твёрдой власти местные жители вступали в ряды милиции Бислана Гантамирова, которая помогала федеральным войскам справиться с остатками боевиков-ваххабитов. Власть ваххабитов — исламских фундаменталистов — силой внедрявших в жизнь строгие

нравственные законы Шариата, не всем местным жителям была по нраву! В целом, чеченцы выступали за союз с Россией, но против законов, нарушающих их самобытность, традиции и обычаи! Миротворцам было необходимо их понять и поддержать! Настоящим виновником войны и бандитизма многие чеченцы считали Б. Березовского и Ко с их ненасытной жаждой наживы. Во всём видели еврейский след. В народе говорили, что Березовский кормит боевиков и хочет создать Новый Иерусалим площадью 19,3 тыс. кв. км. Официальным СМИ мало кто верил.

Хорошо проявивший себя майор Солоха в 2000 году был переведен на более ответственный и важный участок работы — заместителем коменданта по работе с населением Старопромысловского района города Грозного.

Город Грозный, 1999 год

Город стоял в руинах. Была разрушена большая часть жилого фонда, практически все лечебные и учебные учреждения, всё производство, зелёные насаждения вырублены на дрова, водопровод и канализация не работали, электричества не было. Люди, долгое время оставаясь без работы, кормились как придётся: кто-то со своего огорода, кто-то разбоем и даже торговлей рабами. В городе был всем

известен невольничий рынок. Говорили, что счёт рабам идёт на тысячи человек. И это в XXI веке! Оружие можно было купить на любом рынке. Автомат стоил около трёх тысяч рублей, пистолет — чуть дороже. В городе процветало пьянство и мародёрство и не только среди местных жителей. Этим грешили и военнослужащие, особенно контрактники. Они тоже торговали всем вплоть до оружия. Предательство не было редкостью как среди федералов, так и среди гантамировцев. Известен случай, когда, заплатив сто тысяч долларов, «по зелёному коридору» из города беспрепятственно вышел большой отряд боевиков Бараева. Информацию о своих войсках бывало продавали противнику и офицеры российской армии. (В апреле 2009 года по ТВ в программе «Военная тайна» был показан сюжет с участием очевидцев, обличающий армейских предателей!) « И это всё, — с горечью говорит Юрий Борисович, — результат того, что деньги в нашей стране с некоторых пор стали высшей ценность, а целью человеческой жизни — потребительство, гедонизм! Наших же наёмников чеченцы считали способными воевать только с мирными жителями! «Если бы у боевиков была хотя бы треть боевой техники, которой обладали российские войска, они спокойно дошли бы до самой Москвы!» — смеялись тогда чеченцы».

Однако даже в смутных условиях мирная жизнь в Чечне постепенно налаживалась. Не малую роль в этом сыграли военные комендатуры, работавшие рука об руку с местной администрацией и, в частности, майор Солоха Юрий Борисович. Совместно с МЧС комендатуры организовали питание десятков тысяч голодных людей. Каждый котлопункт обслуживал три — четыре тысячи человек! Для многих лишённых работы и пенсии людей это был единственный источник поддержания жизни!

В Городе свирепствовали болезни: туберкулёз, диабет, нервные и кожные заболевания, педикулёз. Юрий Борисович разыскивал медицинских работников и с помощью МЧС организовывал здравпункты, добивался обеспечения их средствами медицинской помощи. Не без его уча-

стия появились первые лечебные заведения и начали открываться первые школы и детские сады.

По свидетельству очевидца деятельность заместителя коменданта местные жители оценивали такими словами: «Солоха — человек внимательный. Всем обращающимся и чеченцам, и русским старается помочь!» Что это, если не высокая оценка деятельности человека и офицера!? У комендатуры, где трудился Солоха, как вспоминает очевидец, всегда можно было видеть толпу ожидающих приёма. Вопросы ему приходилось решать самые разнообразные: от получения пенсии, работы или жилья, до розыска пропавших в той неразберихе людей! И всегда срочные, не терпящие отлагательства. К чести Юрия Борисовича надо сказать, что он с ними успешно справлялся, о чём свидетельствуют многие поощрения командования!

Особо важным этапом работы была организация в подведомственном районе Грозного выборов Президента России. Несмотря на ожидаемые провокации и диверсии, стараниями местных властей и военных все попытки были сорваны и выборы прошли вполне благополучно, в чём тоже не малая заслуга заместителя коменданта.

Дело умиротворения беспокойной Чечни, бесспорно, явилось главным делом военной биографии подполковника Солохи.

Успехи чеченской деятельности ветерана были отмечены благодарностью Президента России, «Медалью Суворова», медалью «За отличия в военной службе» и повышением по службе.

В 2003 году Юрий Борисович Солоха по выслуге лет уволился в запас.

В заключение можно уверенно сказать, что именно на таких инициативных, добросовестных, всесторонне развитых офицерах во все времена держалась русская армия. Именно они и в наше смутное время удерживают её от полного развала!

ПОДВИГ СВЯЗИСТА

С полковником в отставке Головко Николаем Васильевичем мы встретились случайно. Осенью 2003 года мы одновременно прибыли на отдых в подмосковный санаторий «Марфино» и судьбе было угодно поместить нас на жительство в одну комнату. Будучи людьми одного возраста, родственных профессий и близкого мировоззрения, мы сразу сблизились и стали друзьями. Ведь «духовное родство, — как совершенно справедливо утверждает незабвенный В.И. Даль, — пуще кровного!» Уже в первые дни мы поделились подробностями своей военной биографии, делая акцент на наиболее ярких её страницах.

Николай Васильевич оказался артиллеристом. За 30 лет военной службы прошёл путь от курсанта военного училища до начальника артиллерии мотострелковой дивизии. Он участвовал в боевых действиях в Афганистане, за что

имеет боевые награды. Служил во многих, в том числе и очень отдалённых регионах тогда ещё великого Советского Союза. Я тоже начинал службу в артиллерии, и это обстоятельство ещё более сроднило нас.

Однажды, прекрасным осенним днём, когда с чистого голубого неба глядело на нашу грешную Землю ещё полетнему яркое солнце, а под ногами приятно шуршала сухая листва, мы гуляли по аллеям старинного парка бывшей усадьбы князей Голицыных и графов Паниных. Мы вспоминали воинские заслуги русской аристократии, которые и вывели её на вершину русской общественной жизни. Незаметно разговор перешёл к дням сегодняшним: к отношению руководства нынешней России к современным героям — воинам, резком снижении их социального статуса, утрате обществом памяти о них, а, следовательно, и материала, на котором только и воспитывается патриотизм народа. Я попросил Николая Васильевича вспомнить какой-либо эпизод афганской войны, чтобы, опубликовав его, в какой-то мере заполнить пробел в работе современных российских СМИ. И вот что я в тот день услышал.

«Думаю, что ещё долго не забудет русский народ афганской войны восьмидесятых годов прошлого столетия. Память постоянно будет напоминать об этом тысячам родственников убитых, раненым и искалеченным; солдатам и офицерам той войны, — начал свой рассказ отставной Советский полковник. — Невозможно забыть процедуру получения груза «Тюльпан-200». Многие матери, отцы, жёны и дети убитых, хоронили останки, не видя родных лиц. Можно представить их состояние, когда они узнавали, что в гробах были совсем не их родственники! А ведь и такое не было редкостью! Пройдут ещё многие годы, прежде чем мы узнаем истинные цифры погибших, раненных, искалеченных и пропавших без вести! Командующий пятьдесят восьмой армией генерал Громов в 1989 году доложил Правительству Советского Союза, что на земле Афганистана не осталось ни одного Советского солдата. А ведь слукавил генерал! Он не сказал: сколько оставлено там могил и

сколько бывших солдат и офицеров, сдавшихся в плен или, попав туда ранеными либо контуженными, бродят ещё по всему миру! И кто знает: сколько эти люди пролили слёз на чужбине, тоскуя по Родине; сколько раз видели во сне лица матерей, жён, детей; и как бы дорого они заплатили за то, чтобы вернуться домой, обнять своих родных и близких или хотя бы опуститься на колени у могилы и прошептать такое простое и дорогое слово «мама»!

Пожилой полковник замолчал и задумался. Глаза его подозрительно заблестели. После затянувшейся паузы он продолжил.

«То, что я хочу рассказать, случилось на юго-востоке Афганистана летом 1983 года. Мотострелковая часть, в которой я служил, получила задачу совершить длительный марш и при поддержке артиллерийского дивизиона уничтожить банду душманов, контролирующую вход в горное ущелье. По этому ущелью из Пакистана потоком шли воинские грузы, так необходимые душманам. Наша задача сильно осложнялась трудностью перехода. Двигаться приходилось по командным над местностью высотам, постоянно рискуя быть заранее замеченными противником, при дневной температуре воздуха +45–50 градусов и ночной всего +5–8. При этом каждый солдат, сержант и офицер нёс на себе до 32 кг груза (оружие, боекомплект, сухой паёк, воду). Из данных полученных разведкой было известно, что оборона противника построена в два яруса: нижний на двух холмах, отстоящих друг от друга на 300–400 метров, верхний — на высоте 700 метров, расположенной на правом фланге. Командир полка принял решение оседлать соседнюю высоту и выслал туда разведгруппу в составе двух разведчиков и связиста с рацией. Когда группа доложила о прибытии в пункт назначения и о том, что оттуда прекрасно наблюдает противника, разведчикам было приказано вернуться и провести туда личный состав командного пункта части. Радист же был оставлен на высотке для продолжения наблюдения за душманами. Задача казалась до предела простой, однако выполнить её не удавалось в

течение целых двух суток! Было сделано несколько попыток, но всякий раз наша группа натыкалась на такой плотный автоматный и пулемётный огонь, что вынуждена была отходить с потерями. Попытались выбить противника из седловины ночью, но тоже безуспешно.

Когда рассвело, стало ясно, что наши подразделения находятся ниже линии обороны душманов и пройти на избранную высоты без больших потерь невозможно. Ценнейшим источником информации о противнике для командира полка и КП являлся радист рядовой Мезенцев, оставленный на высоте. Именно он и сыграл решающую роль в разгроме той банды!

Две попытки атаковать душманов снизу вверх положительного результата не принесли. Так прошёл первый день.

Поздно вечером в очень коротком разговоре (чтобы противник не успел засечь местоположение рации) радисту была поставлена задача, не демаскируя себя, с рассветом подробно изучить оборону душманов и данные об их огневых точках кратко передать на наш КП. Он выполнил свою задачу отлично. Предупредив предварительно Мезенцева, в 9.00 наша артиллерия открыла огонь по его

целеуказаниям. Но уже после первых залпов от него последовала команда «Стой!» Огонь оказался мало результативным, поскольку душманы попрятались в щели и норы между скал. Неожиданно около нашего КП стали рваться мины, да так часто и густо, что невозможно было поднять головы из-за каменного укрытия. Я связался с радистом и попросил его определить: откуда ведут огонь миномёты. Минут десять он молчал, затем радостным голосом очень грамотно сообщил ориентиры миномётной батареи. Я подготовил данные для стрельбы и приказал радисту докладывать, где будут рваться дымовые снаряды. Скорректировав с его помошью данные, огнём нашего дивизиона накрыл миномётную батарею. Мины вокруг нас перестали рваться.

Весь последующий день мы артиллерийским огнём не давали покоя обороняющемуся противнику, имитировали атаки на его позиции.

С наступлением темноты, приказав Мезенцеву наблюдать за поведением противника и кратко докладывать, мы открыли беглый огонь по его обороне осветительными снарядами. Душманы не ожидали, что при этом их позиции будут видны как ясным днём, и запаниковали, заметались. Воспользовавшись этим, полк усилил огонь из всех видов оружия. Понеся большие потери, душманы из седловины отошли к следующему рубежу обороны. Повторные артиллерийские налёты световыми снарядами дали возможность нашим мотострелкам практически без потерь вплотную подойти к линии обороны противника. Когда же радист доложил, что при разрывах осветительных снарядов наблюдает выход наших стрелков на командную высоту, занятую противником, артиллеристы прекратили стрельбу осколочными и фугасными снарядами, и мотострелки пошли в атаку.

Тот, кому приходилось видеть в темноте рой летящих трассирующих пуль, знает это ощущение: тебе кажется, что весь этот рой летит именно в тебя! Не выдержали ночной атаки душманы и побежали с первой сопки своей обо-

роны. Мы перенесли огневой налёт на вторую сопку, а через некоторое время и там пошли в атаку мотострелки. Да сразу с четырёх сторон! Душманы здесь почти сразу стали отходить, стараясь просочиться через наши цепи. Кое-где завязались рукопашные схватки. Однако ещё долго из центра их обороны два зенитных пулемёта огрызались огнём, но не по нашим наступающим мотострелкам, а по высоте, где находился радист Мезенцев. Видимо, душманы, обнаружив связиста, поняли его роль в этом бою и пытались отомстить! К утру бой закончился полным разгромом банды, только кое-где ещё раздавались отдельные выстрелы наших АКС.

После боя взятых в плен душманов собрали под большой скалой. Как сейчас вижу их глаза, полные бессильной злобы и ненависти!

Ещё до полного окончания боя начальник разведки, опасаясь за жизнь Мезенцева, послал на высоту своих людей. Они вынесли нашего героя на солдатской плащ-палатке, опалённого близкими разрывами снарядов и мин, иссечённого осколками камней, без сознания, но живого.

В конце боя враг приложил все усилия, чтобы разделаться с ним! Врач сразу принялся обрабатывать его раны, заметив при этом, что он родился под счастливой звездой.

Не знал в этот момент Мезенцев, что своими действиями спас от гибели многих товарищей и бой выигран с малыми потерями именно благодаря ему! Он не струсил, не отступил и достойно, помня данную Родине Присягу, выполнил до конца свой солдатский долг!

За этот бой Рядовой Советской Армии Мезенцев был награждён орденом Красного Знамени!» — заключил свой рассказ ветеран. Из скромности, как я его ни уговаривал, о своих боевых делах, за которые был награждён двумя орденами, он рассказывать отказался.

АФГАНСКАЯ ВОЙНА ГЛАЗАМИ СОЛДАТА

Рядовой Советской Армии Лопарёв Игорь Михайлович, активный участник боевых действий в Афганистане, родился в 1961 году в городе Омске в семье врачей.

Отец Михаил Константинович специализировался в области хирургии. Как хороший врач, продлил жизнь многим людям и услышал за это много слов благодарности от руководства лечебными учреждениями и пациентов.

Мать Маргарита Борисовна, врач терапевт, человек преданный своему делу, по настоящее время работает на скорой помощи, помогает людям в экстренных случаях, а не редко и спасает их жизни. Пациенты говорят о ней тоже только добрые слова.

Однако рождённый в интеллигентной семье Игорь, с тех пор как себя начал помнить, в детстве всегда ощущал, отрешённость, одиночество, недостаток семейного тепла, заботы и нежной родительской любви. Увлечённые сво-

ей профессией, личными интересами, постоянно занятые самоутверждением в жизни, ребёнку родители мало уделяли внимания. А когда Игорю исполнилось десять лет, семья вообще распалась, родители разошлись и разъехались в разные города. Отец — в Москву, мать, взяв с собой сына, уехала их Омска в Ленинград, где проживали её родители. В памяти об отце у Игоря сохранились лишь редкие совместные лыжные прогулки, во время которых отец и то больше был занят собой, чем маленьким сыном; да совместное с отцом забрасывание мяча в баскетбольную корзину. В дальнейшем с отцом Игорь практически не имел никаких контактов. И в Павловске, под Ленинградом, где они теперь жили, мать больше занималась своими проблемами. Воспитание мальчика взяли на себя бабушка и дедушка. При этом и бабушку более заботил быт мальчика. Своей задачей она считала вовремя накормить внука, тепло одеть и отправить во двор на прогулку, вовремя уложить спать. Духовным развитием Игоря она мало занималась. Иное дело дед Борис Лукьянович — профессиональный педагог. Главным в воспитании человека он справедливо считал формирование его духовных качеств, личности. Дед привил мальчику, может быть, самое важное для жизни качество — любовь к книге и научил отличать хорошую книгу от плохой или никчёмной, не приносящей ничего, как говорится, ни уму, ни сердцу. Дед водил внука по прекрасному Павловскому парку, рассказывал русскую историю, что-то из древнегреческой мифологии, связанное с парковыми павильонами и скульптурой. Не раз они побывали в пушкинских и Павловском дворцах. Мальчик приобщался к высокой культуре. Дед контролировал выполнение школьных домашних заданий внуком, следил за его успехами в учёбе. Увлечение шахматами, воспитанное дедом, рано приучило Игоря анализировать происходящее в его жизни и делать выводы на будущее. Тяга к чтению появилась у мальчика в ранние детские годы. Читать он научился ещё до школы, в детском саду, в Омске. У деда была хорошая домашняя библиотека, и он делал всё, чтобы

на всю жизнь приобщить внука к книге. В детстве мальчик с увлечением прочитал многие из книг Жюля Верна, Фенимора Купера, Майн Рида, Джека Лондона. Они научили его правильному пониманию добра и зла, чести и подлости, любви и ненависти, щедрости и алчности.

Как писал Владимир Высоцкий:

Если путь, прорубая отцовским мечом,
Ты солёные слёзы на ус намотал,
Если в жарком бою узнавал, что почём,
Значит, нужные книги ты в детстве читал!

Жизнь показала, что благодаря деду, Игорь в детстве читал именно нужные книги! Школьная программа по литературе дополнила психологический портрет Игоря, как советского человека, хорошо подготовленного к жизни в нормальном человеческом обществе.

Конечно, как всегда и бывает, на мальчика оказывало влияние и окружение: школьные и дворовые товарищи. Увлечение спортивными играми — баскетболом и футболом — командные состязания в человеке заглушают чувство эгоизма и развивают коллективизм — качество необходимое в общественной жизни. Уже в детстве Игорь понял важность сплочённости коллектива для достижения цели и не только в спортивных играх. Начав с дворовой баскетбольной команды, Игорь позднее не раз защищал честь школы на различных соревнованиях, а затем и честь Метростроя. В 1977 году команда ленинградского Метростроя заняла почётное второе место в городе Ленинграде, а её участники получили квалификацию первого спортивного разряда! Двор научил мальчика и самостоятельно постоять за себя в случае необходимости, что тоже очень пригодилось в жизни.

В школе Игорь учился не ровно, имел отличные оценки по интересующим его предметам и посредственные — по остальным. На увлекающегося мальчика сильное влияние оказывали учителя. Если нравился учитель, нравился

и предмет, который он преподавал. Так, будучи учеником седьмого класса, он даже участвовал в школьных городских олимпиадах по математике. Затем математику стал вести другой учитель, и она совсем перестала интересовать подростка!

Игорь учился в специализированной железнодорожной школе, готовящей кадры для последующей работы на железной дороге. Для получения представления о будущей профессии школа ученикам старших классов организовывала практику. Свой первый рабочий опыт Игорь получил в Центральном справочном бюро Ленинграда. Сегодня он с гордостью вспоминает, что, будучи мальчиком, успешно справлялся с серьёзной, ответственной, напряжённой работой, рассчитанной на опытного, взрослого человека.

С самого раннего детства мальчика интересовали машины и механизмы. Конечно, по началу изучению устройства подвергались детские игрушки! «Помню, сказал однажды бабушке: вот вырасту, стану таксистом и буду тебя возить в магазин! — сегодня вспоминает Игорь Михайлович. И добавляет с нескрываемой гордостью. — И ведь выполнил своё детское обещание! Быть хозяином своего слова считаю необходимым человеческим качеством! Не терплю болтунов!»

Добрым словом вспоминает ветеран своего школьного учителя начальной военной подготовки, стрельбы в тире из малокалиберной винтовки, серьёзное, уважительное отношение к оружию, к труду и людям труда, которые дала ему, в том числе и школьная начальная военная подготовка.

В целом школа (как и любая советская школа) широко развила молодого человеке, вступающего в жизнь, пробудила любознательность (любовь к знаниям!) и научила уважать всякий труд!

Сразу после получения Аттестата зрелости в 1978 году Игорь, верный своей давнишней мечте, идёт учиться в автошколу, которые в те времена существовали при Добровольном обществе содействия армии и флоту и бесплатно обучали юношей профессии водителя автотранспорта, не-

обходимой как в армии, так и в народном хозяйстве. Через шесть месяцев, успешно сдав экзамены по устройству, ремонту автомобиля и правилам дорожного движения, он получил водительское удостоверение.

В мае 1979 года его призвали на военную службу. В отличие от нынешних времён, когда юноши правдами и неправдами стараются увильнуть от службы в армии, в те годы военная служба действительно считалась почётной обязанностью гражданина СССР. Ребята, не прошедшие армейской школы считались неполноценными, сверстники их презирали, а девушки отказывались дружить. «Зачем мне нужен парень, которого даже в армию не взяли? Видимо, он какой-то ненормальный, физически или психически больной! Ну, какой из него может получиться муж и отец семейства!?» — рассуждали тогдашние девчата. «Во время моего призыва в Пушкинском военкомате собралось более сотни призывников! Невиданное для сегодняшнего времени количество!» — вспоминает Игорь Михайлович». Призывников в армию провожали не со слезами, а с музыкой и весёлыми песнями. Родители гордились сыновьями, идущими на защиту Родины!

Надеясь кроме школы мужской зрелости в армии ещё и пройти хорошую водительскую практику, служить Игорь шёл с удовольствием. Таксист, о профессии которого он мечтал с детства, должен быть классным водителем!

«В военкомате отобрали группу водителей и направили в Новосибирск, — рассказывает об этом периоде своей жизни Игорь Михайлович. — Там нас распределили по воинским частям. Я стал водителем транспортного автомобиля в батальоне обеспечения мотострелкового полка. Полгода возил мирные грузы, обеспечивающие жизнь и быт личного состава части. В конце 1979 года, перед самым Новым 1980-м годом солдаты почувствовали какое-то беспокойство, тревогу. Неожиданно нам выдали недостающее вещевое имущество, недельный сухой паёк. На наши вопросы: «что ожидается и когда?» — непосредственные начальники не отвечали. Вероятно, по началу сами не име-

ли информации. Неопределённость тревожила, нарушала обычный ритм жизни части. Мы понимали, что готовится что-то необычное. Скорее всего, полк куда-то передислоцируется. Но куда и зачем, по крайней мере, для солдат, оставалось тайной.

Действительно, 7 января 1980 года, оставив в казармах солдат осеннего призыва и подлежащих в ближайшее время увольнению в запас, а также тяжёлую артиллерийскую и бронетанковую технику, погрузили в эшелон личный состав, вооружённый личным стрелковым оружием, и бронетранспортёры и двинулись куда-то на юго-запад страны. Путь эшелона прослеживали по проезжаемым городам. О пункте назначения ещё никто нам не говорил. Проехали всю Среднюю Азию, миновали Самарканд. Остановились в Термезе. В дороге меня переориентировали: я стал водителем БТРа. Выгрузились ночью, организовав охрану техники и продовольствия, переночевали в почему-то пустой казарме.

На следующий день какой-то генерал, собрав водителей, спросил: «Кто желает ехать в Афганистан, где сейчас идёт гражданская война?» Среди многих я поднял руку. Понятно, что войну я знал только по прочитанным книгам и кинофильмам, в которых обычно всё для героев кончалось благополучно. Как большинство юношей своего поколения, я был романтиком. Войну воспринимал как острое приключение.

Группу из десяти водителей, изъявивших ехать в Афганистан, на поезде отвезли в Ташкент. По-видимому, там шло формирование частей для войны в Афганистане. Все мы были назначены водителями в организуемых здесь в Ташкенте советских военных комендатурах Афганистана. В это время, как выяснилось позже, Советские войска в Афганистан только вводились, и активных боевых действий ещё не было. Там налаживалась служба войск. В состав нашей комендатуры входили: комендант майор Орлов, его заместитель (он же начальник гауптвахты) лейтенант Петросов, начальник военно-автомобильной инспекции

старший лейтенант Юнусов, делопроизводитель Халитова и три водителя рядовые Ибрагимов, Рахимов и я.

Личный состав комендатуры в Багграме

Водители комендатуры

Мы получили для своей комендатуры два автомобиля УАЗ-469, БТР, автоматы Калашникова, пулемёт для БТРа, боеприпасы, сухой паёк и своим ходом, через впоследствии ставший хорошо известным перевал Саланг двинулись в

город Баграм. Благополучно прошли весь путь. Никаких боевых столкновений не было. Правда, ночью где-то в горах слышали отдалённый гул артиллерийской стрельбы.

По нашим понятиям Баграм и городом-то назвать нельзя. Здесь был аэродром, небольшой авиаремонтный заводик; стояли наши советские и афганские воинские части: наши авиационный и десантный полки; батальоны: связи, строительный и аэродромного обеспечения и афганский авиационный полк. Гражданского населения не было.

Афганскую комендатуру возглавлял полковник Ширхан, человек средних лет, прилично говоривший по-русски, видимо, прошедший обучение где-нибудь в СССР. Он выделил для нашей комендатуры двухэтажный дом, по мусульманскому обычаю состоявший из двух половин — мужской и женской. Рядом поставили палатку для трёх водителей. Через пару месяцев водителям для жилья выделили вагончик.

В задачу комендатуры кроме организации службу войск входило немедленное реагирование на все чрезвычайные происшествия вроде неожиданной стрельбы, взрывов гранат и мин в городе и окрестностях, а в случае необходимости и организация отражения внезапных нападений духов на место расположения войск. Первым делом, в соответствии с Уставом гарнизонной и караульной службы, была налажена патрульная служба, создана гауптвахта и организована служба дежурных подразделений быстрого реагирование в чрезвычайных ситуациях. Мирная жизнь длилась не долго. Начались нападения духов на транспорт, движущийся к городу, подрывы автомобилей на минах, обстрелы мест дислокации воинских частей. В каждом случае на место происшествия выезжал комендант. Нападения обычно совершались ночью. Не редко наш УАЗ попадал под обстрел невидимых в темноте духов. В темноте хорошо были видны строчки трассирующих пуль, были слышны их шлепки о придорожные камни. Следы обстрела я обнаруживал утром на кузове машины. К счастью, в моей машине убитых и раненых не было. Совершив нападение, духи

растворялись в темноте южной непроглядной ночи. При свете дня эти же люди выглядели самыми обыкновенными жителями окрестных хуторов или пастухами, мирно пасущими своих овец. Велась классическая гражданская война народа Афганистана с правительственными войсками и советским ограниченным контингентом. К сожалению, бывали случаи, когда в суматохе, не разобравшись в обстановке, прибывшие на место происшествия подразделения открывали огонь по своим. Не обходилось и без жертв.

Надо сказать, что Баграм окружён кольцом небольших хуторов. Земля здесь плодородная, вода в достатке, хорошо выращиваются виноград, абрикосы, груши и другие южные растения. Невдалеке лесные заросли. Боевикам было, где скрываться после ночного боя и вне населённых пунктов.

Служащим комендатуры нередко приходилось в составе подразделений десантников участвовать в зачистках афганских населённых пунктов. В этих операциях особенно близко увидел жизнь и быт афганцев. Должен сказать, что, на мой взгляд, уж не такими они были и бедными, как об этом писали. Всё необходимое для жизни, причём вполне современное, большинство из окрестных жителей имели: и бытовую технику, и автомобильную, и электронику западного производства, какой в нашей стране тогда не было. Жилые помещения поражали обилием ковров и оружия. Оборванных, грязных и голодных нищих, похожих на наших нынешних бомжей, я там не видел! Дома в селениях в основном глинобитные, казавшиеся мне вполне добротными, двухэтажные. На первом этаже — помещение для скота, на втором — жилое, состоящее из двух половин — мужской и женской. При нашем появлении в доме женщины немедленно скрывались.

Многое в обычаях афганцев мне понравилось. Например, их особо почтительное отношение к старшим. Заповедь «Чти отца твоего и матерь твою…» там исполняется беспрекословно. В результате традиции народа очень живучи. Афганцы их очень ценят и мужественно сражаются

на протяжении многих веков с любыми завоевателями, пытающимися их изменить! Американцев ждёт та же судьба, как и всех предшествующих! Я верю, что афганца можно убить, но покорить нельзя! Необыкновенно силён дух этого народа!

Своих женщин афганцы строго оберегают и таким образом сохраняют нацию от ассимиляции, от кровосмешения. Что мне тоже очень импонирует! Алкоголь простые люди вовсе не употребляют. Правда, курят анашу, но наркотик это слабый, и курят умеренно. Я ни разу не видел афганца в бреду или валяющегося на улице в беспамятстве. Драк между афганцами тоже не видел. Простые афганцы очень гостеприимны, доверчивы и даже наивны. Был случай, когда наш советский солдат «продал» афганцу вертолёт и получил какие-то незначительные деньги. Наивный человек искренне поверил, что советский солдат может продать вертолёт! Солдата нашли и посадили на гауптвахту, а над самой историей долго смеялись. В целом народ этот мне показался очень сдержанным и, можно сказать, хорошо воспитанным, то есть хорошо усвоившим высокие нравственные нормы. Нам есть чему поучиться у «нецивилизованных» афганцев!

Во время операций по зачистке населённых пунктов мы с автоматами наготове обходили дома. Раненых или просто подозрительных сдавали местным властям, которые их через некоторое время обычно с миром отпускали на волю. Да и чем, действительно, можно доказать, что именно этот человек участвовал в нападении и стрелял в людей. Взятых живыми власти в абсолютном большинстве случаев считали арестованными по ошибке. Вот, если им привозили труп, то это, по их мнению, был непременно враг правительства! Увы, так было! «Восток — дело тонкое! — как говорил известный киногерой.

Помимо ограничений морального характера на той войне — по крайней мере, в нашем гарнизоне — существовало неписанное правило: кто застрелил моджахеда, тот его и обыскивает. Понято, что занятие это мало приятное. В

общем, по возможности все старались брать боевиков живыми. Кроме того, у солдата не было ясности в вопросе: кто прав, я или афганец? Ведь это я пришёл на его землю, а он её, как это и должно быть, защищает! И линии фронта не было, когда всем понятно: где свои, а где враги! Должно быть, простые афганцы рассуждали примерно так же. Был случай, когда наш солдат из подразделения, которое осуществляло зачистку населённого пункта, отстал от своих товарищей и заблудился. Видит, сидят пастухи с оружием, рядом пасётся стадо овец. Кстати, оружие у жителей Афганистана — обычное дело! Даже дети носили винтовки! Солдат подходит к пастухам и просит указать направление на Баграм. Те поняли, что солдат имеет мирные намерения, и оружия применять не стали. Отпустили с миром. А ведь весьма возможно, что это и были боевики, которых искали!

Интересно, что некоторые афганцы были вооружены старинными длинноствольными ружьями, заряжающимися с дула крупными круглыми свинцовыми пулями. Они такие ружья называли «мультук». Убойная дальность стрельбы такого ружья более километра. А афганцы, надо отдать им должное, прекрасные охотники и стрелки. Однажды из такого ружья был сбит наш самолёт-истребитель, шедший на посадку. Пуля пробила лобовое стекло самолёта и убила лётчика. Майор Орлов решил собрать всё оружие в ближайших населённых пунктах. Для проведения операции было выделено подразделение десантников. Возглавил операцию комендант. Я был, как положено, при нём. Случалось, что при подъезде к селу нас встречали плотным автоматным огнём. А в самом селе попробуй, найди того, кто стрелял! Не слишком много нам удалось собрать оружия, хотя его имел каждый афганец!

В общем, как говорится, пришлось мне в юности понюхать пороха! Крови насмотрелся, хватит на всю жизнь! Но вот Бог уберёг! Даже ранен не был!

Надо прямо сказать, будучи молодым человеком и рядовым солдатом, я в то время мало рассуждал. Просто

старался честно выполнять свой солдатский долг. Думал: «вот поможем навести законный порядок в этой стране и уйдем! Мы же — русские не завоеватели!»»

Отслужив положенный срок, Игорь Михайлович вернулся на Родину. Занимается своим любимым делом, является членом Комитета содействия военкомату по патриотическому воспитанию молодёжи и охотно делится с ней своим боевым и жизненным опытом. Активно работает над созданием мемориала в память о воинах-интернационалистах, участниках боевых действий 50-х — 90-х годов прошлого века.

Здесь будет мемориал!

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Сегодня в канун празднования очередного юбилея Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов, боровшегося и победившего тогда, по сути, всю Европу; Победы, достигнутой благодаря тому, что фронт и тыл тогда выступали в едином сомкнутом строю; мы вспоминаем, и ещё долго будем вспоминать, то время, поскольку, по-справедливости, всех, живущих в те грозные годы в границах СССР от новорожденного до глубокого старца, следовало бы считать участниками этой войны. Ведь каждый из тех людей хотя и в разной мере, но от неё пострадал! Время, когда весь народ, за редким исключением, был вдохновлён идеей патриотизма и жаждой победы над ненавистным врагом. Когда в действующую армию уже в первые дни записались сотни тысяч добровольцев, многие из которых ещё не достигли призывного возраста, и сделали это, обманув работников военкоматов. Когда совсем не редкостью были побеги на фронт 12–14-летних подростков, позднее отмеченных правительственными наградами. Когда значительный процент партизан составляли юноши и девушки – почти дети – не только не жаловавшиеся на трудности военной жизни, но и гордящиеся их преодолением. Когда на заводах и фабриках, колхозах и совхозах ушедших на фронт взрослых достойно заменили подростки. Когда, как совершенно верно сказал В. Высоцкий, даже «ребятишкам хотелось под танки». Когда большинство наших граждан не только не пытались увильнуть (как это происходит сейчас!) от службы в армии, а с завистью смотрели вслед уходящим на фронт. Когда солдат, вернувшийся домой по ранению или после окончания войны да ещё гордо несущий на груди заслуженные награды, был самым почитаемым человеком и не было гражданского, отсидевшегося в тылу, несмотря на его положение в обществе, имевшего социальный статус выше фронтовика.

Всё это было и осталось в памяти детей войны, обязав большинство из них всю жизнь стараться хоть немного походить на победителей! Значительная часть тех малолетних участников войны посвятили свою жизнь службе в рядах Советской Армии и Военно-морского флота. Надо отдать им должное: большинство не уронило чести отцов и дедов и сделало всё для сохранения мира, поддерживая высокую боеспособность наших войск, обучая новые поколения воинов и создавая новейшее могучее оружие. Благодаря этому поколению страна вот уже шестьдесят пять лет живёт в условиях мира на нашей земле. И сорок пять лет после тех памятных майских дней 1945 года она по заслугам высоко чтила своё воинское сословие! Социальный статус его был высок как, впрочем, во все времена и у всех народов вплоть до овладения идеей либерализма умами людей, после чего в обществе на смену человеку с мечом пришёл человек с мешком денег! И поклоняться люди стали не мужеству, отваге, самопожертвованию во имя Родины, а золотому тельцу, неуёмному потребительству.

Увы, теперь эти времена пришли и в нашу страну. С содроганием сердца, со слезами смотрят ветераны на происходящее в России в последние годы. При несопоставимом ни с чем в нашей истории упадке морали, что признают даже «наши» высшие руководители, особо следует отметить упадок патриотизма у молодёжи. По данным некоторых «свободных» (от чего: может быть, власти денег!?) СМИ среди опрошенных призывников в ряды Российской армии только четырнадцать процентов сказали, что готовы бороться за Родину. Остальные, нисколько не смущаясь, признались, что при первой возможности сдадутся в плен или дезертируют. Опрос школьников ряда московских и петербургских школ показал, что любить и уважать Родину, её историю и культуру считают необходимым от пятидесяти до шестидесяти процентов опрошенных, но быть преданным Родине — только десять процентов; пытаться улучшить её положение, помогать ей — от девяти до пятнадцати процентов. Защищать Родину согласны только

семь — двенадцать процентов. Готовы на самопожертвование всего пять — шесть процентов! Только два процента характеризуют Родину как самое дорогое и родное, за что можно и отдать жизнь!

Причин столь ужасного положения много, но главная — обработка сознания нашего народа либеральными СМИ уже в течение двадцати лет! Внедрение буржуазной, протестантской системы ценностей, жажды потребления! К великому сожалению, сильно ещё животное начало в человеке!

В этих условиях обязанность каждого честного, неравнодушного к судьбе Отечества человека, тем паче офицера, во всеуслышание заявить: Отечество в опасности!» Предсказание Е. Гайдара о том, что через пятьдесят лет на нашей земле возможно и будет существовать государство, но это уже будет государство не русское, в такой обстановке вполне реально! Уже сейчас некому защищать нашу цивилизацию, нашу культуру, могилы наших предков! Усилиями властей Россия быстрыми темпами приближается к краху!

Только серьёзно, практически занявшись воспитанием народа в духе высокой морали, как это продекларировано в Государственной программе «Патриотическое воспитание граждан Российской Федерации», где сказано: «В этих условиях очевидна неотложность решения на государственном уровне острейших проблем воспитания патриотизма как основы консолидации общества и укрепления государства», можно предотвратить грозящую катастрофу! К сожалению, эта декларация правительства, впрочем, как и многие другие, остаётся пока только на бумаге!

Очерки об участниках Великой Отечественной войны и воинах интернационалистах, собранные в этой книге, вполне могут послужить решению этой архиважной задачи, а их герои – примерами для подражания молодёжи, ибо все они и отцы, и дети были и остаются настоящими патриотами своей Родины!

Отпечатано в типографии XXXXXX
Подписано в печать XXXXXXX. Заказ № XXXXX.
Формат 60×90 $^{1}/_{16}$. Усл. печ. л. 20.
Тираж XXXXX экз.